

Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ленин)

Материал из Викитеки — свободной библиотеки

Перейти к: [навигация](#), [поиск](#)

Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского богатства» против марксистов)

[Выпуск I](#)

→

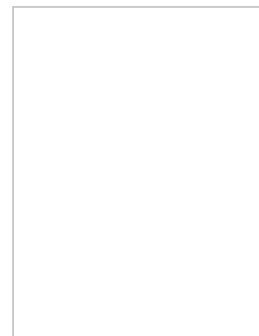
автор *В.И.Ленин*

Дата создания: весной — летом 1894 г., опубли.: в 1894 г. на гектографе. Источник: *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений в пятидесяти пяти томах. — издание пятое. — М.: Издательство политической литературы, 1967. — Т. 1. 1893 ~ 1894. — С. 125—346

Википроекты: ▫ [Википедия](#) ▫ [Данные](#)

Оглавление

- [Выпуск I](#)
 - [От издателей](#)
 - [К предлагаемому изданию](#)
- [Выпуск III](#)
 - [Приложение I](#)
 - [Приложение II](#)
 - [Приложение III](#)

Обложка III выпуска гектографированного издания книги В. И. Ленина «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?»

Последняя страница III выпуска гектографированного издания книги В. И. Ленина «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?»

Это произведение перешло в **общественное достояние**.

- Произведение написано автором, умершим более семидесяти лет назад, и опубликовано прижизненно, либо посмертно, но с момента публикации также прошло более семидесяти лет.

Источник — [https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=Что_такое_«друзья_народа»_и_как_они_воюют_против_социал-демократов%3F_\(Ленин\)&oldid=603803](https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=Что_такое_«друзья_народа»_и_как_они_воюют_против_социал-демократов%3F_(Ленин)&oldid=603803)

Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ленин)/I

Материал из Викитеки — свободной библиотеки

< [Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? \(Ленин\)](#)

Перейти к: [навигация](#), [поиск](#)

← **Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского богатства» против марксистов) — Выпуск I**

[Оглавление](#) автор *В.И. Ленин*

[От издателей](#)

→

Дата создания: апрель 1894 г., опублик.: в 1894 г. на гектографе. Источник: *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений в пятидесяти пяти томах. — издание пятое. — М.: Издательство политической литературы, 1967. — Т. 1. 1893 ~ 1894. — С. 127—203

Выпуск I

«[Русское Богатство](#)» открыло поход против социал-демократов. Еще в № 10 за прошлый год один из главарей этого журнала, г-н [Н. Михайловский](#), объявил о предстоящей «полемике» против «наших так называемых марксистов или социал-демократов». Затем появились статьи г-на [С. Кривенко](#): «По поводу культурных одиночек» (№ 12) и г. Н. Михайловского: «Литература и жизнь» (№ 1 и 2 «Р. Б.» за 1894 г.). Что касается до собственных воззрений журнала на нашу экономическую действительность, то они всего полнее изложены были г. [С. Южаковым](#) в статье: «Вопросы экономического развития России» (в № 11 и 12). Претендуя вообще в своем журнале представлять идеи и тактику истинных «друзей народа», эти господа являются отъявленными врагами социал-демократии. Попробуем же присмотреться к этим «друзьям народа», к их критике марксизма, к их идеям, к их тактике.

Г-н Н. Михайловский обращает более всего внимания на теоретические основания марксизма и потому специально останавливается на разборе материалистического понимания истории. Изложивши, в общих чертах, содержание обширной марксистской литературы, излагающей эту доктрину, г-н Михайловский открывает свою критику такой тирадой:

«Прежде всего, — говорит он, — является сам собою вопрос: в каком сочинении [Маркс](#) изложил свое материалистическое понимание истории? В „Капитале“ он дал нам образчик соединения логической силы с эрудицией, с кропотливым исследованием как всей экономической литературы, так и соответствующих фактов. Он вывел на белый свет давно забытых или никому ныне неизвестных теоретиков экономической науки и не оставил без внимания мельчайших подробностей в каких-нибудь отчетах фабричных инспекторов или показаниях экспертов в разных специальных комиссиях; словом, перерыл подавляющую массу фактического материала частью для обоснования, частью для иллюстрации своих экономических теорий. Если он создал „совершенно новое“ понимание исторического процесса, объяснил все прошедшее человечества с новой точки зрения и подвел итог всем доселе существовавшим философско-историческим теориям, то сделал это, конечно, с таким же тщанием: действительно пересмотрел и подверг критическому анализу все известные теории исторического процесса, поработал над массой фактов всемирной истории. Сравнение с [Дарвином](#), столь обычное в марксистской литературе, еще более утверждает в этой мысли. Что такое вся работа Дарвина? Несколько обобщающих, теснейшим образом между собой связанных идей, венчающих целый Монблан фактического материала. Где же соответственная работа Маркса? Ее нет. И не только нет такой работы Маркса, но ее нет и во всей марксистской литературе, несмотря на всю ее количественную обширность и распространенность».

Вся эта тирада в высшей степени характерна для уразумения того, как мало понимают «Капитал» и Маркса в публике. Подавленные громадной доказательностью изложения, они расшаркиваются перед Марксом, хвалят его и в то же время совершенно упускают из виду основное содержание доктрины и, как ни в чем не бывало, продолжают старые песенки «субъективной социологии». Нельзя не вспомнить по этому поводу очень верного эпитафия, выбранного [Каутским](#) в его книге об экономическом учении Маркса:

Wer wird nicht einen Klopstock loben?
Doch wird ihn jeder lesen? Nein.
Wir wollen weniger erhoben
Und fleissiger gelesen sein!^[1]

Именно так! Г-ну Михайловскому следовало бы поменьше хвалить Маркса да поприлежнее читать его, или, лучше, посерьезнее вдумываться в то, что он читает.

«В „Капитале“ Маркс дал нам образчик соединения логической силы с эрудицией», — говорит г-н Михайловский. Г. Михайловский в этой фразе дал нам образчик соединения блестящей фразы с пустотой содержания, — заметил один марксист.

И замечание это совершенно справедливо. В самом деле, в чем же проявилась эта логическая сила Маркса? Какие дала она результаты? Читая приводимую тираду г-на Михайловского, можно подумать, что вся эта сила направлена была на «экономические теории» в самом тесном значении слова, — и только. И — чтобы оттенить сильнее узкие пределы поля, на котором проявлял Маркс свою логическую силу, г. Михайловский напирал на «мельчайшие подробности», на «фротливость», на «никому неизвестных теоретиков» и т. п. Выходит так, как будто ничего существенно нового, достойного упоминания, Маркс не внес в приемы построения этих теорий, как будто он оставил пределы экономической науки такими же, какими они были у прежних экономистов, не расширив их, не внося «совершенно нового» понимания самой этой науки. А между тем всякий читавший «Капитал» знает, что это — сплошная неправда. Нельзя не вспомнить по этому поводу того, что писал о Марксе г-н Михайловский 16 лет тому назад, полемизируя с пошло-буржуазным г. Ю. Жуковским. Времена, что ли, тогда были другие, чувства, что ли, посвежее, но только и тон и содержание статьи г-на Михайловского были совсем не те.

— «Конечная цель этого сочинения — показать закон развития (в подлиннике: Das ökonomische Bewegungsgesetz — экономический закон движения) современного общества», — говорит К. Маркс о своем „Капитале“ и строго выдерживает свою программу», — так отзывался г. Михайловский в 1877 г. Посмотрим же поближе на эту, строго — по признанию критика — выдержанную программу. Она состоит в том, чтобы «показать экономический закон развития современного общества».

Самая уже эта формулировка ставит нас лицом к лицу с несколькими вопросами, требующими разъяснения. Почему это говорит Маркс о «современном (modern)» обществе, когда все экономисты до него толковали об обществе вообще? В каком смысле употребляет он слово «современный», по каким признакам выделяет особо это современное общество? И далее — что это значит: экономический закон движения общества? Мы привыкли слышать от экономистов — и это, между прочим, одна из любимых идей у публицистов и экономистов той среды, к которой принадлежит «Русское Богатство», — что только производство ценностей подчинено одним лишь экономическим законам, тогда как распределение, дескать, зависит от политики, от того, в чем будет состоять воздействие на общество со стороны власти, интеллигенции и т. п. В каком же это смысле говорит Маркс об экономическом законе движения общества и еще рядом называет этот закон Naturgesetz — законом природы? Как понимать это, когда столь многие отечественные социологи исписали груды бумаги о том, что область общественных явлений выделяется особо из области естественно-исторических явлений, что поэтому и для исследования первых следует прилагать совсем особый «субъективный метод в социологии»?

Все эти недоумения возникают естественно и необходимо, и, конечно, только полное невежество может обходить их, говоря о «Капитале». Чтобы разобраться в этих вопросах, приведем предварительно еще одно место из того же предисловия к «Капиталу», — всего несколькими строками ниже:

«Моя точка зрения состоит в том, — говорит Маркс, — что я смотрю на развитие экономической общественной формации как на естественно-исторический процесс».

Достаточно простого сопоставления хотя бы приведенных только двух мест из предисловия, чтобы видеть, что именно тут заключается основная идея «Капитала», проведенная, как мы слышали, строго выдержанно и с редкой логической силой. Отметим прежде всего два обстоятельства по поводу всего этого: Маркс говорит только об одной «общественно-экономической формации», о капиталистической, т. е. говорит, что исследовал закон развития только этой формации и никакой другой. Это первых. А во-вторых, отметим приемы выработки Марксом его выводов: эти приемы состояли, как мы сейчас слышали от г. Михайловского, в «фротливом исследовании соответствующих фактов».

Теперь перейдем к разбору этой основной идеи «Капитала», которую так ловко попытался обойти наш субъективный философ. В чем собственно состоит понятие экономической общественной формации? и каким образом развитие такой формации можно и должно считать естественно-историческим процессом? — вот вопросы, стоящие теперь перед нами. Я уже указывал, что с точки зрения старых (не для России) экономистов и социологов понятие общественно-экономической формации совершенно лишнее: они толкуют об обществе вообще, спорят с [Спенсерами](#) о том, что такое общество вообще, какова цель и сущность общества вообще и т. п. В таких рассуждениях эти субъективные социологи опираются на аргументы вроде тех, что цель общества — выгоды всех его членов, что поэтому справедливость требует такой-то организации, и что несоответствующие этой идеальной («Социология должна начать с некоторой утопии» — эти слова одного из авторов субъективного метода, г. Михайловского, прекрасно характеризуют сущность их приемов) организации порядки являются ненормальными и подлежащими устранению. «Существенная задача социологии, — рассуждает, например, г. Михайловский, — состоит в выяснении общественных условий, при которых та или другая потребность человеческой природы получает удовлетворение». Вы видите, этого социолога интересует только такое общество, которое удовлетворяет человеческой природе, а совсем не какие-то там общественные формации, которые притом могут быть основаны на таком не соответствующем «человеческой природе» явлении, как порабощение большинства меньшинством. Вы видите также, что с точки зрения этого социолога не может быть и речи о том, чтобы смотреть на развитие общества как на естественно-исторический процесс. («Признав нечто желательным или нежелательным, социолог должен найти условия осуществления этого желательного или устранения нежелательного» — «осуществления таких-то и таких-то идеалов», — рассуждает тот же г. Михайловский.) Мало того, не может быть речи даже и о развитии, а только о разных отклонениях от «желательного», о «дефектах», случившихся в истории вследствие... вследствие того, что люди были не умны, не умели хорошенько понять того, что требует человеческая природа, не умели найти условий осуществления таких разумных порядков. Ясное дело, что основная идея Маркса о естественно-историческом процессе развития общественно-экономических формаций в корень подрывает эту ребячью мораль, претендующую на наименование социологии. Каким же образом выработал Маркс эту основную идею? Он сделал это посредством выделения из разных областей общественной жизни области экономической, посредством выделения из всех общественных отношений — *отношений производственных*, как основных, первоначальных, определяющих все остальные отношения. Сам Маркс так

описал ход своих рассуждений по этому вопросу: «Первая работа, которую я предпринял для разрешения обуревавших меня сомнений, был критический разбор гегелевской философии права. Работа привела меня к тому результату, что правовые отношения так же точно, как и политические формы, не могут быть выводимы и объясняемы из одних только юридических и политических оснований; еще менее возможно их объяснять и выводить из так называемого общего развития человеческого духа. Корень их заключается в одних только материальных, жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру английских и французских писателей 18 века, называет „гражданским обществом“. Анатомию же гражданского общества следует искать в политической экономии. Результаты, к которым привело меня изучение последней, могут быть кратко сформулированы следующим образом. При материальном производстве людям приходится стать в известные отношения друг к другу, в *производственные отношения*. Последние всегда соответствуют той ступени развития производительности, которую в данное время обладают их экономические силы. Совокупность этих производственных отношений образует экономическую структуру общества, реальное основание, над которым возвышается политическая и юридическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Таким образом, производственный порядок обуславливает социальные, политические и чисто духовные процессы жизни. Их существование не только не зависит от сознания человека, но, напротив, последнее само от них зависит. Но на известной ступени развития своей производительности силы приходят в столкновение с производственными отношениями людей друг к другу. Вследствие этого они начинают противоречить и тому, что служит юридическим выражением производственных отношений, т. е. имущественным порядкам. Тогда производственные отношения перестают соответствовать производительности и начинают ее стеснять. Отсюда — возникает эпоха общественного переворота. С изменением экономического основания более или менее медленно или скоро изменяется вся громадная надстройка, над ним возвышающаяся. При рассмотрении этих переворотов всегда необходимо строго различать материальную перемену в условиях производства, которая должна быть естественно-научно констатирована, и перемену в юридических, политических, религиозных, художественных и философских, словом — идеологических формах, в которых мысль о столкновении проникает в человеческое сознание и в которых скрытым образом из-за него происходит борьба. Об отдельном человеке мы не судим по тому, что он сам о себе думает; но нельзя также судить и об эпохе переворотов по ее собственному самосознанию. Напротив, это самосознание должно быть объяснено из противоречий материальной жизни, из столкновения между условиями производства и условиями производительности... Рассматриваемые в общих чертах азиатские, античные, феодальные и новейшие, буржуазные, производственные порядки могут быть рассматриваемы как прогрессивные эпохи в истории экономических формаций общества».

Уже сама по себе эта идея материализма в социологии была гениальная идея. Разумеется, *пока* это была еще только гипотеза, но такая гипотеза, которая впервые создавала возможность строго научного отношения к историческим и общественным вопросам. До сих пор, не умея спуститься до простейших и таких первоначальных отношений, как производственные, социологи брались прямо за исследование и изучение политико-юридических форм, наткнувшись на факт возникновения этих форм из тех или иных идей человечества в данное время — и останавливались на этом; выходило так, что будто общественные отношения строятся людьми сознательно. Но этот вывод, нашедший себе полное выражение в идее о *Contrat Social* (следы которой очень заметны во всех системах утопического социализма), совершенно противоречил всем историческим наблюдениям. Никогда этого не было, да и теперь этого нет, чтобы члены общества представляли себе совокупность тех общественных отношений, при которых они живут, как нечто определенное, целостное, проникнутое таким-то началом; напротив, масса прилаживается бессознательно к этим отношениям и до такой степени не имеет представления о них, как об особых исторических общественных отношениях, что, например, объяснение отношений обмена, при которых люди жили многие столетия, было дано лишь в самое последнее время. Материализм устранил это противоречие, продолжив анализ глубже, на происхождение самих этих общественных идей человека; и его вывод о зависимости хода идей от хода вещей единственно совместим с научной психологией. Далее, еще и с другой стороны, эта гипотеза впервые возвела социологию на степень науки. До сих пор социологи затруднялись отличить в сложной сети общественных явлений важные и неважные явления (это — корень субъективизма в социологии) и не умели найти объективного критерия для такого разграничения. Материализм дал вполне объективный критерий, выделив *производственные отношения*, как структуру общества, и дав возможность применить к этим отношениям тот общенаучный критерий повторяемости, применимость которого к социологии отрицали субъективисты. Пока они ограничивались идеологическими общественными отношениями (т. е. такими, которые, прежде чем им сложиться, проходят через сознание^[2] людей), они не могли заметить повторяемости и правильности в общественных явлениях разных стран, и их наука в лучшем случае была лишь описанием этих явлений, подбором сырого материала. Анализ материальных общественных отношений (т. е. таких, которые складываются, не проходя через сознание людей: обмениваясь продуктами, люди вступают в производственные отношения, даже и не сознавая, что тут имеется общественное производственное отношение) — анализ материальных общественных отношений сразу дал возможность подметить повторяемость и правильность и обобщить порядки разных стран в одно основное понятие *общественной формации*. Только такое обобщение и дало возможность перейти от описания (и оценки с точки зрения идеала) общественных явлений к строго научному анализу их, выделяющему, скажем для примера, то, что отличает одну капиталистическую страну от другой, и исследующему то, что обще всем им.

Наконец, в-третьих, потому еще эта гипотеза впервые создала возможность *научной* социологии, что только сведение общественных отношений к производственным и этих последних к высоте производительных сил дало твердое основание для представления развития общественных формаций естественно-историческим процессом. А понятно само собой, что без такого воззрения не может быть и общественной науки. (Субъективисты, например, признавая законосообразность исторических явлений, не в состоянии, однако, были взглянуть на их эволюцию как на естественно-исторический процесс, — и именно потому, что останавливались на общественных идеях и целях человека, не умея свести этих идей и целей к материальным общественным отношениям.)

Но вот Маркс, высказавший эту гипотезу в 40-х годах, берет за фактическое (это *nota bene*^[3]) изучение материала. Он берет

одну из общественно-экономических формаций — систему товарного хозяйства — и на основании гигантской массы данных (которые он изучал не менее 25 лет) дает подробнейший анализ функционирования этой формации и развития ее. Этот анализ ограничен одними производственными отношениями между членами общества: не прибегая ни разу для объяснения дела к каким-нибудь моментам, стоящим вне этих производственных отношений, Маркс дает возможность видеть, как развивается товарная организация общественного хозяйства, как превращается она в капиталистическую, создавая антагонистические (в пределах уже производственных отношений) классы буржуазии и пролетариата, как развивает она производительность общественного труда и тем самым вносит такой элемент, который становится в непримиримое противоречие с основами самой этой капиталистической организации.

Таков *скелет* «Капитала». Все дело, однако, в том, что Маркс этим скелетом не удовлетворился, что он одной «экономической теорией» в обычном смысле не ограничился, что — *объясняя* строение и развитие данной общественной формации *исключительно* производственными отношениями — он тем не менее везде и постоянно прослеживал соответствующие этим производственным отношениям надстройки, облакал скелет плотью и кровью. Потому-то «Капитал» и имел такой гигантский успех, что эта книга «немецкого экономиста» показала читателю всю капиталистическую общественную формацию как живую — с ее бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капиталистов, с буржуазными идеями свободы, равенства и т. п., с буржуазными семейными отношениями. Понятно теперь, что сравнение с Дарвином вполне точно: «Капитал» — это не что иное, как «несколько обобщающих, теснейшим образом между собою связанных идей, венчающих целый Монблан фактического материала». И если кто, читая «Капитал», сумел не заметить этих обобщающих идей, то это уже вина не Маркса, который даже в предисловии, как мы видели, указал на эти идеи. Мало того, такое сравнение правильно не только с внешней стороны (неизвестно почему особенно заинтересовавшей г. Михайловского), но и с внутренней. Как Дарвин положил конец воззрению на виды животных и растений, как на ничем не связанные, случайные, «богом созданные» и неизменяемые, и впервые поставил биологию на вполне научную почву, установив изменимость видов и преемственность между ними, — так и Маркс положил конец воззрению на общество, как на механический агрегат индивидов, допускающий всякие изменения по воле начальства (или, все равно, по воле общества и правительства), возникающий и изменяющийся случайно, и впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс.

Теперь — со времени появления «Капитала» — материалистическое понимание истории уже не гипотеза, а научно доказанное положение, и пока мы не будем иметь другой попытки научно объяснить функционирование и развитие какой-нибудь общественной формации — именно общественной формации, а не быта какой-нибудь страны или народа, или даже класса и т. п. — другой попытки, которая бы точно так же сумела внести порядок в «соответствующие факты», как это сумел сделать материализм, точно так же сумела дать живую картину известной формации при строго научном объяснении ее, — до тех пор материалистическое понимание истории будет синонимом общественной науки. Материализм представляет из себя не «по преимуществу научное понимание истории», как думает г. Михайловский, а единственное научное понимание ее.

И теперь — можете ли себе представить более забавный курьез, как тот, что нашлись люди, которые сумели, прочитав «Капитал», не найти там материализма! Где он? — спрашивает с искренним недоумением г. Михайловский.

Он читал «Коммунистический манифест» и не заметил, что объяснение современных порядков — и юридических, и политических, и семейных, и религиозных, и философских — дается там материалистическое, что даже критика социалистических и коммунистических теорий ищет и находит корни их в таких-то и таких-то производственных отношениях.

Он читал «Ницету философии» и не заметил, что разбор социологии [Прудона](#) ведется там с материалистической точки зрения, что критика того решения различнейших исторических вопросов, которое предлагал Прудон, исходит из принципов материализма, что собственные указания автора на то, где нужно искать данных для разрешения этих вопросов, все сводятся к ссылкам на производственные отношения.

Он читал «Капитал» и не заметил, что имеет перед собой образец научного анализа одной — и самой сложной — общественной формации по материалистическому методу, образец всеми признанный и никем не превзойденный. И вот он сидит и думает свою крепкую думу над глубокомысленным вопросом: «в каком сочинении Маркс изложил свое материалистическое понимание истории?»

Всякий, знакомый с Марксом, ответил бы ему на это другим вопросом: в каком сочинении Маркс не излагал своего материалистического понимания истории? Но г. Михайловский, вероятно, узнает о материалистических исследованиях Маркса только тогда, когда они под соответствующими номерами будут указаны в какой-нибудь историософической работе какого-нибудь [Кареева](#) под рубрикой: «экономический материализм».

Но что курьезнее всего, так это то, что г. Михайловский обвиняет Маркса в том, что он не «пересмотрел (sic!^[4]) всех известных теорий исторического процесса». Это уж совсем забавно. Да в чем состояли, на 9/10, эти теории? В чисто априорных, догматических, абстрактных построениях того, что такое общество, что такое прогресс? и т. п. (Беру нарочно примеры, близкие уму и сердцу г. Михайловского.) Да ведь такие теории негодны уже тем, что они существуют, негодны по своим основным приемам, по своей сплошной и беспросветной метафизичности. Ведь начинать с вопросов, что такое общество, что такое прогресс? — значит начинать с конца. Откуда возьмете вы понятие об обществе и прогрессе вообще, когда вы не изучили еще ни одной общественной формации в частности, не сумели даже установить этого понятия, не сумели даже подойти к

серьезному фактическому изучению, к объективному анализу каких бы то ни было общественных отношений? Это самый наглядный признак метафизики, с которой начинала всякая наука: пока не умели приняться за изучение фактов, всегда сочиняли а priori⁵¹ общие теории, всегда остававшиеся бесплодными. Метафизик-химик, не умея еще исследовать фактически химических процессов, сочинял теорию о том, что такое за сила химическое сродство? Метафизик-биолог толковал о том, что такое жизнь и жизненная сила? Метафизик-психолог рассуждал о том, что такое душа? Нелеп тут был уже прием. Нельзя рассуждать о душе, не объяснив в частности психических процессов: прогресс тут должен состоять именно в том, чтобы бросить общие теории и философские построения о том, что такое душа, и суметь поставить на научную почву изучение фактов, характеризующих те или другие психические процессы. Поэтому обвинение г. Михайловского совершенно таково же, как если бы метафизик-психолог, всю свою жизнь писавший «исследования» по вопросу, что такое душа? (не зная в точности объяснения ни одного, хотя бы простейшего, психического явления) — принялся обвинять научного психолога в том, что он не пересмотрел всех известных теорий о душе. Он, этот научный психолог, отбросил философские теории о душе и прямо взялся за изучение материального субстрата психических явлений — нервных процессов, и дал, скажем, анализ и объяснение такого-то или таких-то психических процессов. И вот наш метафизик-психолог читает эту работу, хвалит — хорошо-де описаны процессы и изучены факты, — но не удовлетворяется. Позвольте, волнуется он, слыша, как кругом толкуют о совершенно новом понимании психологии этим ученым, об особом методе научной психологии, — позвольте, кипит философ, — да в каком же сочинении изложен этот метод? Ведь в этой работе «одни только факты»? В ней и помину нет о пересмотре «всех известных философских теорий о душе»? Это совсем не соответственная работа! Точно так же «Капитал», разумеется, не соответственная работа для социолога-метафизика, не замечающего бесплодности априорных рассуждений о том, что такое общество, не понимающего, что вместо изучения и объяснения такие приемы дают только подсовывание под понятие общества либо буржуазных идей английского торговца, либо меланхолическо-социалистических идеалов российского демократа, — и ничего больше. Поэтому-то все эти философско-исторические теории и возникали и лопались, как мыльные пузыри, являясь в лучшем случае симптомом общественных идей и отношений своего времени и не подвигая ни на волос вперед *понимания* человеком хотя бы каких-нибудь единичных, но зато действительных (а не тех, которые «соответствуют человеческой природе») общественных отношений. Гигантский шаг вперед, сделанный в этом отношении Марксом, в том и состоял, что он бросил все эти рассуждения об обществе и прогрессе вообще и зато дал *научный* анализ *одного* общества и *одного* прогресса — капиталистического. И г. Михайловский обвиняет его за то, что он начал с начала, а не с конца, с анализа фактов, а не с конечных выводов, с изучения частных, исторически определенных общественных отношений, а не с общих теорий о том, в чем состоят эти общественные отношения вообще! И он спрашивает: «где же соответственная работа?» О, премудрый субъективный социолог!!

Если бы наш субъективный философ ограничился одним недоумением по вопросу о том, в каком сочинении обоснован материализм, — это бы еще полбеды. Но он, — несмотря на то, что не нашел нигде не только обоснования, но даже изложения материалистического понимания истории (а, может быть, именно потому, что не нашел) — начинает приписывать этой доктрине притязания, никогда ею не заявленные. Приведа цитату из [Блоса](#) о том, что Маркс провозгласил совершенно новое *понимание* истории, он, нисколько не церемонясь, трактует дальше о том, будто эта теория претендует на то, что она «разъяснила человечеству его прошедшее», объяснила «все (sic!?) прошедшее человечества» и т. п. Ведь это же все сплошная фальшь! Теория претендует только на объяснение одной капиталистической общественной организации и никакой другой. Если применение материализма к анализу и объяснению одной общественной формации дало такие блестящие результаты, то совершенно естественно, что материализм в истории становится не гипотезой уже, а научно проверенной теорией; совершенно естественно, что необходимость такого метода распространяется и на остальные общественные формации, хотя бы и не подвергшиеся специальному фактическому изучению и детальному анализу, — точно так же, как идея трансформизма, доказанная по отношению к достаточному количеству фактов, распространяется на всю область биологии, хотя бы по отношению к отдельным видам животных и растений и нельзя было еще установить в точности факт их трансформации. И как трансформизм претендует совсем не на то, чтобы объяснить «всю» историю образования видов, а только на то, чтобы поставить приемы этого объяснения на научную высоту, точно так же и материализм в истории никогда не претендовал на то, чтобы все объяснить, а только на то, чтобы указать «единственно научный», по выражению Маркса («Капитал»), прием объяснения истории. Можно судить по этому, какие остроумные, серьезные и приличные приемы полемики употребляет г. Михайловский, когда он сначала перевирает Маркса, приписывая материализму в истории вздорные претензии «все объяснить», найти «ключ ко всем историческим замкам» (претензии, сразу же, конечно, и в очень ядовитой форме отвергнутые Марксом в его «письме» по поводу статей Михайловского), затем ломается над этими, им же самим сочиненными претензиями и, наконец, приводя точные мысли [Энгельса](#), — точные потому, что на этот раз дается цитата, а не пересказ, — что политическая экономия, как ее понимают материалисты, «подлежит еще созданию», что «все, что мы от нее получили, ограничивается» историей капиталистического общества, — делает такой вывод, что «словами этими весьма суживается поле действия экономического материализма»! Какой безграничной наивностью или каким безграничным самомнением должен обладать человек, чтобы рассчитывать на то, что такие фокусы пройдут незамеченными! Сначала переврал Маркса, затем поломался над своим враньем, потом привел точные мысли — и теперь имеет нахальство объявлять, что ими суживается поле действия экономического материализма!

Какого сорта и качества это ломанье г. Михайловского, можно видеть из следующего примера: «Маркс нигде не обосновывает их» — т. е. оснований теории экономического материализма, — говорит г. Михайловский. «Правда, Маркс вместе с Энгельсом задумал написать сочинение философско-исторического и историко-философского характера и даже написал (в 1845—1846 гг.), но оно никогда не было напечатано. Энгельс говорит: „Первую часть этого сочинения составляет изложение материалистического понимания истории, которое показывает только, как недостаточны были наши познания в области экономической истории“. Таким образом — заключает г. Михайловский — основные пункты „научного социализма“ и теории экономического материализма были открыты, а вслед за тем и изложены в „Манифесте“ в такое время, когда, по собственному признанию одного из авторов, нужные для такого дела познания были у них слабы».

Не правда ли, как мила такая критика! Энгельс говорит, что у них были слабы познания по экономической «истории» и что поэтому они и не печатали своего сочинения «общего» историко-философского характера. Г-н Михайловский перетолковывает это так, что у них слабы были познания «для такого дела», как выработка «основных пунктов научного социализма», т. е. научной критики *буржуазного* строя, данной уже в «Манифесте». Одно из двух: или г. Михайловский не умеет понять разницы между попыткой охватить всю философию истории и попыткой научно объяснить буржуазный режим, или же он полагает, что у Маркса и Энгельса были недостаточны познания для критики политической экономии. И в таком случае он очень жесток, что не знакомит нас со своими соображениями об этой недостаточности, своими поправками и пополнениями. Решение Маркса и Энгельса не публиковать работы историко-философской и сосредоточить все силы на научном анализе одной общественной организации характеризует только высшую степень научной добросовестности. Решение г. Михайловского поломаться над этим добавленьем, что, дескать, Маркс и Энгельс излагали свои воззрения, сами сознавая в недостаточности своих познаний для выработки их, характеризует только приемы полемики, не свидетельствующие ни об уме, ни о чувстве приличия.

Другой образец: «Для обоснования экономического материализма, как исторической теории, больше сделал alter ego^[6] Маркса — Энгельс, — говорит г. Михайловский. — У него есть специально исторический труд: „Происхождение семьи, частной собственности и государства в связи (im Anschluss) с воззрениями Моргана“. Этот „Anschluss“ чрезвычайно замечателен. Книга американца Моргана появилась много лет спустя после того, как были провозглашены Марксом и Энгельсом основы экономического материализма и совершенно независимо от него». И вот, дескать, «экономические материалисты примкнули» к этой книге и притом, так как в доисторические времена не было борьбы классов, то они внесли такую «поправку» к формуле материалистического понимания истории, что определяющим моментом наряду с производством материальных ценностей является производство самого человека, т. е. детопроизводство, играющее первенствующую роль в первобытную эпоху, когда труд по своей производительности был слишком еще не развит.

«Великая заслуга Моргана состоит в том, — говорит Энгельс, — что он в родовых связях северо-американских индейцев нашел ключ к важнейшим, доселе неразрешимым загадкам древней греческой, римской и германской истории».

«Итак, — изрекает по этому поводу г. Михайловский, — в конце 40-х годов было открыто и провозглашено совершенно новое, материалистическое и истинно научное понимание истории, которое сделало для исторической науки то же самое, что сделала теория Дарвина для современного естествознания». Но это понимание — повторяет затем еще раз г. Михайловский — никогда не было научно обосновано. «Оно не только не было проверено на большом и разнообразном поле фактического материала („Капитал“ — „не соответственная“ работа: там одни только факты да кропотливые исследования!), но не было даже достаточно мотивировано хотя бы путем критики и исключения других философско-исторических систем». Книга Энгельса — «Herrn E. Dührings Unwägung der Wissenschaft»^[7] — «только остроумные попытки, высказанные мимоходом», и г. Михайловский считает поэтому возможным совершенно обойти массу существенных вопросов, которые затронуты в этом сочинении, несмотря на то, что эти «остроумные попытки» очень остроумно показывают бессодержательность социологий, «начинающих с утопий»; несмотря на то, что в этом сочинении дана подробная критика той «теории насилия», по которой политико-юридические порядки определяют экономические и которую так усердно проводят гг. публицисты «Русского Богатства». В самом деле, гораздо легче ведь бросить о сочинении несколько ничего не выражающих фраз, чем серьезно разобрать хоть один вопрос, материалистически разрешенный в нем; это притом и безопасно, потому что цензура никогда, вероятно, не пропустит перевода этой книги, и г. Михайловский, без опасения за свою субъективную философию, может называть ее остроумной.

Еще характернее и поучительнее (к иллюстрации того, что язык дан человеку, чтобы скрывать свои мысли — или придавать пустоте форму мысли) отзыв о «Капитале» Маркса. «В „Капитале“ есть блестящие страницы исторического содержания, и о (это замечательное „но“! Это даже не „но“, а то знаменитое „mais“, которое в переводе на русский язык значит: „уши выше лба не растут“) они уже по самой задаче книги приурочены к одному определенному историческому периоду и не то что утверждают основные положения экономического материализма, а просто касаются экономической стороны известной группы исторических явлений». Другими словами: «Капитал» — только и посвященный изучению именно капиталистического общества — дает материалистический анализ этого общества и его надстроек, «н о» г. Михайловский предпочитает обойти этот анализ: дело тут идет, видите ли, об «одном» только периоде, а он, г. Михайловский, хочет обнять все периоды и притом так обнять, чтобы не говорить в частности ни об одном. Понятно, что для достижения этой цели — т. е. для того, чтобы обнять все периоды, не касаясь по существу ни одного, — есть только один путь: путь общих мест и фраз, «блестящих» и пустых. И с г. Михайловским никто не сравнится в искусстве отделяться фразами. Оказывается, что не стоит (отдельно) касаться исследований Маркса по существу на том основании, что он, Маркс, «не то что утверждает основные положения экономического материализма, а просто касается экономической стороны известной группы исторических явлений». Какое глубокомыслие! — «Не утверждает», а «просто касается!» — Как просто, в самом деле, можно замазать всякий вопрос фразой! Например, если Маркс многократно показывает, каким образом в основании гражданской равноправности, свободного договора и тому подобных основ правового государства лежат отношения товаропроизводителей, — что это такое? утверждает ли он этим материализм или «просто» касается? Со свойственной ему скромностью наш философ воздерживается от ответа по существу и прямо делает выводы из своих «остроумных попыток» блестяще поговорить и ничего не сказать.

«Не мудрено, — гласит этот вывод, — что для теории, претендовавшей осветить всемирную историю, спустя 40 лет после ее провозглашения древняя греческая, римская и германская история оставались неразрешенными загадками; и ключ к этим загадкам дан был, во-первых, человеком, совершенно посторонним теории экономического материализма, ничего об ней не знавшим, а во-вторых — при помощи фактора не экономического. Несколько забавное впечатление производит термин „производство самого человека“, т. е. детопроизводство, за который Энгельс хватается для сохранения хотя бы словесной связи с основной формулой экономического материализма. Он вынужден, однако, признать, что жизнь человечества многие века складывалась не по этой формуле». И в самом деле, очень «немудрено» полемизируете Вы, г. Михайловский! Теория состояла в

том, что для «освещения» истории надо искать основы не в идеологических, а в материальных общественных отношениях. Недостаток фактического материала не давал возможности применить этот прием к анализу некоторых важнейших явлений древнейшей истории Европы, например, гентильной организации³⁹, которая в силу этого и оставалась загадкой^[8]. Но вот в Америке богатый материал, собранный Морганом, дает ему возможность проанализировать сущность гентильной организации, и он сделал тот вывод, что объяснения ее надо искать не в идеологических отношениях (например, правовых или религиозных), а в материальных. Ясное дело, что этот факт дает блистательное подтверждение материалистического метода — и ничего больше. И когда г. Михайловский *в упрек* этой доктрине ставит то, что, во-первых, ключ к труднейшим историческим загадкам нашел человек «совершенно посторонний» теории экономического материализма — то можно только подивиться, до какой степени люди могут не отличать того, что говорит в их пользу, от того, что их жестоко побивает. Во-вторых — рассуждает наш философ — детопроизводство — фактор не экономический. Но где читали Вы у Маркса или Энгельса, чтобы они говорили непременно об экономическом материализме? Характеризуя свое мирозерцание, они называли его просто материализмом. Их основная идея (совершенно определенно выраженная хотя бы в вышеприведенной цитате из Маркса) состояла в том, что общественные отношения делятся на материальные и идеологические. Последние представляют собой лишь надстройку над первыми, складывающимися помимо воли и сознания человека, как (результат) форма деятельности человека, направленной на поддержание его существования. Объяснения политико-юридических форм — говорит Маркс в вышеприведенной цитате — надо искать в «материальных жизненных отношениях». Что же, уж не думает ли г. Михайловский, что отношения по детопроизводству принадлежат к отношениям идеологическим? Объяснения г. Михайловского по этому поводу так характерны, что на них стоит остановиться. «Как бы мы ни ухищрялись над детопроизводством, — говорит он, — стараясь установить хоть словесную связь между ним и экономическим материализмом, как бы оно ни перекрещивалось в сложной сети явлений общественной жизни с другими явлениями, в том числе и экономическими, оно имеет свои собственные, физиологические и психические корни. (Для грудных детей, что ли, рассказываете это Вы, г. Михайловский, что детопроизводство имеет физиологические корни!? Ну, что Вы зубы-то заговариваете?) И это напоминает нам, что теоретики экономического материализма не свели своих счетов не только с историей, а и с психологией. Нет никакого сомнения, что родовые связи утратили свое значение в истории цивилизованных стран, но едва ли можно сказать это с такою уверенностью о связях непосредственно половых и семейных. Они подверглись, разумеется, сильным изменениям под напором усложняющейся жизни вообще, но при известной диалектической ловкости можно бы было доказывать, что не только юридические, но и сами экономические отношения составляют надстройку над отношениями половыми и семейными. Мы не станем этим заниматься, но укажем все-таки хоть на институт наследства».

Наконец-то посчастливилось нашему философу из области пустых фраз^[9] подойти к фактам, определенным, допускающим проверку и не позволяющим так легко «заговаривать» суть дела. Посмотрим же, каким образом доказывает наш критик Маркса, что институт наследства есть надстройка над половыми и семейными отношениями. «В наследство передаются, — рассуждает г. Михайловский, — продукты экономического производства („Продукты экономического производства“!! Как это грамотно! как звучно! и какой изящный язык!), и самый институт наследства обусловлен до известной степени фактом экономической конкуренции. Но, во-первых, в наследство передаются и не материальные ценности, — что выражается в заботах о воспитании детей в духе отцов». Итак, воспитание детей входит в институт наследства! Например, в российских гражданских законах есть такая статья, что «родители должны стараться домашним воспитанием приготовить нравы их (детей) и содействовать видам правительства». Уж не это ли называет наш философ институтом наследства? — «а во-вторых, — оставаясь даже исключительно в экономической области, — если институт наследства немислим без продуктов производства, передаваемых по наследству, то он точно так же немислим и без продуктов „детопроизводства“, — без них и без той сложной и напряженной психики, которая к ним непосредственно примыкает». (Нет, вы обратите внимание на язык: сложная психика «примыкает» к продуктам детопроизводства! Ведь это же прелесть!) Итак, институт наследства есть надстройка над семейными и половыми отношениями потому, что наследство немисливо без детопроизводства! Да, ведь, это настоящее открытие Америки! До сих пор все полагали, что детопроизводство так же мало может объяснять институт наследства, как необходимость принятия пищи — институт собственности. До сих пор все думали, что если, например, в России в эпоху процветания [поместной системы](#) земля не могла переходить по наследству (так как она считалась только условной собственностью), то объяснения этому нужно искать в особенностях тогдашней общественной организации. Г-н Михайловский полагает, должно быть, что дело объясняется просто тем, что психика, которая примыкала к продуктам детопроизводства тогдашнего помещика, отличалась недостаточной сложностью.

Поскребите «народного друга» — можем сказать мы, перефразируя известное изречение, — и вы найдете буржуа. В самом деле, какой иной смысл могут иметь эти рассуждения г. Михайловского о связи института наследства с воспитанием детей, с психикой детопроизводства и т. п. — как не тот, что институт наследства так же вечен, необходим и священен, как и воспитание детей! Правда, г. Михайловский постарался оставить себе лазейку, заявивши, что «до известной степени институт наследства обусловлен фактом экономической конкуренции» — но ведь это же не что иное, как покушение увильнуть от определенного ответа на вопрос и притом покушение с негодными средствами. Как можем мы принять к сведению это замечание, когда нам ни слова не сказано насчет того, до какой именно «известной степени» зависит наследство от конкуренции? когда не разъяснено совершенно, чем собственно объясняется эта связь между конкуренцией и институтом наследства? На самом деле, институт наследства предполагает уже частную собственность, а эта последняя возникает только с появлением обмена. В основании ее лежит зарождающаяся уже специализация общественного труда и отчуждение продуктов на рынке. Пока, например, все члены первобытной индейской общины вырабатывали сообща все необходимые для них продукты, — невозможна была и частная собственность. Когда же в общину проникло разделение труда и члены ее стали каждый в одиночку заниматься производством одного какого-нибудь продукта и продавать его на рынке, тогда выражением этой материальной обособленности товаропроизводителей явился институт частной собственности. И частная собственность, и наследство — категории таких общественных порядков, когда сложились уже обособленные, мелкие семьи (моногамные) и

стал развиваться обмен. Пример г. Михайловского доказывает как раз обратное тому, что он хотел доказать.

Есть у г. Михайловского и еще одно фактическое указание — и опять-таки это в своем роде перл! «Что касается родовых связей, — продолжает он исправлять материализм, — то они побледнели в истории цивилизованных народов отчасти действительно в лучах влияния форм производства (опять увертка, еще только более явная. Каких же именно форм производства? Пустая фраза!), но отчасти распустились в своем собственном продолжении и обобщении — в связях национальных». Итак, национальные связи, это — продолжение и обобщение связей родовых! Г. Михайловский заимствует, очевидно, свои представления об истории общества из той детской побасенки, которой учат гимназистов. История общественности — гласит эта доктрина прописей — состоит в том, что сначала была семья, эта ячейка всякого общества^[10], затем — дескать — семья разрослась в племя, а племя разрослось в государство. Если г. Михайловский с важным видом повторяет этот ребяческий вздор, так это показывает только — помимо всего другого, — что он не имеет ни малейшего представления о ходе хотя бы даже русской истории. Если можно было говорить о родовом быте в древней Руси, то несомненно, что уже в середине века, в эпоху московского царства, этих родовых связей уже не существовало, т. е. государство основывалось на союзах совсем не родовых, а местных: помещики и монастыри принимали к себе крестьян из различных мест, и общины, составлявшиеся таким образом, были чисто территориальными союзами. Однако о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время: государство распалось на отдельные «земли», частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. д. Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было не родовыми связями, почтеннейший г. Михайловский, и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных. Обои свои фактическими указаниями г. Михайловский только побил самого себя и не дал нам ничего, кроме образцов буржуазных пошlostей — пошlostей потому, что объяснял институт наследства детопроизводством и его психикой, а национальность — родовыми связями; *буржуазных* — потому, что принимал категории и надстройки одной исторически определенной общественной формации (основанной на обмене) за категории настолько же общие и вечные, как воспитание детей и «непосредственно» половые связи.

Характерно тут в высшей степени то, что как только наш субъективный философ попробовал перейти от фраз к конкретным фактическим указаниям, — так и сел в лужу. И он прекрасно, по-видимому, чувствует себя в этой, не особенно чистой, позиции: сидит себе, охорашивается и брызжет крутом грязью. Хочет он, например, опровергнуть то положение, что история есть ряд эпизодов классовой борьбы, и вот, заявивши с глубокомысленным видом, что это — «крайность», он говорит: «Основанное Марксом международное общество рабочих, организованное в целях классовой борьбы, не помещало французским и немецким рабочим резать и разорять друг друга», чем, дескать, и доказывается, что материализм не свел счетов «с демоном национального самолюбия и национальной ненависти». Такое утверждение показывает со стороны критика грубейшее непонимание того, что очень реальные интересы торговой и промышленной буржуазии составляют главное основание этой ненависти и что толковать о национальном чувстве, как самостоятельном факторе, значит только замазывать сущность дела. Впрочем, мы уже видели, какое глубокомысленное представление о национальности имеет наш философ. Г. Михайловский не умеет отнестись иначе к [Интернационалу](#), как с чисто *буренинской* иронией: «Маркс — глава международного общества рабочих, правда, распавшегося, но имеющего возродиться». Конечно, если видеть *пес plus ultra*^[11] международной солидарности в системе «справедливого» обмена, как это с мещанской пошlostью размазывает хроникер внутренней жизни в № 2 «Русского Богатства», и не понимать того, что обмен, и справедливый и несправедливый, всегда предполагает и включает господство буржуазии и что без уничтожения хозяйственной организации, основанной на обмене, невозможно прекращение международных столкновений, — тогда понятно одно зубоскальство по поводу Интернационала. Тогда понятно, что г. Михайловский никак не может вместить той простой истины, что нет иного средства борьбы с национальной ненавистью, как организация и сплочение класса угнетенных для борьбы против класса угнетателей в каждой отдельной стране, как соединение таких национальных рабочих организаций в одну международную рабочую армию для борьбы против международного капитала. Что же касается того, что Интернационал не помещал рабочим резать друг друга, то достаточно напомнить г. Михайловскому события Коммуны, показавшие действительное отношение организованного пролетариата к правящим классам, ведшим войну.

Что особенно возмутительно во всей этой полемике г. Михайловского, так это именно его приемы. Если он не доволен тактикой Интернационала, если он не разделяет тех идей, во имя которых организуются европейские рабочие, — пусть бы, по крайней мере, прямо и открыто критиковал их, излагая свои представления о более целесообразной тактике, о более правильных воззрениях. А то ведь никаких определенных, ясных возражений не делается, и только рассыпаются там и сям, среди разлитого моря фраз, бессмысленные издевки. Как же не назвать этого грязью? особенно если принять во внимание, что защита идей и тактики Интернационала легально в России не допускается? Таковы же приемы г. Михайловского, когда он полемизирует с русскими марксистами: не давая себе труда формулировать добросовестно и точно те или другие положения их, чтобы подвергнуть их прямой и определенной критике, он предпочитает уцепляться за слышанные им обрывки марксистской аргументации и перевернуть ее. Судите сами: «Маркс был слишком умен и слишком учен, чтобы думать, что именно он открыл идею исторической необходимости и законосообразности общественных явлений... На низших ступенях (марксистской лестницы)^[12] этого не знают (что „идея исторической необходимости есть не изобретенная или открытая Марксом новость, а давно установившаяся истина“) или, по крайней мере, имеют смутное понятие о той вековой затрате умственных сил и энергии, которая пошла на установление этой истины».

Понятно, что подобные заявления могут действительно произвести впечатление на такую публику, которая в первый раз слышит о марксизме, и по отношению к ней легко может быть достигнута цель критика: исказить, поломаться и «победить» (как говорят, отзываются о статьях г. Михайловского сотрудники «Р. Б—ва»). Всякий, хоть немного знакомый с Марксом, сразу увидит всю фальшь и дутость подобных приемов. Можно не соглашаться с Марксом, но нельзя оспаривать, что он с полной определенностью формулировал те свои воззрения, которые составляли *новость* по отношению к прежним социалистам. Новость состояла в том, что прежние социалисты для обоснования своих воззрений считали достаточным показать угнетение масс при современном режиме, показать превосходство такого строя, при котором каждый получал бы то, что он сам выработал, показать соответствие этого идеального строя с «человеческой природой», с понятием разумно-нравственной жизни и т. д. Маркс считал невозможным удовлетвориться таким социализмом. Не ограничиваясь характеристикой современного строя, оценкой и осуждением его, он дал научное объяснение ему, сведя этот современный строй, различный в разных европейских и неевропейских государствах, к общей основе — к капиталистической общественной формации, законы функционирования и развития которой он подверг объективному анализу (он показал *необходимость* эксплуатации при этом строе). Точно так же не считал он возможным удовлетвориться утверждением, что социалистический строй один соответствует человеческой природе, — как говорили великие утопические социалисты и их мизерные эпигоны, субъективные социологи. Тем же *объективным* анализом капиталистического строя доказывал он *необходимость* его превращения в социалистический. (К вопросу о том, как именно он это доказывал и как г. Михайловский на это возражал — нам еще придется вернуться.) — Вот источник той ссылки на необходимость, которую часто можно встретить у марксистов. Извращение, которое г. Михайловский внес в вопрос, — очевидно: он опустил все фактическое содержание теории, всю ее суть и выставил дело в таком свете, как будто бы вся теория сводится к одному слову «необходимость» («на нее одну нельзя ссылаться в сложных практических делах»), как будто *доказательство* этой теории состоит в том, что так требует историческая необходимость. Другими словами, умолчавши о содержании доктрины, он уцепился за одну ее кличку и теперь начинает опять ломаться над тем «просто плоским кружком», в который сам же потрудились превратить учение Маркса. Мы не станем, конечно, следить за этим ломаньем, потому что достаточно уже познакомились с этой вещью. Пускай себе куврыкается на потеху и удовольствие г. Буренина (который недаром погладил по головке г. Михайловского в «[Новом Времени](#)»), пускай себе, раскланявшись с Марксом, твякает на него исподтишка: «полемика-де его с утопистами и идеалистами и без того односторонняя», т. е. и без повторения ее доводов марксистами. Мы никак не можем иначе назвать этих выходов, как твяканьем, потому что *ни одного* буквально фактического, определенного, проверяемого возражения им не приведено против этой полемики, так что, — как ни охотно бы вступили мы в разговор на эту тему, считая эту полемику крайне важной для разрешения русских социалистических вопросов, — мы прямо-таки не в состоянии отвечать на твяканье и можем только пожать плечами:

Ай, моська, знать она сильна, коль лает на слона!

Небезынтересно следующее за сим рассуждение г. Михайловского об исторической необходимости, так как оно вскрывает перед нами хотя отчасти действительный идейный багаж «нашего известного социолога» (звание, которым пользуется г. Михайловский наравне с [г. В. В.](#) у либеральных представителей нашего «культурного общества»). Он говорит о «конflikте между идеей исторической необходимости и значением личной деятельности»: общественные деятели заблуждаются, считая себя деятелями, тогда как они «деемые», «марионетки, подергиваемые из таинственного подполья имманентными законами исторической необходимости» — такой вывод следует, дескать, из этой идеи, которая по сему и именуется «бесплодной» и «расплывающейся». Не всякому читателю, пожалуй, понятно, откуда взял всю эту чепуху — марионеток и т. п. — г. Михайловский. Дело в том, что это один из любимых коньков субъективного философа — идея о конфликте между детерминизмом и нравственностью, между исторической необходимостью и значением личности. Он исписал об этом груды бумаги и наговорил бездну сентиментально-мещанского вздора, чтобы разрешить этот конфликт в пользу нравственности и роли личности. На самом деле, никакого тут конфликта нет: он выдуман г. Михайловским, опасавшимся (и не без основания), что детерминизм отнимет почву у столь любимой им мещанской морали. Идея детерминизма, устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нимало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю. Равным образом и идея исторической необходимости ничуть не подрывает роли личности в истории: история вся слагается именно из действий личностей, представляющих из себя несомненно деятелей. Действительный вопрос, возникающий при оценке общественной деятельности личности, состоит в том, при каких условиях этой деятельности обеспечен успех? в чем состоят гарантии того, что деятельность эта не останется одиночным актом, тонущим в море актов противоположных? В этом же состоит и тот вопрос, который различно решают социал-демократы и остальные русские социалисты: каким образом деятельность, направленная к осуществлению социалистического строя, должна втянуть массы, чтобы принести серьезные плоды? Очевидно, что разрешение этого вопроса прямо и непосредственно зависит от представления о группировке общественных сил в России, о борьбе классов, из которой складывается русская действительность — и опять-таки г. Михайловский только походил кругом да около вопроса, не сделав даже попытки точно поставить его и попробовать дать то или иное решение. Социал-демократическое решение вопроса основывается, как известно, на том взгляде, что русские экономические порядки представляются буржуазным обществом, из которого может быть только один выход, необходимо вытекающий из самой сущности буржуазного строя, — именно классовая борьба пролетариата против буржуазии. Очевидно, что серьезная критика и должна бы направиться либо против того взгляда, что наши порядки — буржуазные, либо против представления о сущности этих порядков и законов развития их, — но г. Михайловский и не помышляет о том, чтобы затрагивать серьезные вопросы. Он предпочитает отделяться бессодержательным фразерством насчет того, что необходимость — слишком общая скобка и т. п. Да, ведь, всякая идея будет слишком общей скобкой, г. Михайловский, если Вы

наподобие вяленой воблы сначала выкинете из нее все содержание, а потом станете возиться с оставшейся шелухой! Эта область шелухи, покрывающей действительно серьезные, жгучие вопросы современности, — любимая область г. Михайловского, и он, например, с особенной гордостью подчеркивает, что «экономический материализм игнорирует или неверно освещает вопрос о героях и толпе». Извольте ли видеть — вопрос о том, из борьбы каких именно классов и на какой почве складывается современная русская действительность — для г. Михайловского, вероятно, слишком общий — и он его обходит. Зато вопрос о том, какие отношения существуют между героем и толпой, безразлично — есть ли это толпа рабочих, крестьян, фабрикантов, помещиков, — такой вопрос его крайне интересует. Может быть, это и «интересные» вопросы, но упрекать материалистов в том, что они направляют все усилия на решение таких вопросов, которые имеют прямое отношение к освобождению трудящегося класса, — значит быть любителем филистерской науки, и ничего больше. В заключение своей «критики» (?) материализма г. Михайловский дает нам еще одну попытку неверно представить факты и еще одну подтасовку. Выразивши сомнение в правильности мнения Энгельса, что «Капитал» был замалчиваем присяжными экономистами (причем в обоснование приведено такое курьезное соображение, что в Германии многочисленные университеты!), г. Михайловский говорит: «Маркс отнюдь не имел в виду именно этот круг читателей (рабочих) и ожидал кое-чего и от людей науки». Совершенно неверно: Маркс прекрасно понимал, как мало можно рассчитывать на беспристрастие и на научную критику со стороны буржуазных представителей науки, и в послесловии ко 2-му изданию «Капитала» высказался на этот счет совершенно определенно. Он говорит там: «Понимание, которое быстро встретил „Капитал“ в широких кругах немецкого рабочего класса, — есть лучшая награда за мой труд. Г-н Мейер, человек, стоящий в экономических вопросах на буржуазной точке зрения, в одной брошюре, вышедшей во время франко-прусской войны, изложил совершенно верную мысль, что выдающиеся способности к теоретическому мышлению (der grosse theoretische Sinn), считавшиеся наследственным достоянием немцев, совершенно исчезли у так называемых образованных классов, но зато снова оживают у них в рабочем классе».

Подтасовка касается снова материализма и построена совершенно по первому шаблону. «Теория (материализма) никогда не была научно обоснована и проверена». Таков тезис. — Доказательство: «Отдельные хорошие страницы исторического содержания у Энгельса, Каутского и некоторых других тоже (как и в почтенной работе Блоса) могли бы обойтись без этикетки экономического материализма, так как (заметьте: „так как“!) на деле (sic!) в них принимается в соображение вся совокупность общественной жизни, хотя бы и с преобладанием экономической струны в этом аккорде». Вывод...: «в науке экономический материализм не оправдал себя».

Знакомая штука! Чтобы доказать необоснованность теории, г. Михайловский сначала извращает ее, приписав ей нелепое намерение не принимать в соображение всей совокупности общественной жизни, — тогда как, совсем напротив, материалисты (марксисты) были первыми социалистами, выдвинувшими вопрос о необходимости анализа не одной экономической, а всех сторон общественной жизни^[13], — затем констатирует, что «на деле» материалисты «хорошо» объясняли всю совокупность общественной жизни экономикой (факт, очевидно, побивающий автора) — и, наконец, делает вывод о том, что материализм «не оправдал себя». Но зато подтасовки ваши, г. Михайловский, прекрасно оправдали себя!

Вот все, что приводит г. Михайловский в «опровержение» материализма. Повторяю, тут нет никакой критики, а есть пустая претенциозная болтовня. Если спросить кого угодно — какие же возражения привел г. Михайловский против того взгляда, что производственные отношения лежат в основе остальных? чем опровергал он правильность выработанного Марксом посредством материалистического метода понятия общественной формации и естественно-исторического процесса развития этих формаций? как доказывал неверность приведенных хотя бы теми писателями, которых он называл, материалистических объяснений различных исторических вопросов? — всякий должен будет ответить: никак не возражал, ничем не опровергал, никаких неверностей не указывал. Он только ходил кругом да около, стараясь замазать суть дела фразами, и сочинял попутно разные пустяковинные увертки.

Трудно ждать чего-нибудь серьезного от такого критика, когда он продолжает в № 2 «Р. Б—ва» опровергать марксизм. Разница вся в том, что его изобретательность на подтасовки уже истощилась и он начинает пользоваться чужими.

Для начала он разглагольствует о «сложности» общественной жизни: вот, дескать, хотя бы гальванизм связывается и с экономическим материализмом, так как опыты Гальвани «произвели впечатление» и на Гегеля. Удивительное остроумие! С таким же успехом можно бы связать и г. Михайловского с китайским императором! Что отсюда следует, кроме того, что есть люди, которым доставляет удовольствие говорить вздор?!

«Сущность исторического хода вещей, — продолжает г. Михайловский, — неуловима вообще, не уловлена и доктриной экономического материализма, хотя она опирается, по-видимому, на 2 устоя: на открытие всеопределяющего значения форм производства и обмена и на непрерываемость диалектического процесса».

Итак, материалисты опираются на «непререкаемость» диалектического процесса! т. е. основывают свои социологические теории на триадах Гегеля. Мы имеем перед собой то шаблонное обвинение марксизма в гегелевской диалектике, которое уже, казалось, достаточно истрепано буржуазными критиками Маркса. Не будучи в состоянии возразить что-нибудь по существу против доктрины, эти господа уцеплялись за способ выражения Маркса, напали на происхождение теории, думая тем подорвать ее сущность. И г. Михайловский не церемонится прибегать к подобным приемам. Поводом для него послужила одна глава в сочинении Энгельса против Дюринга. Возражая Дюрингу, нападавшему на диалектику Маркса, Энгельс говорит, что Маркс никогда и не помышлял о том, чтобы «доказывать» что бы то ни было гегелевскими триадами, что Маркс только изучал и исследовал действительный процесс, что он единственным критерием теории признавал верность ее с действительностью. Если же, дескать, при этом иногда оказывалось, что развитие какого-нибудь общественного явления подпадало под гегелевскую схему: положение — отрицание — отрицание отрицания, то ничего тут нет удивительного, потому что в природе это вообще не

редкость. И Энгельс начинает приводить примеры из области естественно-исторической (развитие зерна) и общественной — вроде того, что-де сначала был первобытный коммунизм, затем — частная собственность и потом — капиталистическое обобществление труда; или сначала примитивный материализм, потом — идеализм и, наконец, — научный материализм и т. п. Для всякого очевидно, что центр тяжести аргументации Энгельса лежит в том, что задача материалистов — правильно и точно изобразить действительный исторический процесс, что настаивание на диалектике, подбор примеров, доказывающих верность триады, — не что иное, как остатки того гегельянства, из которого вырос научный социализм, остатки его способа выражений. В самом деле, раз заявлено категорически, что «доказывать» триадами что-нибудь — нелепо, что об этом никто и не помышлял, — какое значение могут иметь примеры «диалектических» процессов? Не ясно ли, что это — указание на происхождение доктрины и ничего больше. Г-н Михайловский сам чувствует это, говоря, что происхождение теории не доводится ставить ей в вину. Но чтобы видеть в рассуждении Энгельса нечто большее, чем происхождение теории, надо было бы, очевидно, доказать, что хоть один исторический *вопрос* разрешен материалистами не на основании соответствующих фактов, а посредством триад. Попытался ли доказать это г. Михайловский? Ничуть не бывало. Напротив, он сам вынужден был признать, что «Маркс до такой степени наполнил пустую диалектическую схему фактическим содержанием, что ее можно снять с этого содержания, как крышку с чашки, ничего не изменив» (об исключении, которое делает тут г. Михайловский, — насчет будущего — мы еще ниже скажем). Если так, то к чему же возится г. Михайловский с таким усердием с этой ничего не изменяющей крышкой? К чему толкует, что материалисты «опираются» на непререкаемость диалектического процесса? К чему заявляет он, воюя с этой крышкой, что он воюет против одного из «кустов» научного социализма, тогда как это прямая неправда?

Само собой разумеется, что я не стану следить за тем, как разбирает г. Михайловский примеры триад, потому что, повторяю, никакого отношения ни к научному материализму, ни к русскому марксизму это не имеет. Но интересен вопрос: какие же все-таки были основания у г. Михайловского, чтобы так исказить отношение марксистов к диалектике? Оснований было два: во-первых, г. Михайловский слышал звон, да не понял, откуда он; во-вторых, г. Михайловский совершил (или, вернее, присвоил от Дюринга) еще одну передержку.

Ad 1) ^[14]. Читая марксистскую литературу, г. Михайловский постоянно наткнулся на «диалектический метод» в общественной науке, на «диалектическое мышление» опять-таки в сфере общественных вопросов (о которой только и идет речь) и т. п. В простоте душевной (хорошо еще если только в простоте) он принял, что этот метод состоит в разрешении всех социологических вопросов по законам гегелевской триады. Отнесись он к делу хоть чуточку повнимательнее, он не мог бы не убедиться в нелепости этого представления. Диалектическим методом — в противоположность метафизическому — Маркс и Энгельс называли не что иное, как научный метод в социологии, состоящий в том, что общество рассматривается как живой, находящийся в постоянном развитии организм (а не как нечто механически сцепленное и допускающее поэтому всякие произвольные комбинации отдельных общественных элементов), для изучения которого необходим объективный анализ производственных отношений, образующих данную общественную формацию, исследование законов ее функционирования и развития. Отношение диалектического метода к метафизическому (под каковое понятие подходит, без сомнения, и субъективный метод в социологии) мы ниже постараемся иллюстрировать на примере собственных рассуждений г. Михайловского. Теперь же отметим только, что всякий, прочитавший определение и описание диалектического метода у Энгельса ли (в полемике против Дюринга. По-русски: «Развитие социализма из утопии в науку») или у Маркса (различные примечания в «Капитале» и «Послесловие» ко 2-му изданию; «Нищета философии»), — увидит, что о триадах Гегеля и речи нет, а все дело сводится к тому, чтобы рассматривать социальную эволюцию как естественно-исторический процесс развития общественно-экономических формаций. В доказательство приведу, *in extenso* ^[15], описание диалектического метода, сделанное в «Вестнике Европы» за 1872 г., № 5 (заметка: «Точка зрения политико-экономической критики у К. Маркса»), которое Маркс цитирует в «Послесловии» ко 2-му изданию «Капитала». Маркс говорит там, что метод, который он употребил в «Капитале», был плохо понят. «Немецкие рецензенты кричали, понятно, о гегелевской софистике». И вот, чтобы яснее изложить свой метод, Маркс приводит описание его в указанной заметке. Для Маркса одно важно — говорится там: именно — найти закон тех явлений, которые он исследует, и притом особенно важен для него закон изменения, развития этих явлений, перехода их из одной формы в другую, из одного порядка общественных отношений в другой. Поэтому Маркс заботится об одном: показать точным научным исследованием необходимость данных порядков общественных отношений, констатируя со всей возможной полнотой те факты, которые служат для него исходными и опорными пунктами. Для этой цели совершенно достаточно, если он, доказывая необходимость настоящего строя, доказывает вместе с тем и необходимость другого строя, который неизбежно должен вырасти из предыдущего, — все равно, верят ли люди в это или не верят, сознают ли они это или не сознают. Маркс рассматривает общественное движение как естественно-исторический процесс, подчиняющийся законам, не только не зависящим от воли, сознания и намерений людей, а, напротив, определяющим их волю, сознание и намерения. (К сведению для гг. субъективистов, выделяющих социальную эволюцию из естественно-исторической именно потому, что человек ставит себе сознательные «цели», руководствуется определенными идеалами.) Если сознательный элемент играет столь подчиненную роль в истории культуры, то понятно само собой, что критика, имеющая своим предметом самую эту культуру, менее всего другого может опираться на какую-либо форму или какой-либо результат сознания. Другими словами, исходным пунктом для нее может служить никак не идея, но только внешнее, объективное явление. Критика должна состоять в том, чтобы сравнить и сопоставить данный факт не с идеей, а с другим фактом; для нее важно только, чтобы оба факта были по возможности точно исследованы и чтобы они представляли из себя, один по отношению к другому, различные моменты развития, причем особенно необходимо, что-бы с такой же точностью был исследован весь ряд известных состояний, последовательность их и связь между различными ступенями развития. Маркс отрицает именно ту идею, что законы экономической жизни одинаковы и для прошедшего и для настоящего. Напротив, каждый исторический период имеет свои собственные законы. Экономическая жизнь представляет из себя явление, аналогичное с историей развития в других областях биологии. Прежние экономисты не понимали природы экономических законов, когда сравнивали их с законами физики и химии. Более глубокий анализ показывает, что социальные организмы так же глубоко разнятся друг от друга, как и организмы животных и растений. Ставя

своей задачей с этой точки зрения исследовать капиталистическую экономическую организацию, Маркс этим самым строго научно формулирует ту цель, которую должно преследовать всякое точное исследование экономической жизни. Научное значение такого исследования состоит в выяснении тех особых (исторических) законов, которые регулируют возникновение, существование, развитие и смерть данного общественного организма и замену его другим, высшим организмом.

Вот — описание диалектического метода, которое Маркс выудил из бездны журнальных и газетных заметок о «Капитале» и перевел на немецкий язык потому, что эта характеристика метода, как он сам говорит, совершенно точна. Спрашивается, упоминается ли тут хоть бы словом о триадах, трихотомиях, непререкаемости диалектического процесса и т. п. чепухе, против которой так рыцарски воюет г. Михайловский? И Маркс вслед за этим описанием прямо говорит, что его метод — «прямо противоположен» методу Гегеля. По Гегелю, развитие идеи, по диалектическим законам триады, определяет собой развитие действительности. Только в этом случае, разумеется, и можно толковать о значении триад, о непререкаемости диалектического процесса. По-моему — наоборот — говорит Маркс: «идеальное есть только отражение материального». И все дело сводится таким образом к «позитивному пониманию настоящего и его необходимого развития»: для триад не остается и другого места, как роль крышки и шелухи («я кокетничал гегелевским языком», — говорит Маркс в этом же послесловии), которой способны интересоваться одни филистеры. Как же, спрашивается теперь, должны мы судить о человеке, который пожелал критиковать один из «устоев» научного материализма, т. е. диалектику, и стал говорить обо всем, что вам угодно, даже о лягушках и [Наполеоне](#), но только не о том, в чем состоит эта диалектика, не о том, действительно ли развитие общества есть естественно-исторический процесс? правильно ли материалистическое понятие об общественно-экономических формациях, как особых социальных организмах? верны ли приемы объективного анализа этих формаций? действительно ли общественные идеи не определяют собой общественного развития, а сами определяются им? и т. д. Можно ли допустить в этом случае одно только непонимание?

Ad 2)^[16]. После такой «критики» диалектики г. Михайловский подсовывает Марксу эти приемы доказывания «посредством» гегелевской триады и, конечно, победоносно воюет против них. «Относительно будущего, — говорит он, — имманентные законы общества поставлены исключительно диалектически». (В этом и состоит упомянутое выше исключение.) Рассуждение Маркса о неизбежности экспроприации экспроприаторов в силу законов развития капитализма носит «исключительно диалектический характер». «Идеал» Маркса об общинности земли и капитала — «в смысле неизбежности и несомненности держится исключительно на конце гегелевской трехчленной цепи».

Этот довод *целиком взят* у Дюринга, проводившего его в своей «*Kritische Geschichte der Nationalökonomie und des Sozialismus*» (3-te Aufl., 1879. S. 486—487)^[17]. При этом г. Михайловский ни словом не упоминает о Дюринге. Может быть, впрочем, он самостоятельно додумался до этого перевирания Маркса?

Дюрингу прекрасный ответ дал Энгельс, и так как он цитирует и критику Дюринга, то мы и ограничимся этим ответом Энгельса. Читатель увидит, что он целиком относится и к г. Михайловскому.

"Этот исторический очерк (генезис так называемого первоначального накопления капитала в Англии), — говорит Дюринг, — представляет из себя еще сравнительно лучшее место в книге Маркса и был бы еще лучше, если бы не опирался, помимо научных, еще и на диалектические костыли. Гегелевское отрицание отрицания играет здесь — за неимением лучших и более ясных доводов — роль повивальной бабки, благодаря услугам которой будущее высвобождается из недр прошедшего. Уничтожение индивидуальной собственности, совершившееся указанным образом с 16 века, представляет из себя первое отрицание. За ним последует другое, которое характеризуется как отрицание отрицания и вместе с тем как восстановление „индивидуальной собственности“, но в высшей форме, основанной на общем владении землей и орудиями труда. Если эта новая „индивидуальная собственность“ в то же время называется г-ном Марксом и „общинной собственностью“, то в этом именно и сказывается гегелевское высшее единство, в котором противоречие устраняется (*aufgehoben* — специально гегелевский термин), т. е., по гегелевской игре слов, столько же превосходится, сколько и сохраняется.

... Экспроприация экспроприаторов является, таким образом, как бы автоматическим продуктом исторической действительности в ее материальных внешних условиях. .. Едва ли хоть один разумный человек убедится в необходимости общинного владения землей и капиталом на основании веры в гегелевские фокусы, вроде отрицания отрицания. Туманная уродливость представлений Маркса не может, впрочем, удивить того, кто знаком с тем, что можно сделать из такого научного материала, как гегелевская диалектика, или — лучше — какие нелепицы должны получиться из него. Для незнакомых с этими шутками скажу прямо, что первое отрицание играет у Гегеля роль заимствованного из катехизиса понятия грехопадения, а второе — роль высшего единства, ведущего к искуплению. На подобных фокусах аналогии, заимствованных из области религии, — конечно, уж нельзя основать логику фактов. .. Г. Маркс успокаивается на своей пуганой идее об индивидуальной и в то же время общинной собственности и представляет своим адептам самим разрешить эту глубокомысленную диалектическую загадку». Так говорит г. Дюринг.

Итак — заключает Энгельс — Маркс не в состоянии доказать необходимость социальной революции, необходимость введения общинной собственности на землю и на произведенные трудом средства производства, не прибегая к гегелевскому отрицанию отрицания; основывая свою социалистическую теорию на таких, заимствованных у религии, фокусах аналогии, он приходит к тому выводу, что в будущем обществе будет существовать собственность в одно и то же время и индивидуальная и общинная, в качестве гегелевского высшего единства устраненного противоречия^[18].

Оставим пока в стороне отрицание отрицания и посмотрим на эту «собственность, в одно и то же время и индивидуальную и общинную». Г-н Дюринг называет это «гуманом», и он, — как это ни удивительно, — действительно прав в этом отношении. К

несчастьем только, находится в этом «тумане» совсем не Маркс, а опять-таки сам г. Дюринг... Поправляя Маркса по Гегелю, он подсовывает ему какое-то высшее единство собственности, о котором Маркс не сказал ни слова.

У Маркса значит: «Это — отрицание отрицания. Оно снова создает индивидуальную собственность, но на основании приобретений капиталистической эры — кооперации свободных работников и их общинного владения землей и произведенными ими средствами производства. Превращение основанной на собственном труде раздробленной частной собственности отдельных личностей в капиталистическую, конечно, является процессом гораздо более долгим, трудным и тяжелым, чем превращение капиталистической частной собственности, фактически уже основывающейся на общественном процессе производства, в общественную собственность». Вот и все. Таким образом, порядки, созданные экспроприацией экспроприаторов, характеризуются как восстановление индивидуальной собственности *на основании* общинного владения землей и созданными самими работниками средствами производства. Для всякого, кто понимает немецкий язык (и русский тоже, г. Михайловский, потому что перевод совершенно точен), это означает, что общинная собственность простирается на землю и другие средства производства, а индивидуальная собственность на остальные продукты, т. е. на предметы потребления. А чтобы дело было понятно даже 6-летним ребятам, Маркс на стр. 56 (русс. изд. стр. 30) предполагает «союз свободных людей, работающих общими средствами производства и планомерно расходующих свои индивидуальные рабочие силы как одну общественную рабочую силу», т. е. социалистически организованную общину, и говорит: «Весь продукт труда представляет из себя общественный продукт. Часть этого продукта служит снова в качестве средств производства. *Она остается общественной.* Но другая часть потребляется в качестве жизненных средств членами союза. *Поэтому она должна быть распределена между ними*». Должно же это быть достаточно ясно даже и для г. Дюринга.

Собственность и индивидуальная и общинная в то же время, — эта туманная уродливость, эта нелепица, получающаяся из гегелевской диалектики, эта путаница, эта глубокомысленная диалектическая загадка, которую Маркс предоставляет решить своим adeptам, — опять-таки является вольным сочинением и выдумкой г. Дюринга...

Теперь — продолжает Энгельс — какую же роль играет у Маркса отрицание отрицания? На стр. 791 и следующих (русс. изд. стр. 648 и сл.) сопоставляет он окончательные результаты изложенного на предыдущих 50 (русс. изд. — 35-ти) страницах экономического и исторического исследования о так называемом первоначальном накоплении капитала. До капиталистической эры существовало, по крайней мере в Англии, мелкое производство на основании частной собственности работника на его средства производства. Так называемое первоначальное накопление состояло здесь в экспроприации этих непосредственных производителей, т. е. в уничтожении частной собственности, основанной на собственном труде. Это уничтожение сделалось возможным потому, что упомянутое мелкое производство совместимо только с узкими, примитивными рамками производства и общества, и на известной ступени развития оно само создает материальные основания для своего уничтожения. Это уничтожение, превращение индивидуальных и раздробленных орудий производства в общественно-концентрированные — образует собой первоначальную историю капитала. Как скоро работники были превращены в пролетариев, а их средства производства в капитал, как скоро капиталистический способ производства стал на собственные ноги, — дальнейшее обобществление труда и дальнейшее превращение земли и других средств производства (в капитал), а следовательно, и дальнейшая экспроприация частных собственников приобретает новую форму. «Теперь подлежит экспропрированию уже не работник, ведущий свое хозяйство, а капиталист, эксплуатирующий многих рабочих. Эта экспроприация совершается игрой имманентных законов самого капиталистического производства, вследствие концентрации капиталов. Один капиталист побивает насмерть многих. Рука об руку с этой концентрацией, или экспроприацией многих капиталистов немногими, развивается кооперативная форма процесса труда в постоянно расширяющихся размерах, развивается сознательное технологическое применение науки, планомерная общественная эксплуатация земли, превращение орудий труда в такие, которые могут быть употреблены только общинно, и экономизирование всех средств производства вследствие употребления их в качестве общинных средств производства комбинированного общественного труда. Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, узурпирующих и монополизующих все выгоды этого превращения, растет масса нищеты, угнетения, рабства, деградации, эксплуатации, но также и возмущения постоянно растущего рабочего класса, обучаемого, объединяемого и организуемого самим механизмом капиталистического процесса производства. Капитал становится оковами того способа производства, который расцвел вместе с ним и под его покровом. Концентрация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимы с их капиталистической оболочкой. Она разрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприруют».

И теперь спрашиваю я читателя, где диалектические хитрые завитки и арабески, где смешение понятий, сводящее все различия к нулю, где диалектические чудеса для правверных и фокусы по масштабу гегелевского учения о логосе, без которых Маркс, по словам Дюринга, не мог довести до конца своего изложения? Маркс доказывает исторически и здесь вкратце резюмирует, что точно так же, как некогда мелкое производство своим собственным развитием породило условия своего уничтожения, так точно теперь капиталистическое производство породило само материальные условия, от которых оно должно погибнуть. Таков исторический процесс, и если он в то же время оказывается диалектическим, то это уже не вина Маркса, как бы фатально это ни казалось г. Дюрингу.

Только теперь, покончивши с своим историко-экономическим доказательством, Маркс продолжает: «Капиталистический способ производства и присвоения, а следовательно, и капиталистическая частная собственность, есть первое отрицание индивидуальной собственности, основанной на собственном труде. Отрицание капиталистического производства производится им самим, с необходимостью естественно-исторического процесса. Это — отрицание отрицания» и т. д. (как выше цитировано).

Таким образом, называя этот процесс отрицанием отрицания, Маркс и не помышляет о том, чтобы в этом видеть

доказательство его исторической необходимости. Напротив того: после того как он доказал исторически, что процесс этот отчасти уже действительно совершился, отчасти еще должен совершиться, только после этого характеризует он его как такой процесс, который притом происходит по известному диалектическому закону. Вот и все. Таким образом, это — опять-таки чистейшая передержка г. Дюринга, когда он утверждает, что отрицание отрицания оказывает здесь услуги повивальной, бабки, при помощи которых будущее высвобождается из недр прошедшего, или будто бы Маркс требует, чтобы кто-нибудь убеждался в необходимости общинного владения землей и капиталом на основании веры в закон отрицания отрицания (стр. 125).

Читатель видит, что вся эта прекрасная отповедь Энгельса Дюрингу целиком относится и к г. Михайловскому, утверждающему точно так же, что будущее у Маркса держится исключительно на конце гегелевской цепи и что убеждение в его неизбежности может основываться только на вере^[19].

Все различие между Дюрингом и г. Михайловским сводится к 2-м следующим небольшим пунктам: во-первых, Дюринг — несмотря на то, что он без пены у рта не может говорить о Марксе, тем не менее счел необходимым в следующем параграфе своей «Истории» упомянуть о том, что Маркс в послесловии категорически отвергает обвинение в гегельянстве. Г-н же Михайловский об этом (вышеприведенном) совершенно определенном и ясном изложении Марксом того, что он понимает под диалектическим методом, умолчал.

Во-вторых. Вторая оригинальность г. Михайловского состоит в том, что он сосредоточил все внимание на употреблении времен глаголов. Почему, говоря о будущем, Маркс употребляет настоящее время? — с победоносным видом спрашивает наш философ. Об этом вы можете справиться в каждой грамматике, достопочтенный критик: вам скажут, что настоящее употребляется вместо будущего, когда это будущее представляется неизбежным и несомненным. Но почему же это, почему оно несомненно? — тревожится г. Михайловский, желая изобразить такое сильное волнение, чтобы оно могло оправдать даже передержку. — И на этот счет Маркс дал совершенно определенный ответ. Можно считать его недостаточным или неверным, но тогда надо показать, *в чем именно и почему именно* он неверен, а не говорить вздора о гегельянстве.

Было время, когда г. Михайловский не только сам знал, в чем состоит этот ответ, но и других поучал. Г-н Жуковский — писал он в 1877 г. — мог основательно считать гадательным построение Маркса насчет будущего, но он «не имел нравственного права» обходить вопрос об обобществлении труда, «которому Маркс придает огромное значение». Ну, конечно! Жуковский в 1877 г. не имел нравственного права обходить вопрос, а г. Михайловский в 1894 г. имеет такое нравственное право! Может быть, — *quod licet Jovi, non licet bovi*^[20]!?

Не могу не вспомнить здесь одного курьеза насчет понимания этого обобществления, высказанного некогда «[Отечественными Записками](#)». В № 7 за 1883 г. помещено было там «Письмо в редакцию» некоего г. [Постороннего](#), который точно так же, как и г. Михайловский, считал «построение» Маркса насчет будущего гадательным. «В сущности, — рассуждает этот господин, — общественная форма труда, при господстве капитализма, сводится к тому, что несколько сот или тысяч рабочих точат, бьют, вертят, накладывают, подкладывают, тянут и совершают еще множество других операций в одном помещении. Общий же характер этого режима прекрасно выражается поговоркой: „каждый за себя, а уж бог за всех“. При чем тут общественная форма труда?»

Вот это сразу уже видно, что понял человек, в чем дело! «Общественная форма труда» «сводится» к «работе в одном помещении»!! И после таких диких мыслей в одном из лучших еще русских журналов — нас хотят уверить, что теоретическая часть «Капитала» общепризнана наукой. Да, не будучи в силах ничего мало-мальски серьезного возразить против «Капитала», «общепризнанная наука» стала расшаркиваться перед ним, продолжая в то же время выказывать самое элементарное невежество и повторять старые пошлости школьной экономии. Приходится остановиться несколько на этом вопросе, чтобы показать г. Михайловскому, в чем состоит сущность дела, которую он, по своей постоянной привычке, совершенно обошел.

Обобществление труда капиталистическим производством состоит совсем не в том, что люди работают в одном помещении (это только — частичка процесса), а в том, что концентрация капиталов сопровождается специализацией общественного труда, уменьшением числа капиталистов в каждой данной отрасли промышленности и увеличением числа особых отраслей промышленности; — в том, что многие раздробленные процессы производства сливаются в один общественный процесс производства. Если, например, в эпоху кустарного ткачества мелкие производители сами пряли пряжу и выделывали из нее ткани, то мы имели немного отраслей промышленности (пряденье и ткачество сливались вместе). Если же производство обобществляется капитализмом, то число особых отраслей промышленности увеличивается: отдельно производится бумагопряденье, отдельно ткачество; самое это обособление и концентрация производства вызывают новые отрасли — производство машин, добывание каменного угля и т. д. В каждой отрасли промышленности, сделавшейся теперь более специализированной, число капиталистов становится все меньше. Это значит, что общественная связь между производителями все более и более укрепляется, производители сплавиваются в одно целое. Разрозненные мелкие производители производили каждый по несколько операций зараз и потому были сравнительно независимы от других: если, например, кустарь сам сеял лен, сам пряд и ткал, — он был почти независим от других. На таком-то режиме мелких, раздробленных товаропроизводителей (и только на нем) оправдывалась поговорка: «каждый за себя, а за всех бог», т. е. анархия рыночных колебаний. Совсем иначе обстоит дело при достигнутом благодаря капитализму обобществлении труда. Фабрикант, производящий ткани, зависит от бумагопрядильного фабриканта; этот последний — от капиталиста-плантатора, посеявшего хлопок, от владельца машиностроительного завода, каменноугольной копи и т. д., и т. д. В результате получается то, что ни один капиталист не может обойтись без других. Ясное дело, что поговорка «каждый за себя» — к такому режиму совсем уже неприложима: здесь уже каждый работает на всех и все на каждого (и богу не остается места — ни в качестве заоблачной фантазии, ни в качестве земного «златого тельца»). Характер режима совершенно меняется. Если во время режима существования мелких раздробленных

предприятий в каком-нибудь из них останавливалась работа, — это отражалось лишь на небольшом числе членов общества, не производило общего замешательства и потому не вызывало общего внимания, не побуждало к общественному вмешательству в дело. Но если такая остановка произошла в крупном предприятии, посвященном очень уж сильно специализированной отрасли промышленности и потому работающем чуть ли не на все общество и в свою очередь зависящем от всего общества (я беру для простоты случай, когда обобществление достигло своей кульминационной точки) — тогда уже должно остановиться дело во всех остальных предприятиях общества, потому что они могут получить необходимые продукты только из этого предприятия — могут реализовать все свои товары только при наличии его товаров. Все производства сливаются, таким образом, в один общественный производительный процесс, а между тем каждое производство ведется отдельным капиталистом, завися от его произвола, отдавая общественные продукты в его частную собственность. Неужели же не ясно, что форма производства становится в непримиримое противоречие с формой присвоения? Неужели не очевидно, что последняя не может не приспособиться к первой, не может не сделаться тоже общественной, т. е. социалистической? А остроумный филистер из «Отеч. Записок» сводит все к работе в одном помещении. Вот уж поистине попал пальцем в небо! (Я описал один только материальный процесс, одно изменение производственных отношений, не коснувшись социальной стороны процесса, объединения, сплачивания и организации рабочих, — так как это производное, второстепенное явление.)

Если российским «демократам» приходится разяснять такие азбучные вещи, — то причина этого лежит в том, что они до такой степени погрязли по уши в мещанских идеях, что решительно не в состоянии представить себе иных порядков, кроме мещанских.

Возвратимся, однако, к г. Михайловскому. Что возразил он против тех фактов и соображений, на которых Маркс основал вывод о неизбежности социалистического строя в силу самих законов развития капитализма? Показал ли он, что в действительности — при товарной организации общественного хозяйства — не происходит роста специализации общественного процесса труда, концентрации капиталов и предприятий, обобществления всего процесса труда? Нет, он не привел ни одного указания в опровержение этих фактов. Поколебал ли он то положение, что капиталистическому обществу присуща анархия, не мирящаяся с обобществлением труда? Он ничего не сказал об этом. Доказывал ли он, что объединение процесса труда всех капиталистов в один общественный процесс труда может ужиться с частной собственностью? что возможен и мыслим иной выход из противоречия, кроме указанного Марксом? Нет, он ни слова не сказал об этом.

На чем же держится его критика? На подтасовках, передержках и на потоке фраз, представляющих собой не что иное, как погрешности.

Как назвать иначе, в самом деле, такие приемы, когда критик, — наговоривши предварительно много чепухи насчет тройственно-последовательных шагов истории, — задает Марксу с серьезным видом такой вопрос: «а дальше что?», т. е. как пойдет история за той конечной стадией процесса, которую он обрисовал. Извольте видеть, Маркс с самого начала своей литературной и революционной деятельности с полнейшей определенностью заявил свои требования от социологической теории: она должна точно изображать действительный процесс — и ничего более (ср., напр., «Коммунистический манифест» о критерии теории коммунистов). В своем «Капитале» он строжайше соблюдал это требование: поставив своей задачей научный анализ капиталистической общественной формации, — он поставил точку, доказавши, что действительно происходящее перед нашими глазами развитие этой организации имеет такую-то тенденцию, что она неизбежно должна погибнуть и превратиться в другую, высшую организацию. А г. Михайловский, обойдя всю сущность доктрины Маркса, задает свой глупейший вопрос: «а дальше что?» И глубокомысленно добавляет: «Я должен откровенно признаться, что не совсем ясно представляю себе ответ Энгельса». Но зато мы должны откровенно признаться, г. Михайловский, что совсем ясно представляем себе дух и приемы такой «критики»!

Или еще такое рассуждение: «В средние века марксова индивидуальная собственность, основывающаяся на собственном труде, не была ни единым, ни преобладающим фактором, даже в области экономических отношений. Рядом с ней существовало многое другое, к чему, однако, диалектический метод в толковании Маркса (а не в перевертывании г. Михайловского?) не предлагает возвращаться... Очевидно, что все эти схемы не представляют картины исторической действительности, или даже только ее пропорций, а только удовлетворяют склонности человеческого ума мыслить всякий предмет в состояниях прошедшего, настоящего и будущего». Даже приемы Ваших передержек, г. Михайловский, однообразны до тошноты! Сначала подсунил в схему Маркса, претендующую на формулирование действительного процесса развития капитализма^[21] — и ни на что другое, намерение доказывать что бы то ни было триадами, затем констатирует, что схема Маркса не соответствует этому, навязанному ей г. Михайловским плану (3-ья стадия восстанавливает только одну сторону первой стадии, опуская все остальные), и развязнейшим образом делает вывод, что «схема, очевидно, не представляет картины исторической действительности»!

Мыслима ли серьезная полемика с таким человеком, неспособным (употребляя выражение Энгельса о Дюринге) даже по исключению цитировать точно? Можно ли тут возражать, когда публику уверяют, что схема «очевидно» не соответствует действительности, не сделавши даже попытки показать в чем-нибудь ее неверность?

Вместо того, чтобы критиковать действительное содержание марксистских воззрений, г. Михайловский упражняет свое остроумие насчет категорий прошедшего, настоящего и будущего. Энгельс, например, возражая против «вечных истин» г. Дюринга, говорит, что «нам в настоящее время проповедают» тройкую мораль: христианско-феодалную, буржуазную и пролетарскую, так что прошедшее, настоящее и будущее имеют свои теории морали. Г. Михайловский по поводу этого рассуждает: «я думаю, что в основании всех тройственных делений истории на периоды лежат именно категории прошедшего, настоящего и будущего». Какое глубокомыслие! Да кто же не знает, что если рассматривать какое угодно общественное явление в процессе его развития, то в нем всегда окажутся остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего? Но разве,

например, Энгельс думал утверждать, чтобы история морали (он ведь говорил только о «настоящем») ограничивалась тремя указанными моментами? чтобы феодальной морали не предшествовала бы, например, рабская, а этой последней — мораль первобытной коммунистической общины? Вместо того, чтобы серьезно критиковать попытку Энгельса разобраться в современных течениях моральных идей посредством материалистического их объяснения, — г. Михайловский угощает нас пустейшим фразерством!

По поводу таких приемов «критики» г. Михайловского, открывшейся заявлением, что он не знает, в каком сочинении изложено материалистическое понимание истории, — небесполезно, может быть, напомнить, что было время, когда автор знал одно из этих сочинений и умел правильнее оценить его. В 1877 г. г-н Михайловский так отзывался о «Капитале»: «Если снять с „Капитала“ тяжелую, неуклюжую и ненужную крышку гегельянской диалектики (Что за странность такая? Отчего это в 1877 г. „гегельянская диалектика“ была „ненужной“, а в 1894 г. вышло так, что материализм опирается на „непререкаемость диалектического процесса“?), то, независимо от других достоинств этого сочинения, мы увидим в нем превосходно разработанный материал для решения общего вопроса об отношении форм к материальным условиям их существования и превосходную постановку этого вопроса для известной области». — «Отношение форм к материальным условиям их существования» — это, ведь, и есть тот вопрос о соотношении разных сторон общественной жизни, о надстройке идеологических общественных отношений над материальными, в известном решении которого и состоит доктрина материализма. Пойдем дальше.

«Собственно говоря *весь „Капитал“* (курсив мой) посвящен исследованию того, как раз возникающая общественная форма все развивается, усиливает свои типические черты, подчиняя себе, ассимилируя открытия, изобретения, улучшения способов производства, новые рынки, самую науку, заставляя их работать на себя, и как, наконец, дальнейших изменений материальных условий данная форма выдержать не может».

Удивительное происшествие! В 1877 г. «весь „Капитал“» был посвящен материалистическому исследованию данной общественной формы (в чем же ином состоит материализм, как не в объяснении общественных форм материальными условиями?), — а в 1894 г. стало так, что неизвестно даже, где, в каком сочинении искать изложения этого материализма!

В 1877 г. в «Капитале» было «исследование» того, как «дальнейших изменений материальных условий данная форма (т. е. капиталистическая? не правда ли?) выдержать не может» (это заметьте), — а в 1894 г. оказалось так, что никакого исследования совсем нет, а убеждение в том, что капиталистическая форма не может выдержать дальнейшего развития производительных сил — держится «исключительно на конце гегелевской триады!» В 1877 г. г. Михайловский писал, что «анализ отношений данной общественной формы к материальным условиям ее существования *навсегда* (курсив мой) останется памятником логической силы и громадной эрудиции автора», — а в 1894 г. он объявляет, что доктрина материализма никогда и нигде не была проверена и обоснована научно!

Удивительное происшествие! Что же это такое в самом деле означает? Что такое случилось?

Случилось два обстоятельства: во-первых, *русский*, крестьянский социализм 70-х годов, «фыркавший» на свободу ради ее буржуазности, боровшийся с «яснолобыми либералами», усиленно замазывавшими антагонистичность русской жизни, и мечтавший о крестьянской революции, — совершенно разложился и породил тот пошлый мещанский либерализм, который усматривает «бодрящие впечатления» в прогрессивных течениях крестьянского хозяйства, забывая, что они сопровождаются (и обуславливаются) массовой экспроприацией крестьянства. — Во-вторых, в 1877 г. г-н Михайловский так увлеклся своей задачей — защитить «сангвиника» (т. е. социалиста революционера) Маркса от либеральных критиков, что не заметил несовместимости метода Маркса с его собственным методом. Но вот разъяснили ему это непримиримое противоречие между диалектическим материализмом и субъективной социологией — разъяснили статьи и книги Энгельса, разъяснили русские социал-демократы (у [Плеханова](#) не раз встречаются очень меткие замечания по адресу г. Михайловского), — и г. Михайловский вместо того, чтобы серьезно приняться за пересмотр вопроса, просто-напросто закусил удила. Вместо приветствия Маркса (выраженного им в 1872 и 1877 гг.) он лает теперь на него из-за подворотни сомнительного качества похвал и шумит и брызжет против русских марксистов, не желающих удовлетворяться «охраной экономически слабейшего», товарными складами и улучшениями в деревне, музеями и артелями для кустарей и т. п. благонамеренными мещанскими прогрессами — и желающих оставаться «сангвиниками», сторонниками социальной революции и обучать, руководить и организовать действительно революционные общественные элементы.

После этого небольшого отступления в область давнопрошедшего, можно, кажется, и закончить разбор «критики» г. Михайловского теории Маркса. Попробуем же подвести итоги и резюмировать «доводы» критика.

Доктрина, которую он вознамерился разрушить, опирается, во-первых, на материалистическое понимание истории и, во-вторых, на диалектический метод.

Что касается до первого, то критик заявил прежде всего, что он не знает, в каком сочинении изложен материализм. Не найдя нигде этого изложения, он принялся сам сочинять, что такое материализм. Чтобы дать понятие о чрезмерных претензиях этого материализма, он сочинил, будто материалисты претендуют на то, что объяснили все прошедшее, настоящее и будущее человечества, — а когда потом, по справке с подлинным заявлением марксистов, оказалось, что объясненной считают одну только общественную формацию, — тогда критик решил, что материалисты суживают поле действия материализма, чем, мол, и побивают себя. Чтобы дать понятие о приемах выработки этого материализма, он сочинил, будто материалисты сами признавались в слабости познаний для такого дела, как выработка научного социализма, несмотря на то, что в слабости познаний Маркс и Энгельс сознавались (в 1845—1846 гг.) по отношению к экономической истории вообще, и несмотря на то,

что это сочинение, доказывавшее слабость их познаний, они никогда не печатали. После таких прелюдий подарили нас и критикой: «Капитал» был уничтожен тем, что касается одного только периода, тогда как критику нужны все периоды, и еще тем, что «Капитал» не утверждает экономический материализм, а просто касается его — аргументы, настолько, очевидно, веские и серьезные, что пришлось признать, что материализм никогда не был научно обоснован. Затем против материализма приведен был тот факт, что человек, совершенно посторонний этой доктрине, изучавший доисторические времена совсем в другой стране, — пришел к материалистическим же выводам. Чтобы показать далее, что детопроизводство совсем неправильно притянуто к материализму, что это — одно словесное ухищрение, — критик стал доказывать, что экономические отношения представляют надстройку над половыми и семейными. Указания, которые даны были при этом серьезным критиком в поучение материалистам, обогатили нас глубокой истиной, что наследство невозможно без детопроизводства, что к продуктам этого детопроизводства «примыкает» сложная психика и что дети воспитываются в духе отцов. Попутно узнали мы также, что национальные связи — продолжение и обобщение родовых. Продолжая свои теоретические изыскания о материализме, критик заметил, что содержание многих аргументов марксистов состоит в том, что угнетение и эксплуатация масс «необходимы» при буржуазном режиме и что этот режим «необходимо» должен превратиться в социалистический, — и вот он не замедлил объявить, что необходимость — слишком общая скобка (если не сказать о том, что именно люди считают необходимым) и что поэтому марксисты — мистики и метафизики. Критик заявил также, что полемика Маркса с идеалистами «односторонняя», не сказавши ни слова о том, как относятся воззрения этих идеалистов к субъективному методу и как относится к ним диалектический материализм Маркса.

Что касается до второго устоя марксизма — диалектического метода, — то достаточно было одного толчка смелого критика, чтобы свалить этот устой. И толчок был очень меткий: критик возился и трудился с невероятными усилиями над опровержением того, будто триадами можно что-либо доказывать, — умолчавши о том, что диалектический метод состоит совсем не в триадах, что он состоит именно в отрицании приемов идеализма и субъективизма в социологии. Другой толчок специально направлен был против Маркса: при помощи доблестного г. Дюринга, критик подсунил Марксу невероятный вздор, будто он доказывал необходимость гибели капитализма триадами, — и победоносно воевал против этого вздора.

Вот — эпопея блестящих «побед» «нашего известного социолога»! Не правда ли, как «поучительно» (Буренин) созерцание этих побед?

Нельзя не коснуться здесь еще одного обстоятельства, не имеющего прямого отношения к критике доктрины Маркса, но крайне характерного для уяснения идеалов и понимания действительности критиком. Это — отношение его к рабочему движению на Западе.

Выше было приведено заявление г. Михайловского, что материализм не оправдал себя в «науке» (может быть, в науке германских «друзей народа»?), но этот материализм, — рассуждает г. Михайловский, — «действительно очень быстро распространяется в рабочем классе». Как же объясняет этот факт г. Михайловский? «Что касается успеха, которым экономический материализм пользуется, так сказать, в ширину, — говорит он, — его распространенности в критически непроверенном виде, то центр тяжести этого успеха лежит не в науке, а в житейской практике, устанавливаемой перспективами в сторону будущего». Какой иной смысл может иметь эта неуклюжая фраза о практике, «устанавливаемой» перспективами в сторону будущего, кроме того, что материализм распространяется не потому, чтобы он правильно объяснил действительность, а потому, что он отвернулся от этой действительности в сторону перспективы? И дальше говорится: «Перспективы эти не требуют от усвояющего их немецкого рабочего класса и принимающих горячее участие в его судьбе ни знаний, ни работы критической мысли. Они требуют только веры». Другими словами, распространение материализма и научного социализма вширь зависит от того, что эта доктрина обещает рабочим лучшее будущее! Да ведь достаточно самого элементарного знакомства с историей социализма и рабочего движения на Западе, чтобы видеть всю вздорность и фальшь этого объяснения. Всякий знает, что никаких собственно перспектив будущего никогда научный социализм не рисовал: он ограничивался тем, что давал анализ современного буржуазного режима, изучал тенденции развития капиталистической общественной организации — и только. «Мы не говорим миру, — писал Маркс еще в 1843 г., и он в точности выполнил эту программу, — мы не говорим миру: „перестань бороться; вся твоя борьба — пустяки“, мы даем ему истинный лозунг борьбы. Мы только показываем миру, за что собственно он борется, а сознание — такая вещь, которую мир *должен* приобрести себе, хочет он этого или нет». Всякий знает, что, например, «Капитал» — это главное и основное сочинение, излагающее научный социализм — ограничивается самыми общими намеками насчет будущего, прослеживая только те, теперь уже имеющиеся налицо, элементы, из которых вырастает будущий строй. Всякий знает, что по части перспектив будущего неизмеримо больше давали прежние социалисты, которые со всеми подробностями разрисовывали будущее общество, желая увлечь человечество картиной таких порядков, когда люди обходятся без борьбы, когда их общественные отношения основываются не на эксплуатации, а на истинных началах прогресса, соответствующих условиям человеческой природы. Однако — несмотря на целую фалангу талантливейших людей, излагавших эти идеи, и убежденнейших социалистов, — их теории оставались в стороне от жизни, их программы — в стороне от народных политических движений, пока крупная машинная индустрия не вовлекла в водоворот политической жизни массы рабочего пролетариата и пока не был найден истинный лозунг его борьбы. Этот лозунг найден был Марксом, — «не утопистом, а строгим, местами даже сухим ученым», как отзывался о нем г. Михайловский в давнопрошедшие времена — 1872 г., — найден совсем не посредством каких-нибудь перспектив, а посредством научного анализа современного буржуазного режима, посредством выяснения *необходимости* эксплуатации при наличности этого режима, посредством исследования законов его развития. Г. Михайловский может, конечно, уверять читателей «Русского Богатства», что усвоение этого анализа не требует ни знаний, ни работы мысли, но мы видели уже у него самого (и увидим еще больше у его сотрудника экономиста) такое грубое непонимание азбучных истин, установленных этим анализом, что подобное заявление в состоянии вызвать, разумеется, только улыбку. Остается неоспоримым фактом распространение и развитие рабочего движения именно там и постольку, где и поскольку развивается крупная капиталистическая машинная индустрия; — успех социалистической доктрины именно в том

случае, когда она оставляет рассуждения об общественных условиях, соответствующих человеческой природе, и берется за материалистический анализ современных общественных отношений, за выяснение необходимости теперешнего режима эксплуатации.

Попытавшись обойти действительные причины успеха материализма в рабочей среде посредством прямо уж противоположной истине характеристики отношения этой доктрины к «перспективам», г. Михайловский начинает теперь самым пошлым, мещанским образом глумиться над идеями и тактикой западноевропейского рабочего движения. Как мы видели, он не сумел буквально ни одного довода привести против доказательств Маркса о неизбежности превращения капиталистического строя в социалистический вследствие обобществления труда, — и тем не менее он развязнейшим образом иронизирует над тем, будто «армия пролетариев» подготавливает экспроприацию капиталистов, «вслед за чем прекратится уже всякая классовая борьба и наступит на земле мир и в человецех благоволение». Он, г. Михайловский, знает гораздо более простые и верные пути к осуществлению социализма, чем этот: нужно только, чтобы «друзья народа» поподробнее указали «ясные и непреложные» пути «желанной экономической эволюции» — и тогда этих «друзей народа» наверное «призовут» для решения «практических экономических проблем» (см. статью г. Южакова: «Вопросы экономического развития России», № 11 «Р. Б.»), а пока... пока рабочие должны подождать, положиться на «друзей народа» и не начинать с «неосновательной самоуверенностью» самостоятельной борьбы против эксплуататоров. Желая окончательно поразить насмерть эту «неосновательную самоуверенность», наш автор с пафосом негодует против «этой науки, умещающейся чуть ли не в карманном словаре». Какой ужас, в самом деле: наука — и социал-демократические брошюры, стоящие гроши и умещающиеся в кармане!! Не ясно ли, до какой степени неосновательно самоуверены те люди, которые лишь постольку и ценят науку, поскольку она учит эксплуатируемых самостоятельной борьбе за свое освобождение, учит сторониться от всяких «друзей народа», замазывающих антагонизм классов и желающих на себя взять все дело, и которые поэтому излагают эту науку в грошовых изданиях, так шокирующих филистеров. То ли бы дело, если бы рабочие предоставили свою судьбу «друзьям народа», они показали бы им настоящую, многотомную, университетскую и филистерскую науку, подробно ознакомили бы их с общественной организацией, соответствующей человеческой природе, если бы только... рабочие согласились подождать и не начинали сами борьбы с такой неосновательной самоуверенностью!

Прежде чем переходить ко второй части «критики» г. Михайловского, направленной уже не против теории Маркса вообще, а против русских социал-демократов в частности, нам приходится сделать некоторое отступление. Дело в том, что г. Михайловский, — точно так же, как он, критикуя Маркса, не только не попытался точно изложить его теорию, но прямо-таки извратил ее, — точно так же совсем уже безбожно перевирает идеи русских социал-демократов. Необходимо восстановить правду. Сделать это всего удобнее посредством сопоставления идей прежних русских социалистов — с идеями социал-демократов. Изложение первых заимствую из статьи г. Михайловского в «Русской Мысли» за 1892 г., № 6, в которой он говорил тоже о марксизме (и говорил — в укор ему будь сказано — в приличном тоне, не касаясь вопросов, о которых трактовать в подцензурной прессе можно только по-буренински, — не смешивая марксистов со всякою грязью) и в противовес ему — или, по крайней мере, если не в противовес, то в параллель — излагал свои взгляды. Я ничуть не желаю, конечно, обижать ни г. Михайловского, т. е. причислять его к социалистам, ни русских социалистов, приравнивая к ним г. Михайловского: я думаю только, что *ход аргументации* у тех и другого в сущности один и тот же, разница же заключается в степени твердости, прямоты и последовательности убеждений.

Излагая идеи «Отечественных Записок», г. Михайловский писал: «В состав нравственно-политических идеалов мы вводили принадлежность земли земледельцу и орудий труда производителю». Исходная точка, как видите, самая благонамеренная, полная самых добрых пожеланий... «Существующие еще у нас средневековые формы труда^[22] сильно распатаны, но мы не видели резона совсем кончать с ними, в угоду каких бы то ни было доктрин, либеральных или нелиберальных».

Странное рассуждение! Ведь какие бы то ни было «формы труда» могут быть распатаны только вследствие замены их другими какими-нибудь формами; а между тем мы не находим у нашего автора (да не нашли бы ни у кого из его единомышленников) даже попытки анализа этих новых форм и объяснения их, а также выяснения причин вытеснения этими новыми формами старых. Еще более странная вторая часть тирады: «мы не видели резона кончать с этими формами в, угоду доктрин». Какими же это средствами обладаем «мы» (т. е. социалисты — см. вышесделанную оговорку) для того, чтобы «кончать» с формами труда, т. е. чтобы перестраивать данные производственные отношения между членами общества? Неужели не нелепа мысль о переделке этих отношений по доктрине? Послушаем дальше: «задача наша не в том, чтобы вырастить непременно „самобытную“ цивилизацию из собственных национальных недр, но и не в том, чтобы перенести на себя западную цивилизацию целиком со всеми раздирающими ее противоречиями: надо брать хорошее отовсюду, откуда можно, а свое оно будет или чужое, это уже вопрос не принципа, а практического удобства. По-видимому, это столь просто, ясно и понятно, что и разговаривать не о чем». И в самом деле, как это просто! Хорошее «брать» отовсюду — и дело в шляпе! От средневековых форм «взять» принадлежность средств производства работнику, а от новых (т. е. капиталистических) форм «взять» свободу, равенство, просвещение, культуру. И разговаривать не о чем! Субъективный метод в социологии тут весь как на ладони: социология начинает с утопии — принадлежность земли работнику — и указывает условия осуществления желательного: «взять» хорошее оттуда-то да еще оттуда. Философ этот чисто метафизически смотрит на общественные отношения, как на простой механический агрегат тех или других институтов, простое механическое сцепление тех или других явлений. Он вырывает одно из таких явлений — принадлежность земли земледельцу в средневековых формах — и думает, что его можно точно так же пересадить во всякие

другие формы, как кирпич переложить из одного здания в другое. Но ведь это же значит не изучать общественные отношения, а уродовать подлежащий изучению материал: ведь действительность не знает этой принадлежности земли земледельцу, отдельно и самостоятельно существующей, как вы ее взяли: это — только одно из звеньев тогдашних производственных отношений, которые состояли в том, что земля разделена была между крупными землевладельцами, помещиками, что помещики наделяли крестьян этой землей для того, чтобы эксплуатировать их, так что земля была как бы натуральной заработной платой: она давала крестьянину необходимые продукты, чтобы он мог производить прибавочный продукт на помещика; она являлась фондом для несения крестьянами повинностей в пользу помещика. Почему автор не проследил этой системы производственных отношений, а ограничился тем, что вырвал одно явление, представив его, таким образом, в совершенно ложном свете? Потому что автор не умеет обращаться с общественными вопросами: он (повторяю, что пользуюсь рассуждениями г. Михайловского только как примером для критики *всего* русского социализма) совсем и не задается целью *объяснить* тогдашние «формы труда», представить их, как известную систему производственных отношений, как известную общественную формацию. Ему чужд, говоря языком Маркса, диалектический метод, обязывающий смотреть на общество, как на живой организм в его функционировании и развитии.

Вовсе и не задаваясь вопросом о причинах вытеснения старых форм труда новыми, он повторяет в рассуждении об этих новых формах совершенно такую же ошибку. Для него достаточно констатировать, что эти формы «расшатывают» принадлежность земли земледельцу, т. е., общее говоря, выражаются в отделении производителя от средств производства, — и осудить это, как не соответствующее идеалу. И опять-таки рассуждение его совершенно нелепо: он вырывает одно явление (обезземеление) и не пробуя представить его как член другой уже системы производственных отношений, основанной на *товарном хозяйстве*, необходимо порождающем конкуренцию между товаропроизводителями, неравенство, разорение одних и обогащение других. Он отметил одно явление — разорение массы, отодвинув другое — обогащение меньшинства, — и тем поставил себя в невозможность понять ни то, ни другое.

И такие приемы называет еще — «искать ответы на вопросы жизни в их плоть и кровью одетой форме» («Р. Б.» № 1 за 1894 г.), тогда как он, как раз наоборот, не умея и не желая объяснить действительность, взглянуть ей прямо в лицо, — убежал позорно от этих вопросов жизни с ее борьбой имущего против неимущего, в область невинных утопий; это он называет — «искать ответы на вопросы жизни в идеальной постановке их жгучей и сложной реальной действительности» («Р. Б.» № 1), тогда как он на самом деле не сделал и попытки анализа и объяснения этой реальной действительности.

Вместо этого он дал нам утопию, сочиненную из бессмысленнейшего выдергивания отдельных элементов из разных общественных формаций — из средневековой взял то-то, из «новой» — то-то и т. д. Понятно, что теория, основанная на этом, не могла не остаться в стороне от действительной общественной эволюции по той простой причине, что жить-то и действовать приходилось нашим утопистам не в тех общественных отношениях, которые составлены из взятых отсюда-то да отсюда элементов, а в тех, которые определяют отношения крестьянина к кулаку (хозяйственному мужику), кустаря к скупщику, рабочего к фабриканту и которые были совершенно не поняты ими. Их попытки и усилия переделать эти непонятые отношения по своему идеалу не могли не потерпеть неудачи.

Вот в самых общих чертах — очерк того положения вопроса о социализме в России, когда «народились русские марксисты».

Они начали именно с критики субъективных приемов прежних социалистов; не удовлетворяясь констатированием эксплуатации и осуждением ее, они пожелали *объяснить* ее. Видя, что вся пореформенная история России состоит в разорении массы и в обогащении меньшинства, наблюдая гигантскую экспроприацию мелких производителей наряду с повсеместным техническим прогрессом, замечая, что эти полярные течения возникают и усиливаются там и постольку, где и поскольку развивается и упрочивается товарное хозяйство, — они не могли не заключить, что имеют дело с буржуазной (капиталистической) организацией общественного хозяйства, *необходимо* порождающей экспроприацию и угнетение масс. Их практическая программа прямо уже определялась этим убеждением: она сводилась к тому, чтобы примкнуть к этой борьбе пролетариата с буржуазией, борьбе неимущих классов против имущих, которая составляет главное содержание экономической действительности России, начиная от глухой деревушки и кончая новейшей усовершенствованной фабрикой. Как примкнуть? — ответ подсказала им опять-таки сама действительность. Капитализм довел главные отрасли промышленности до стадии крупной машинной индустрии; обобществив таким образом производство, он создал материальные условия новых порядков и в то же время создал новую социальную силу: класс фабрично-заводских рабочих, городского пролетариата. Подвергаясь такой же буржуазной эксплуатации, каковою является по своей экономической сущности эксплуатация всего трудящегося населения России, — этот класс поставлен, однако, в особо выгодные условия по отношению к своему освобождению: он ничем не связан уже со старым, целиком построенным на эксплуатации, обществом; самые условия его труда и обстановка жизни организуют его, заставляют мыслить, дают возможность выступить на арену политической борьбы. Естественно, что социал-демократы обратили все свое внимание и все надежды на этот класс, что они свели свою программу к развитию его классового самосознания, направили всю свою деятельность к тому, чтобы помочь ему подняться на прямую политическую борьбу против современного режима и втянуть в эту борьбу весь русский пролетариат.

Посмотрим теперь, как воюет г. Михайловский против социал-демократов. Что приводит он в возражение против их теоретических воззрений? против их политической социалистической деятельности?

Теоретические воззрения марксистов излагаются критиком следующим образом:

«Истина — по словам, будто бы, марксистов — состоит в том, что по имманентным законам исторической необходимости Россия разовьет свое капиталистическое производство, со всеми его внутренними противоречиями, с поеданием малых капиталов крупными, а тем временем оторванный от земли мужик обратится в пролетария, объединится, обобществится, и дело будет в шляпе, которую и останется только надеть на голову несчастливенному человечеству».

Извольте видеть, — марксисты, значит, ничем не отличаются от «друзей народа» в понимании действительности, но только в представлении будущего: они совсем, должно быть, не занимаются настоящим, а только «перспективами». Что именно такова мысль г. Михайловского, в этом не может быть сомнения: марксисты, — говорит он, — «вполне уверены, что в их провидениях будущего нет ничего утопического, а все взвешено и смиренно по предписаниям строгой науки», и, наконец, еще яснее: марксисты — «веруют и исповедуют непреложность абстрактной исторической схемы».

Одним словом, мы имеем перед собой то банальнейшее и пошлейшее обвинение марксистов, на котором с давних пор выезжают все те, кто не может возразить что-либо по существу против их воззрений. «Марксисты исповедуют непреложность абстрактной исторической схемы»!!

Да ведь это же сплошная ложь и выдумка!

Ни один из марксистов нигде и никогда не аргументировал таким образом, что в России «должен быть» капитализм, «потому что» он был на Западе и т. д. Ни один из марксистов никогда не видел в теории Маркса какой-нибудь общеобязательной философско-исторической схемы, чего-нибудь большего, чем объяснение такой-то общественно-экономической формации. Один только субъективный философ, г. Михайловский, ухитрился обнаружить такое непонимание Маркса, что усмотрел у него общеполитическую теорию, в ответ на что и получил совершенно определенное разъяснение Маркса, что он ошибся в адресе. Никогда ни один марксист не основывал своих социал-демократических воззрений на чем-нибудь ином, как на соответствии ее с действительностью и историей данных, т. е. русских, общественно-экономических отношений, да и не мог основывать, потому что это требование от теории совершенно ясно и определенно заявлено и положено во главу угла всего учения самим основателем «марксизма» Марксом.

Конечно, г. Михайловский может, сколько угодно, опровергать эти заявления тем, что он «собственными ушами» слышал именно исповедание абстрактной исторической схемы. Но какое же нам, социал-демократам, или кому бы то ни было, дело до того, что г. Михайловскому приходилось выслушивать от его собеседников всякий абсурдный вздор? Не доказывает ли это только того, что он очень счастливо выбирает своих собеседников, и ничего больше? Очень возможно, конечно, что эти остроумные собеседники остроумного философа именовали себя марксистами, социал-демократами и т. п. — но кто же не знает, что в настоящее время (как это давно уже замечено) всякий прохвост любит рядиться в «красные» платья?^[23] И если г. Михайловский настолько прозорлив, что не может отличить таких «фряженных» от марксистов, или если он настолько глубоко понял Маркса, что не заметил этого усиленнейше выдвигаемого им критерия всей его доктрины (формулирование «того, что совершается перед нашими глазами»), — то это доказывает опять-таки только, что г. Михайловский не умен, и ничего больше.

Во всяком случае, если он брался за полемику в печати против *социал-демократов*, — он должен был иметь в виду ту группу социалистов, которая уже давно носит такое имя и носит его одна, так что других нельзя смешать с нею, и которая имеет своих литературных представителей — Плеханова и его кружок. И если бы он сделал так, — а так, очевидно, должен был бы поступить всякий мало-мальски порядочный человек, — и обратился хотя бы к первому социал-демократическому сочинению, к книге Плеханова: «Наши разногласия», — он увидал бы там на первых же страницах категорическое заявление автора от лица всех членов кружка:

«Мы ни в каком случае не хотим прикрывать свою программу авторитетом великого имени» (т. е. авторитетом Маркса). Понимаете вы русский язык, г. Михайловский? Понимаете вы разницу между исповеданием абстрактных схем и отрицанием всякого авторитета Маркса в суждении о русских делах?

Понимаете ли вы, что, выдавая первое суждение, которое вам посчастливилось слышать от ваших собеседников, за марксистское и оставляя без внимания печатное заявление одного из выдающихся членов социал-демократии от имени всей группы, — вы поступили нечестно?

И дальше заявление делается еще более определенное:

«Повторяю, — говорит Плеханов, — между самыми последовательными марксистами возможно разногласие по вопросу об оценке современной русской действительности»; наша доктрина — «первый опыт применения данной научной теории к анализу весьма сложных и запутанных общественных отношений».

Кажется, трудно говорить яснее: марксисты заимствуют безусловно из теории Маркса только драгоценные приемы, без которых невозможно уяснение общественных отношений, и, следовательно, критерий своей оценки этих отношений видят совсем не в абстрактных, схемах и т. п. вздоре, а в верности и соответствии ее с действительностью.

Или, может быть, вы думаете, что, делая такие заявления, автор на самом деле рассуждал иначе? По это неправда. Вопрос, которым он занимался, состоял в том, — «должна ли Россия пройти через капиталистическую фазу развития?» Вопрос этот был, следовательно, формулирован совсем не по-марксистски, а по субъективным методам разных отечественных философов,

видящих критерии этого долженствования не то в политике начальства, не то в деятельности «общества», не то в идеале общества, «соответствующего человеческой природе», и тому подобной белиберде. Спрашивается теперь: как должен был отвечать на подобный вопрос человек, исповедующий абстрактные схемы? Очевидно, он стал бы говорить о непрерывности диалектического процесса, об общеполитическом значении теории Маркса, о неизбежности для каждой страны пройти через фазу... и т. д., и т. д.

И как отвечал Плеханов?

Так, как только и мог отвечать марксист:

Он оставил совершенно в стороне вопрос о долженствовании, как праздный и могущий интересоваться лишь субъективистов, и все время говорил лишь о действительных общественно-экономических отношениях, о действительной их эволюции. Поэтому не дал он и прямого ответа на такой неправильно поставленный вопрос, а ответил вместо того так «Россия *вступила* на капиталистический путь».

А г. Михайловский с видом знатока толкует об исповедании абстрактной исторической схемы, об имманентных законах необходимости и т. п. невероятной ерунде! И называет это «полемикой против социал-демократов»!!

Решительно отказываюсь понимать — если это полемист, то кто же после этого называется пустолайкой?!

Нельзя не отметить еще по поводу вышецитированного рассуждения г. Михайловского, что он излагает взгляды социал-демократов так, будто «Россия *разовьет* свое собственное капиталистическое производство». Очевидно, по мнению этого философа, в России нет «своего собственного» капиталистического производства. Автор, должно быть, примыкает к тому мнению, что русский капитализм ограничивается 1,5 миллионами рабочих, — мы ниже еще встретимся с этой ребячьей идеей наших «друзей народа», которые уж неизвестно куда причисляют всю остальную эксплуатацию свободного труда. «Россия разовьет свое собственное капиталистическое производство со всеми его внутренними противоречиями, а тем временем оторванный от земли мужик обратится в пролетария». Что дальше в лес, то больше дров! И так, в России нет «внутренних противоречий»? т. е., говоря прямо, нет эксплуатации массы народа кучкой капиталистов? нет разорения громадного большинства населения и обогащения кучки лиц? Мужику только еще предстоит быть оторванным от земли? А в чем состоит вся пореформенная история России, как не в массовой, невиданной нигде в такой интенсивности, экспроприации крестьянства? Надо иметь большое мужество, чтобы заявлять во всеулышание такие вещи. И г. Михайловский обладает этим мужеством: «Маркс оперировал над готовым пролетариатом и готовым капитализмом, а нам надо еще создавать их». России надо еще создавать пролетариат?! В России, в которой одной только можно найти такую безысходную нищету масс, такую наглую эксплуатацию трудящегося, — которую сравнивали (и законно) с Англией по положению ее бедноты, в которой голодание миллионов народа является постоянным явлением рядом, например, с все возрастающим вывозом хлеба, — в России нет пролетариата!!

Я думаю, что г. Михайловскому следовало бы живому поставить памятник за эти классические слова!^[24]

Мы, впрочем, еще ниже увидим, что это — постоянная и последовательнейшая тактика «друзей народа» — фарисейски закрывать глаза на невозможное положение трудящихся в России, изображать его только «пошатнувшимся», так что достаточно усилий «культурного общества» и правительства, чтобы направить все на истинный путь. Эти рыцари думают, что если они закроют глаза на тот факт, что положение трудящейся массы плохо не потому, что оно «пошатнулось», а потому, что она подвергается бесстыднейшему грабежу со стороны кучки эксплуататоров, что если они наподобие страусов спрячут головы, чтобы не видеть этих эксплуататоров, — то эти эксплуататоры исчезнут. И когда социал-демократы говорят им, что это — позорная трусость — бояться смотреть в лицо действительности, когда они берут за свою отправную точку этот факт эксплуатации и говорят, что единственно возможное объяснение его лежит в буржуазной организации русского общества, раскалывающей массу народа на пролетариат и буржуазию, и в классовом характере русского государства, представляющего из себя не что иное, как орган господства этой буржуазии, что поэтому *единственный выход* заключается в классовой борьбе пролетариата против буржуазии, — тогда эти «друзья народа» поднимают вопли, что социал-демократы хотят обезземелить народ!! хотят разрушить нашу народную экономическую организацию!!

Мы подходим теперь к самому возмутительному месту всей этой, по меньшей мере, неприличной «полемике» — именно к «критике» (?) г. Михайловским политической деятельности социал-демократов. Всякий понимает, что деятельность социалистов и агитаторов среди рабочих не может подвергаться честному обсуждению в нашей легальной прессе и что единственное, что может сделать в этом отношении порядочная подцензурная печать, — это «с тактом молчать». Г. Михайловский забыл это весьма элементарное правило и не посовестился воспользоваться своей монополией обращения к читающей публике для того, чтобы обливать социалистов грязью.

Найдутся, однако, средства борьбы против этого бесцеремонного критика и помимо легальной журналистики!

«Сколько я понимаю, — наивничает г. Михайловский, — русские марксисты могут быть разделены на три разряда: марксистов-зрителей (безучастные наблюдатели процесса), марксистов пассивных (только «облегчают муки родов». Они «не интересуются народом, на земле сидящим, и обращают свое внимание и надежды на тех, которые уже отлучены от средств производства») и марксистов активных (прямо настаивающих на дальнейшем разорении деревни)».

Что это такое?! Ведь не может же г. критик не знать, что русские марксисты — это социалисты, исходящие из того воззрения на

действительность, что это — капиталистическое общество и что выход из него один — классовая борьба пролетариата против буржуазии? Каким же образом и с какой стати смешивает он их под одно с какой-то бессмысленной пошлостью? Какое право (нравственное, конечно) имеет он распространять термин марксистов на людей, не принимающих, очевидно, элементарнейших и основных положений марксизма, людей, которые никогда и нигде не выступали в качестве особой группы, никогда и нигде не заявляли какой-нибудь своей особой программы?

Г-н Михайловский оставил себе целый ряд лазеек, чтобы оправдать такие безобразные приемы.

«Может быть, — острит он с легкостью светского пшюта, — это и не настоящие марксисты, но они считают и объявляют себя таковыми». Где объявляли и когда? В петербургских либеральных и радикальных салонах? В частных письмах? Пусть так. Так и разговаривайте с ними в своих салонах и в своей корреспонденции! По ведь вы выступаете печатно и публично против людей, которые (под знаменем марксизма) никогда и нигде не выступали публично. И вы смее еще при этом объявлять, что полемизируете против *социал-демократов*, зная, что это имя носит только одна группа социалистов революционеров и никого другого с нею смешать нельзя!^[25]

Г. Михайловский виляет и вертится, как уличенный гимназист: Я тут совершенно ни при чем — силится доказать он читателю — я «собственными ушами слышал и собственными глазами видел». Да, прекрасно! Мы охотно верим, что у вас под глазами нет никого, кроме пошляков и негодяев, но при чем же тут мы-то, социал-демократы? Кто же не знает, что «в настоящее время, когда» не только социалистическая, но и всякая мало-мальски самостоятельная и честная общественная деятельность вызывает политическое преследование, — на одного, действительно работающего под тем или другим знаменем — народовольчества, марксизма или, хоть скажем, конституционализма — приходится несколько десятков фразеров, прикрывающих этим именем свою либеральную трусость, и еще, может быть, несколько прямых уже подлецов, обстраивающих свои собственные делишки? Не ясно ли, что только самая низменная пошлость способна бы была ставить в упрек какому бы то ни было из этих направлений тот факт, что его знамя пачкает (и притом непублично и негласно) всякая шваль? Все изложение г. Михайловского — сплошная цепь искажений, извращений и подтасовок. Выше мы видели, что те «истины», из которых исходят социал-демократы, он совершенно перевернул, изложил так, как никто из марксистов нигде и никогда их не излагал и не мог излагать. И если бы он изложил действительное понимание русской действительности социал-демократами, он не мог бы не видеть, что «сообразоваться» с этими воззрениями можно только на один манер — содействуя развитию классового самосознания пролетариата, организуя и сплачивая его для политической борьбы против современного режима. У него, впрочем, осталась еще одна уловка. С видом оскорбленной невинности, он фарисейски возводит очи горе и слащаво изрекает: «Я очень рад это слышать, но я не понимаю, против чего вы протестуете» (он так и говорит во 2 № «Р. Б.»). «Прочитайте внимательнее мой отзыв о пассивных марксистах, и вы увидите, что я говорю: с этической точки зрения возразить ничего нельзя».

И это, конечно, не что иное, как пережевывание прежних, жалких уверток.

Скажите, пожалуйста, как назвали бы поступок человека, который объявил бы, что критикует социально-революционное народничество (а другое еще и не выступало — беру такой период), и который стал бы излагать примерно такие вещи:

«Народники, сколько я понимаю, разделяются на три разряда: народники последовательные, которые вполне принимают идеи мужика и в точном соответствии с его желаниями обобщают розги, женобойство и вообще проводят ту гнуснейшую политику правительства кнута и палки, которая ведь называлась же народной политикой; затем, дескать, народники-трусы, которые не интересуются мнениями мужика и только пытаются перенести в Россию чуждое ей революционное движение, посредством ассоциаций и т. п. — против чего, впрочем, с этической точки зрения ничего возразить нельзя, если бы не скользкость пути, которая легко может свести трусливого народника к последовательному или смелому; и наконец — народники-смелые, которые во всей полноте осуществляют народные идеалы хозяйственного мужика и потому садятся на землю, чтобы кулачествовать вплотную», — все порядочные люди назвали бы, конечно, это подлым и пошлым глумлением. А если бы притом излагавший такие вещи человек не мог получить опровержения от народников в той же печати; если бы при этом идеи этих народников излагались до сих пор только нелегально и потому многие не имели о них точного понятия и могли легко поверить всему, что бы им ни сказали о народниках, — тогда все согласились бы, что такой человек...

Может быть, впрочем, г. Михайловский и сам не совсем еще забыл то слово, которое следовало бы здесь поставить.

Довольно, однако! Много еще осталось подобных же инсинуаций у г. Михайловского, но я не знаю работы более утомительной, более неблагодарной, более черной, чем возня в этой грязи, собиравание разбросанных там и сям намеков, сопоставление их, поиски хоть одного какого-нибудь серьезного возражения.

Довольно!

Апрель 1894.

1. ↑ Кто не хвалит Клопшпока? Но станет ли его каждый читать? Нет. Мы хотим, чтобы нас меньше почитали, но зато прилежнее читали! (Лессинг). *Ред.*
2. ↑ То есть, разумеется, речь все время идет о сознании *общественных* отношений и никаких иных.
3. ↑ заметьте.
4. ↑ так! *Ред.*
5. ↑ заранее, независимо от опыта. *Ред.*
6. ↑ другой я, двойник. *Ред.*
7. ↑ «Переворот в науке, произведенный г-ном [Е. Дюрингом](#)». *Ред.*
8. ↑ Г. Михайловский и тут не упускает случая поломаться: как это, дескать, так: научное понимание истории — и древняя история — загадка! Вы можете из всякого учебника узнать, г. Михайловский, что вопрос о гентильной организации принадлежит к числу труднейших, вызывавших массу теорий для своего объяснения.
9. ↑ Как назвать иначе, в самом деле, такой прием, когда упрекают материалистов в том, что они не свели счетов с историей, не попытавшись, однако, разобрать *буквально ни одного* из многочисленных материалистических объяснений различных исторических вопросов, которые даны были материалистами? или когда говорят, что можно бы доказывать, но мы этим заниматься не будем?
10. ↑ Это — чисто буржуазная идея: раздробленные, мелкие семьи сделались господствующими только при буржуазном режиме; они совершенно отсутствовали в доисторические времена. Нет ничего характернее для буржуа, как перенесение черт современных порядков на все времена и народы.
11. ↑ крайний предел. *Ред.*
12. ↑ По поводу этого бессмысленного термина надо заметить, что г. Михайловский выделяет особо Маркса (слишком умного и слишком ученого — чтобы наш критик мог прямо и открыто критиковать то или другое его положение), затем ставит Энгельса („не столь творческий ум“), потом более или менее самостоятельных людей, как Каутский, — и остальных марксистов. Ну, какое серьезное значение может иметь эта классификация? Если критик недоволен популяризаторами Маркса, — кто мешает ему поправить их по Марксу? Ничего подобного он не делает. Очевидно, он покушался состричь, но вышло только плоско.
13. ↑ Это вполне ясно выразилось в «Капитале» и в тактике социал-демократов, сравнительно с прежними социалистами. Маркс прямо заявлял требование не ограничиваться экономической стороной. В 1843 г., намечая программу предполагавшегося журнала, Маркс писал к [Руге](#): «Социалистический принцип в целом представляет собой опять-таки только одну сторону... Мы же должны обратить такое же внимание и на другую сторону, на теоретическое существование человека, следовательно, сделать предметом своей критики религию, науку и пр. ... Подобно тому, как *религия* представляет оглавление теоретических битв человечества, *политическое государство* представляет оглавление практических битв человечества.. Таким образом, политическое государство выражает в пределах своей формы *sub specie rei publicae* (под политическим углом зрения) все социальные битвы, потребности, интересы. Поэтому сделать предметом критики самый специальный политический вопрос — например, различие между сословной и представительной системой — нисколько не значит спуститься с *hauteur des principes* (с высоты принципов. *Ред.*), так как этот вопрос выражает *политическим* языком различие между господством человека и господством частной собственности. Значит, критик не только может, но и должен касаться этих политических вопросов (которые завязанному социалисту кажутся не стоящими никакого внимания)».
14. ↑ К 1-му пункту. *Ред.*
15. ↑ полностью, целиком. *Ред.*
16. ↑ Ко 2-му пункту. *Ред.*
17. ↑ «Критическая история национальной экономии и социализма» (3-е изд., 1879. Стр. 486—487). *Ред.*
18. ↑ Что такая формулировка воззрений Дюринга целиком приложима и к г. Михайловскому, доказательством этому служит еще следующее место из его статьи: «К. Маркс перед судом г. Ю. Жуковского». Возражая г. Жуковскому, утверждавшему, что Маркс — защитник частной собственности, г. Михайловский указывает на эту схему Маркса и поясняет ее следующим образом: «В свою схему Маркс ввернул два общеизвестных фокуса гегелевской диалектики: во-первых, схема построена по закону гегелевской триады; во-вторых, синтезис основывается на тождестве противоположностей; индивидуальной и общинной собственности. Значит, тут слово: „индивидуальный“ имеет особенный, чисто условный смысл члена диалектического процесса, и ничего ровно на нем основывать нельзя». Это говорил человек с самыми благими намерениями, защищая перед русской публикой «сангвиника» Маркса от буржуа г. Жуковского. И вот с этими-то благими намерениями он поясняет Маркса таким образом, что тот свое представление о процессе основывает на «фокусах»! Г. Михайловский может извлечь отсюда небесполезную для него мораль, что одних благих намерений для какого бы то ни было дела немножко мало.
19. ↑ Не лишнее, кажется, отметить по этому поводу, что все это разъяснение Энгельса помещено в той же главе, где он рассуждает о зерне, об учении [Руссо](#) и др. примерах диалектического процесса. Казалось бы, одного сопоставления этих примеров с такими ясными и категорическими заявлениями Энгельса (и Маркса, которому читана была предварительно рукопись этого сочинения), что не может быть и речи о том, чтобы *доказывать* что-нибудь триадами, или о том, чтобы подсовывать в изображение действительного процесса «условные члены» этих триад, — совершенно достаточно, чтобы понять нелепость обвинения марксизма в гегелевской диалектике.
20. ↑ что позволено Юпитеру, то не позволено быку. *Ред.*
21. ↑ Поэтому-то и опущены другие черты экономических порядков средних веков, что они принадлежали к феодальной общественной формации, тогда как Маркс изучает одну *капиталистическую*. В чистом своем виде процесс развития капитализма действительно начался (например, в Англии) с режима мелких, раздробленных товаропроизводителей и их индивидуальной трудовой собственности.
22. ↑ »Под средневековыми формами труда, — пояснял автор в другом месте, — следует разуметь не только общинное

землевладение, кустарную промышленность и артельную организацию. Все это, несомненно, средневековые формы, но к ним должны быть причислены все виды принадлежности земли или орудий производства работнику".

23. ↑ Все это писано в предположении, что г. Михайловский действительно слышал исповедания абстрактных исторических схем и что он ничего не переврал. Считаю, однако, безусловно необходимым по этому поводу оговориться: за что купил, за то и продаю.
24. ↑ Может быть, впрочем, г. Михайловский и тут попробовал бы увильнуть: я, дескать, вовсе не хотел сказать, что в России нет вообще пролетариата, а только — что в ней нет капиталистического пролетариата? — Да? Так почему же Вы тогда не сказали этого? Ведь весь вопрос-то в том и состоит: представляет ли из себя русский пролетариат такой, который свойственен буржуазной организации общественного хозяйства, или иной какой? Кто же виноват, что Вы на протяжении целых двух статей не проронили *ни слова* об этом, единственно серьезном и важном, вопросе, а предпочли болтать всякий вздор, и притом заговариваетесь до чертиков?
25. ↑ Остановлюсь на одном хоть *фактическом* указании, которое попадаетея у г. Михайловского. Всякий, прочитавший его статью, должен будет согласиться, что он и г. Скворцова (автора «Экономических причин голодоваю») причисляет к «марксистам». А между тем этот г-н сам себя так не называет, и достаточно самого элементарного знакомства с сочинениями социал-демократов, чтобы видеть, что с их точки зрения это — пошлейший буржуй и ничего больше. Какой это марксист, когда он не понимает, что та общественная среда, для которой он прожектирует свои прогрессы, — есть буржуазная среда, что поэтому все «улучшения культуры», действительно замечаемые даже в крестьянском хозяйстве, означают прогресс буржуазный, улучшающий положение меньшинства и пролетаризирующий массы! Какой это марксист, когда он не понимает, что государство, к которому он обращается с прожектами, есть классовое государство, способное только поддерживать буржуазию и давить пролетариат!

Это произведение перешло в общественное достояние.

- Произведение написано автором, умершим более семидесяти лет назад, и опубликовано прижизненно, либо посмертно, но с момента публикации также прошло более семидесяти лет.

Источник — [https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=Что_такое_«друзья_народа»_и_как_они_воюют_против_социал-демократов%3F_\(Ленин\)/I&oldid=545678](https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=Что_такое_«друзья_народа»_и_как_они_воюют_против_социал-демократов%3F_(Ленин)/I&oldid=545678)»

Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ленин)/I/1

Материал из Викитеки — свободной библиотеки

< [Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? \(Ленин\)](#) | [I](#)

Перейти к: [навигация](#), [поиск](#)

← **Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи [Выпуск «Русского богатства» против марксистов](#))** — От издателей ^[1]

[К предлагаемому изданию](#) →

[I](#) автор [В.И.Ленин](#)

Дата создания: 1894 г., опубл.: в 1894 г. на гектографе. Источник: *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений в пятидесяти пяти томах. — издание пятое. — М.: Издательство политической литературы, 1967. — Т. 1. 1893 ~ 1894. — С. 204

От издателей

В тексте статьи читатель найдет сноски с указанием на дальнейший разбор некоторых вопросов, тогда как на самом деле этого разбора нет.

Причина этого лежит в том, что предлагаемая статья составляет только первую часть ответа на статьи «Русского Богатства» о марксизме. Крайний недостаток времени помешал своевременному выходу этой статьи, между тем как медлить далее мы не считаем возможным: мы и так опоздали на 2 месяца. Вот почему мы решаемся выпустить пока разбор «критики» г. [Н. Михайловского](#), не дожидаясь окончания печатания всей статьи.

В готовящихся 2-м и 3-ем изданиях читатель найдет, помимо предлагаемого разбора, также и разбор общественно-экономических воззрений других главарей «Русского Богатства», гг. [С. Южакова](#) и [С. Кривенко](#), в связи с очерком экономической действительности России и вытекающими отсюда «идеями и тактикой социал-демократов».

Примечания

- ^[1] послесловие к первому изданию первого выпуска работы В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»

Это произведение перешло в общественное достояние.

- Произведение написано автором, умершим более семидесяти лет назад, и опубликовано прижизненно, либо посмертно, но с момента публикации также прошло более семидесяти лет.

Источник — [https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=Что_такое_«друзья_народа»_и_как_они_воюют_против_социал-демократов%3F_\(Ленин\)/I/1&oldid=545679](https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=Что_такое_«друзья_народа»_и_как_они_воюют_против_социал-демократов%3F_(Ленин)/I/1&oldid=545679)

Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ленин)/I/2

Материал из Викитеки — свободной библиотеки

< [Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? \(Ленин\)](#) | [I](#)

Перейти к: [навигация](#), [поиск](#)

← [От издателей](#) **Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского богатства» против марксистов)** — К предлагаемому изданию ^[1] [Выпуск III](#) →
автор В.И. Ленин

Дата создания: июль 1894 г., опубли.: в 1894 г. на гектографе. Источник: *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений в пятидесяти пяти томах. — издание пятое. — М.: Издательство политической литературы, 1967. — Т. 1. 1893 ~ 1894. — С. 204

К предлагаемому изданию

Предлагаемое издание представляет точное воспроизведение первого. Непричастные совершенно к делу составления текста, мы не считали себя вправе подвергнуть его каким-нибудь изменениям и ограничились только издательской работой. Мотивом, побудившим нас предпринять эту работу, была уверенность в том, что предлагаемое сочинение послужит к некоторому оживлению нашей социал-демократической пропаганды.

Полагая, что готовность служить делу этой пропаганды должна быть непременным следствием социал-демократических убеждений, мы обращаемся ко всем единомышленникам автора предлагаемой брошюры с предложением содействовать всеми средствами (особенно, конечно, переизданием) возможно более широкому распространению как предлагаемого сочинения, так и всех вообще органов марксистской пропаганды. Настоящий момент особенно удобен для такого содействия. Деятельность «Русского Богатства» принимает по отношению к нам все более и более вызывающий характер. В своем стремлении парализовать распространение в обществе социал-демократических идей журнал дошел до прямого обвинения нас в равнодушии к интересам пролетариата и в настаивании на разорении масс. Сеем думать, что такими приемами журнал только вредит себе и подготавливает нашу победу. Однако не следует забывать, что клеветники располагают всеми материальными средствами для самой широкой пропаганды своих клевет. В их распоряжении несколько тысяч экземпляров журнала, к их услугам читальни и библиотеки. Поэтому, чтобы доказать нашим врагам, что и выгоды привилегированного положения не всегда обеспечивают успех инсинуаций, мы должны приложить все наши усилия. Выражаем полную уверенность, что эти усилия найдутся.

Июль 1894.

Примечания

- ^[1] послесловие ко второму изданию первого выпуска работы «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», написанное в июле 1894 года

Это произведение перешло в общественное достояние.

- Произведение написано автором, умершим более семидесяти лет назад, и опубликовано прижизненно, либо посмертно, но с момента публикации также прошло более семидесяти лет.

Источник — [https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=Что_такое_«друзья_народа»_и_как_они_воюют_против_социал-демократов%3F_\(Ленин\)/I/2&oldid=411969](https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=Что_такое_«друзья_народа»_и_как_они_воюют_против_социал-демократов%3F_(Ленин)/I/2&oldid=411969)

Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ленин)/Ш

Материал из Викитеки — свободной библиотеки

< [Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? \(Ленин\)](#)

Перейти к: [навигация](#), [поиск](#)

← [К предлагаемому изданию](#) **Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского богатства» против марксистов)** — Выпуск III
автор *[В.И. Ленин](#)*

[Приложение I](#) →

Дата создания: 1894 г., опублик.: в 1894 г. на гектографе. Источник: *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений в пятидесяти пяти томах. — издание пятое. — М.: Издательство политической литературы, 1967. — Т. 1. 1893 ~ 1894. — С. 207—312

Выпуск III

В заключение познакомимся еще с одним «другом народа», г. [Кривенко](#), выступающим тоже на прямую войну с социал-демократами.

Впрочем, мы не будем разбирать его статьи («По поводу культурных одиночек» — в № 12 за 1893 г. и «Письма с дороги» в № 1 за 1894 г.) так, как делали это по отношению к г. [Михайловскому](#) и [Южакову](#). Там разбор их статей целиком был необходим, чтобы ясно представить себе в первом случае — содержание их возражений против материализма и марксизма вообще; во втором — их политико-экономические теории. Теперь нам предстоит ознакомиться, чтобы составить себе полное представление о «друзьях народа», с их тактикой, с их практическими предложениями, с их политической программой. Эта программа нигде не изложена у них прямо, с такой же последовательностью и полнотой, как воззрения теоретические. Поэтому я вынужден брать эту программу из разных статей журнала, отличающегося достаточной солидарностью своих сотрудников, чтобы не встречать противоречий. Вышеупомянутых статей г. Кривенко я буду держаться лишь предпочтительно перед другими как потому, что они больше дают материала, так и потому, что автор их является таким же типичным для журнала практиком, политиком, как г. Михайловский — социологом и г. Южаков — экономистом.

Однако, прежде чем переходить к их программе, безусловно необходимым представляется остановиться еще на одном теоретическом пункте. Выше мы видели, как г. Южаков отделялся ничего не говорящими фразами о народной аренде, поддерживающей народное хозяйство, и т. п., прикрывая ими свое непонимание экономики наших земледельцев. Промыслов он не коснулся, ограничившись данными о росте крупной фабрично-заводской промышленности. Теперь г. Кривенко повторяет совершенно подобные фразы о кустарных промыслах. Он прямо противопоставляет «нашу народную промышленность», т. е. кустарную — промышленности капиталистической (№ 12, с. 180—181). «Народное производство (sic!), — говорит он, — в большинстве случаев возникает естественно», а капиталистическая промышленность «создается сплошь и рядом искусственно». В другом месте он противопоставляет «мелкую народную промышленность» — «крупной, капиталистической». Если вы спросите, в чем же состоит особенность первой, — то узнаете только, что она «мелкая»^[1] и что орудия труда соединены с производителем (заимствую это последнее определение из вышеупомянутой статьи г. Михайловского). Но ведь это далеко еще не определяет ее экономической организации, да и потом — это совершенно неверно. Г. Кривенко говорит, например, что «мелкая народная промышленность и до сих пор еще дает гораздо большую сумму валового производства и занимает больше рук, чем промышленность крупная капиталистическая». Автор имеет в виду, очевидно, данные о числе кустарей, доходящем до 4 млн, а по другому счету до 7 млн. Но кто же не знает, что преобладающей формой экономики наших кустарных промыслов является домашняя система крупного производства? что масса кустарей занимает никак не самостоятельное, а совершенно зависимое, подчиненное положение в производстве, работает не из своего материала, а из материала купца, который платит кустарю только заработную плату? Данные о преобладании этой формы приводились ведь и в легальной даже литературе. Сошлюсь, например, на превосходную работу известного статистика [С. Харизоменова](#) в «[Юридическом Вестнике](#)» (1883 г., № 11 и 12). Сводя имеющиеся в литературе данные о наших кустарных промыслах в центральных губерниях, где они наиболее развиты, С. Харизоменов пришел к выводу о безусловном преобладании домашней системы крупного производства, т. е. несомненно капиталистической формы промышленности. «Определяя экономическую роль мелкой самостоятельной промышленности, — говорит он, — мы приходим к таким выводам: в Московской губ. 86,5 % годовых оборотов кустарной промышленности дает домашняя система крупного производства и только 13,5 % принадлежит мелкой самостоятельной промышленности. В Александровском и Покровском уездах Владимирской губернии 96 % годовых оборотов кустарной промышленности падает на долю домашней системы крупного производства и мануфактуры, и только 4 % дает мелкая самостоятельная промышленность».

Данных этих никто, насколько известно, не пробовал опровергнуть, да и нельзя их опровергнуть. Как же можно обходить и замалчивать эти факты, называть такую промышленность в противоположность капиталистической — «народной» и толковать о возможности развития из нее настоящей?

Объяснение этому прямому игнорированию фактов только и может быть одно: общая тенденция «друзей народа», как и всех российских либералов, замазывать антагонизм классов и эксплуатацию трудящегося в России, представляя все это в виде простых только «дефектов». А может быть, впрочем, причина лежит вдобавок и в таких глубоких познаниях о предмете, которые выказывает, например, г. Кривенко, называя «павловское ножовое производство» — «производством полуремесленного характера». Это феноменально, до какой степени доходит искажение дела у «друзей народа!» Как можно тут толковать о ремесленном характере, когда павловские ножовальщики работают на рынок, а не на заказ? Разве не относит ли г. Кривенко к ремеслу такие порядки, когда купец заказывает кустарю изделия, чтобы отправить их на Нижегородскую ярмарку? Это уж слишком забавно, но должно быть, что это так.

На самом деле производство ножа всего менее (сравнительно с другими павловскими производствами) сохранило мелкую кустарную форму с (кажущейся) самостоятельностью производителей: «Производство столового и ремесленного ножа^[2], — говорит [Н. Ф. Анненский](#), — уже в значительной степени приближается к фабричному или, правильнее, мануфактурному». Из занятых столовым ножом кустарей в Нижегородской губернии 396-ти человек — на базар работают только 62 (16 %), на хозяина^[3] — 273 (69 %) и в наемных рабочих — 61 (15 %). Следовательно, только 1/6 кустарей не порабощена прямо предпринимателю. Что касается до другого подразделения ножового

производства — производства складного (перочинного) ножа, — то оно, по словам того же автора, — «занимает промежуточное место между столовым ножом и замком: большая часть мастеров здесь работает уже на хозяина, но наряду с ними есть еще довольно много самостоятельных кустарей, имеющих дело с рынком».

Всего этот сорт ножа работают 2552 кустаря в Нижегородской губернии, из которых на базар работают 48 % (1236), на хозяина — 42 % (1058) и в наемных рабочих 10 % (258). И здесь, следовательно, самостоятельные (?) кустари в меньшинстве. Да и самостоятельны, конечно, работающие на базар только по виду, а на деле они не менее порабощены *капиталу* скупщиков. Если мы возьмем данные о промыслах всего Горбатовского уезда Нижегородской губернии, в котором промыслами занято 21983 работника, т. е. 84,5 % *всех наличных работников*^[4], то получим следующие данные (точные данные об экономике промысла имеются лишь о 10 808 рабочих — в промыслах: металлическом, кожевенном, шорном, валяльном, пенькопрядильном): 35,6 % кустарей работают на базар; 46,7 % — на хозяина и 17,7 % — состоят в наемниках. Таким образом, *мы видим и здесь преобладание домашней системы крупного производства, преобладание таких отношений, когда труд порабощен капиталу*.

Если «друзья народа» так свободно обходят подобного рода факты, то это происходит еще потому, что в своем понимании капитализма они не ушли дальше обыденных вульгарных представлений — капиталист = богатый и образованный предприниматель, ведущий крупное машинное хозяйство, — и не хотят знать научного содержания этого понятия. Мы в предыдущей главе видели, как г. Южаков прямо начинал капитализм с машинной индустрии, минуя простую кооперацию и мануфактуру. Это — общераспространенная ошибка, ведущая, между прочим, и к тому, что игнорируют капиталистическую организацию наших кустарных промыслов.

Разумеется, домашняя система крупного производства — капиталистическая форма промышленности: мы имеем здесь налицо все ее признаки — товарное хозяйство на высокой уже ступени развития, концентрация средств производства в руках отдельных личностей, экспроприация массы рабочих, которые не имеют своих средств производства и потому прилагают труд к чужим, работают не на себя, а на капиталиста. Очевидно, по организации промысла это — чистый капитализм; особенность его сравнительно с крупной машинной индустрией — техническая неразвитость (объясняется главным образом безобразно низкой заработной платой) и сохранение рабочими крохотного земельного хозяйства. Это последнее обстоятельство особенно смущает «друзей народа», привыкших мыслить, как и подобает истым метафизикам, голыми непосредственными противоречиями: «да, да — нет, нет, а что сверх того, то от лукавого».

Безземельные рабочие — капитализм; владеют землей — нет капитализма; и они ограничиваются этой успокоительной философией, опуская из виду всю общественную организацию хозяйства, забывая тот общеизвестный факт, что владение землей нимало не устраняет скотской нищеты этих землевладельцев, подвергающихся самому бесстыдному грабежу со стороны других таких же землевладельцев — «крестьян».

Они и не знают, кажется, что капитализм нигде не в состоянии был — находясь на низких сравнительно ступенях развития — оторвать совершенно рабочего от земли. По отношению к Западной Европе Маркс установил тот закон, что только крупная машинная индустрия окончательно экспроприрует рабочего. Понятно поэтому, что ходячие рассуждения об отсутствии у нас капитализма, аргументирующие тем, что «народ владеет землей», — лишены всякого смысла, потому что капитализм простой кооперации и мануфактуры нигде и никогда не был связан с полным отлучением работника от земли, нисколько не переставая, разумеется, от этого быть капитализмом.

Что же касается до крупной машинной индустрии в России — а эту форму быстро принимают наиболее крупные и важные отрасли нашей промышленности — то и у нас, при всей нашей самобытности, она обладает таким же свойством, как и на всем остальном капиталистическом Западе, она абсолютно уже не мирится с сохранением связи рабочего с землей. Факт этот доказал, между прочим, Деметьев точными статистическими данными, из которых он (совершенно независимо от Маркса) сделал тот вывод, что механическое производство неразрывно связано с полным отлучением работника от земли. Исследование это еще раз доказало, что Россия — страна капиталистическая, что в ней связь трудящегося с землей так слаба и призрачна, могущество имущего (владельца денег, скупщика, крестьянского богатея, мануфактуриста и пр.) так уже прочно, что достаточно еще одного шага техники — и «крестьянин» (?? живущий давным-давно продажей рабочей силы) превращается в чистого рабочего^[5]. Непонимание «друзьями народа» экономической организации наших кустарных промыслов далеко не ограничивается, однако, этим. Представление их даже и о тех промыслах, где нет работы «на хозяина», так же поверхностно, как и представление о земледельце (что уже мы видели выше). Это, впрочем, и вполне естественно, когда берутся судить и рядить о политико-экономических вопросах господ, только, кажется, и знающие, что есть на свете средства производства, которые «могут» быть соединены с трудящимся, — и это очень хорошо; а «могут» быть и отделены от него — и это очень плохо. На этом не далеко уедешь.

Рассуждая о промыслах, которые капитализуются и которые не капитализуются (где «свободно может существовать мелкое производство»), г. Кривенко указывает, между прочим, на то, что в некоторых производствах «основные затраты на производство» очень незначительны и где потому возможно мелкое производство. В пример приводит он кирпичное производство, стоимость затрат на которое может-де быть в 15 раз меньше годового оборота заводов.

Так как это чуть ли не единственное фактическое указание автора (это, повторяю, самая характерная черта субъективной социологии, что она боится прямо и точно характеризовать и анализировать действительность, воспаря предпочтительно в сферу «идеалов»... мещанства), — то мы его и возьмем, чтобы показать, насколько неверны представления «друзей народа» о действительности.

Описание кирпичного промысла (выделка кирпича из белой глины) имеем в хозяйственной статистике московского земства («Сборник», т. VII, вып. I, часть 2 и т. д.). Промысел сосредоточен главным образом в 3-х волостях Богородского уезда, где находится 233 заведения с 1402 рабочими (567 семейных^[6] = 41 % и 835 наемных — 59 %) и с суммой годового производства в 357000 рублей. Промысел возник давно, но особенно развился в последние 15 лет, благодаря проведению железной дороги, значительно облегчившей сбыт. До проведения железной дороги главную роль играла семейная форма производства, уступающая теперь эксплуатации наемного труда. Этот промысел тоже не свободен от зависимости мелких промышленников от крупных по сбыту: вследствие «недостатка денежных средств» первые продают последний кирпич на месте (иногда «сырцом» — не обожженный) по страшно пониженным ценам.

Однако мы имеем возможность познакомиться с организацией промысла помимо этой зависимости благодаря приложенной к очерку подворной переписи кустарей, — где указано число рабочих и сумма годового производства для каждого заведения.

Чтобы проследить, применим ли к этому промыслу тот закон, что товарное хозяйство есть капиталистическое хозяйство, т. е. неизбежно

перерождается в него на известной ступени развития, мы должны сравнить заведения по величине их: вопрос состоит именно в взаимоотношении мелких и крупных заведений по роли в производстве, по эксплуатации наемного труда. Взяв за основание число рабочих, делим заведения кустарей на три группы: I) заведения, имеющие от 1—5 рабочих (и семейных и наемных вместе); II) имеющие от 6—10 рабочих и III) имеющие свыше 10 рабочих.

Прослеживая величину заведений, состав рабочих и сумму производства в каждой группе, получаем такие данные:

Группы кустарей по числу рабочих	Среднее число рабочих на 1 завод.	Проц. Завед. с наемн. рабоч.	Наемн. рабоч.	Годов, производство 1 рабоч.	Процентное распределение			Абсолютные цифры		
					Заведений	Рабочих	Суммы производ.	Число заведений ^[7]	Число рабочих	Суммы производства (руб.)
I. Им. 1—5 рабоч.	2,8	25	19	251	72	34	34	167/43	476/92	119 500
II. » 6—10 »	7,3	90	58	249	18	23	22	43/39	317/186	79 000
III. » бол. 10 »	26,4	100	91	260	10	43	44	23/23	609/557	158 500
<i>Итого</i>	6	45	59	254	100	100	100	233/105	1 402/835	357 000

Всмотритесь в эту табличку и вы увидите буржуазную или, что то же, капиталистическую организацию промысла: по мере того, как заведения становятся крупнее, повышается производительность труда^[8] (средняя группа представляет исключение), усиливается эксплуатация наемного труда^[9], увеличивается концентрация производства^[10].

Третья группа, которая почти всецело основывает свое хозяйство на наемном труде, держит в своих руках — при 10 % всего числа заведений — 44 % общей суммы производства.

Эта концентрация средств производства в руках меньшинства, связанная с экспроприацией большинства (наемные рабочие), и объясняет нам как зависимость мелких производителей от скупщиков (крупные промышленники и являются скупщиками), так и угнетение труда в этом промысле. Мы видим, следовательно, что *причина* экспроприации трудящегося и эксплуатации его лежит в самих производственных отношениях.

Русские социалисты-народники, как известно, держались противного мнения, усматривая причину угнетения труда в кустарных промыслах не в производственных отношениях (которые объявлялись построенными на таком начале, которое исключает эксплуатацию), а вне их — в политике, именно в политике аграрной, платежной и т. д. Спрашивается, на чем держалось и держится это мнение, которое приобрело теперь почти уже прочность предрассудка? Не на том ли, что господствовало *иное* представление о производственных отношениях в кустарных промыслах? Совсем нет. Оно держится только благодаря отсутствию какой бы то ни было попытки *точно и определенно охарактеризовать данные, действительные формы экономической организации*; оно держится лишь благодаря тому, что не выделяют особо производственные отношения и не подвергают их самостоятельному анализу. Одним словом, оно держится лишь по непониманию единственно научного метода общественной науки, именно — материалистического метода. Понятен теперь и ход рассуждений старых наших социалистов. По отношению к кустарным промыслам они относят причину эксплуатации к явлениям, лежащим *вне* производственных отношений; по отношению к капитализму крупному, фабрично-заводскому они не могли не видеть, что *там* — причина эксплуатации лежит именно в производственных отношениях. Получалась непримиримая противоположность, несоответствие, оказывалось непонятным, откуда мог вырасти этот крупный капитализм, — когда в производственных отношениях (которые и не рассматривались!) кустарных промыслов нет ничего капиталистического. Вывод естественный: не понимая связи кустарной и капиталистической промышленности, противопологают первую последней, как «народную» — «искусственную». Появляется идея о противоречии капитализма нашему «народному строю», — идея, имеющая такое широкое распространение и недавно еще в подновленном и улучшенном издании преподнесенная русской публике г. Николаем — оном. Держится такая идея лишь по ругине, — несмотря на всю ее феноменальную нелогичность: о фабрично-заводском капитализме составляют представление по тому, что он действительно есть, а о кустарной промышленности по тому, чем она «может быть»; о первом — по анализу производственных отношений, — о вторых — и не пытаясь рассмотреть отдельно производственные отношения и прямо перенося дело в область политики. Стоит обратиться к анализу этих производственных отношений, и мы увидим, что «народный строй» представляет из себя те же капиталистические производственные отношения, хотя бы и в неразвитом, зародышевом состоянии, — что если отказаться от наивного предрассудка считать всех кустарей равными друг другу и выразить точно различия в среде их, — то разница между «капиталистом» фабрики и завода и «кустарем» окажется подчас меньше разницы между одним и другим «кустарем», — что *капитализм представляет из себя не противоречие «народному строю», а прямое, ближайшее и непосредственное продолжение и развитие его.*

Может быть, впрочем, найдут неподходящим взятый пример? скажут, что в данном случае вообще слишком велик^[11] процент наемных рабочих? Но дело в том, что важны тут совсем не абсолютные цифры, а *отношения*, вскрываемые ими, отношения, по сущности своей буржуазные и не перестающие быть таковыми ни при сильно выраженной буржуазности, ни при выраженной слабо.

Если угодно, возьму другой пример — нарочно с слабой буржуазностью — возьму (из книги г. Исаева о промыслах Московской губернии) промысел горшечный, «чисто домашний промысел», по словам г-на профессора. Этот промысел, конечно, может служить представителем мелких крестьянских промыслов: техника самая простая, приспособления самые незначительные, производство дает предметы повсеместного и необходимого обихода. И вот, благодаря подворной переписи кустарей с теми же данными, как и в предыдущем случае, мы имеем возможность изучить экономическую организацию и этого промысла, несомненно уже вполне типичного для всей громадной массы русских мелких, «народных» промыслов. Делим кустарей на группы — I) имеющие от 1—3 рабочих (и семейных и наемных вместе); II) имеющие 4—5 рабочих; III) имеющие более 5 рабочих — и приводим те же расчеты:

Группы кустарей по числу рабочих	Среднее число рабочих на 1 завод.	Проц. Завед. с наемн. рабоч.	Наемн. рабоч.	Годов, производство 1 рабоч.	Процентное распределение			Абсолютные цифры		
					Заведений	Рабочих	Суммы производ.	Число заведений	Число рабочих	Суммы производства (руб.)
I. Им. 1—3 рабоч.	2,4	39	19	468	60	38	36	72/28	174/33	81 500
II. » 4—5 »	4,3	48	20	498	27	32	32	33/16	144/29	71 800
III. » бол. 5 »	8,4	100	65	533	13	30	32	16/16	134/87	71 500
<i>Итого</i>	3,7	49	33	497	100	100	100	121/60	452/149	224 800

Очевидно, *отношения* и в этом промысле — а таких примеров можно бы привести сколько угодно — оказываются буржуазными: мы видим то же разложение на почве товарного хозяйства и притом разложение специфически капиталистическое, приводящее к эксплуатации наемного труда, играющей уже главную роль в высшей группе, сосредоточившей при 1/8 части всех заведений и при 30 % рабочих — почти 1/3 всего производства при значительно высшей сравнительно с средней производительностью труда. Одни уже эти производственные отношения объясняют нам появление и силу скупщиков. Мы видим, как у меньшинства, владеющего более крупными и более доходными заведениями и получающего «чистый» доход от чужого труда (в высшей группе горшечников на 1 заведение приходится 5,5 наемных рабочих), — скапливаются «сбережения», тогда как большинство разоряется, и даже мелкие хозяева (не говоря уже о наемных рабочих) не в состоянии свести концов с концами. Понятно и неизбежно, что последние будут в порабощении у первых, — неизбежно именно вследствие капиталистического характера данных производственных отношений. Эти отношения состоят в том, что продукт общественного труда, организованного товарным хозяйством, достается в руки частных лиц и в их руках служит орудием угнетения и порабощения трудящегося, средством к личному обогащению на счет эксплуатации массы. И не думайте, что эта эксплуатация, это угнетение выражаются слабее оттого, что такой характер отношений развит еще слабо, что накопление *капитала*, идущее рядом с разорением производителей, ничтожно. Совсем напротив. Это ведет только к более грубым, крепостническим формам эксплуатации, ведет к тому, что капитал, не будучи еще в состоянии прямо подчинить себе рабочего простой покупкой его рабочей силы по ее стоимости, опутывает трудящегося целой сетью ростовщических прижимок, привязывает его к себе кулачскими приемами и в результате грабит у него не только сверхстоимость, а и громадные части заработной платы, да притом еще забивает его, отнимая возможность переменить «хозяина», издевается над ним, обязывая считать благодеянием то, что он «дает» (sic!) ему работу. — Понятно, что ни один рабочий никогда не согласился бы переменить свое положение на положение русского «самостоятельного» кустаря в «настоящей», «народной» промышленности. Понятно также, что все мероприятия, излюбленные российскими радикалами, либо нимало не затронут эксплуатации трудящегося и порабощения его капиталом, оставаясь единичными экспериментами (артели), либо ухудшат положение трудящихся (неотчуждаемость наделов), либо, наконец, только очистят, разовьют и упрочат данные капиталистические отношения (улучшение техники, кредиты и т. п.).

«Друзья народа», впрочем, никогда не смогут вместить того, чтобы в крестьянском промысле, при общей его мизерности, при ничтожной сравнительно величине заведений и крайне низкой производительности труда, при первобытной технике и небольшом числе наемных рабочих был *капитализм*. Они никак не в состоянии вместить, что *капитал* — это известное отношение между людьми, отношение, остающееся таковым же и при большей и при меньшей степени развития сравниваемых категорий. Буржуазные экономисты никогда не могли понять этого: они всегда возражали против такого определения капитала. Помнится, в «Русской Мысли» один из них, говоря о книге [Зибера](#) (о теории Маркса), привел это определение (капитал — отношение), ставил восклицательные знаки и негодовал.

Это — самая характерная черта буржуазных философов — принимать категории буржуазного режима за вечные и естественные; поэтому они и для капитала берут такие определения, как, например, накопленный труд, служащий для дальнейшего производства, — т. е. определяют его как вечную для человеческого общества категорию, замазывая таким образом ту особую, исторически определенную экономическую формацию, когда этот *накопленный труд*, организованный товарным хозяйством, попадает в руки того, кто не трудился, и служит для эксплуатации чужого труда. Поэтому и получается у них, вместо анализа и изучения определенной системы производственных отношений, — ряд банальностей, приложимых ко всяким порядкам, вперемежку с сентиментальной водичей мещанской морали.

Вот теперь и смотрите, — почему называют «друзья народа» эту промышленность «народной», почему противопоставляют ее капиталистической? Только потому, что эти господа — идеологи мещанства и не в состоянии себе даже представить того, что эти мелкие производители живут и хозяйничают при системе товарного хозяйства (почему я их и называю мещанами) и что их отношения к рынку необходимо и неизбежно раскалывают их на буржуазию и пролетариат. Попробовали бы вы изучить действительную организацию наших «народных» промыслов, вместо того, чтобы фразерствовать о том, что «может» из них выйти, — и мы посмотрели бы, сумели ли бы вы *найти в России такую мало-мальски развитую отрасль кустарной промышленности, которая бы не была организована капиталистически*.

А если вы не согласны с тем, что признаками, необходимыми и достаточными для этого понятия, являются монополизация средств производства в руках меньшинства, освобождение от них большинства и эксплуатация наемного труда (говоря общее, — присвоение частными лицами продукта общественного труда, организованного товарным хозяйством, — вот в чем суть капитализма), — тогда потрудитесь дать «свое» определение капитализма и «свою» историю его.

На деле организация наших кустарных «народных» промыслов дает превосходную иллюстрацию к общей истории развития капитализма. Она показывает нам наглядно возникновение, зародыш его, например, в форме простой кооперации (высшая группа в горшечном промысле), показывает далее, как скапливающиеся в руках отдельных личностей — благодаря товарному хозяйству — «сбережения» становятся *капиталом*, монополизировав сначала сбыт («скупщики» и торговцы) вследствие того, что только у владельцев этих «сбережений» есть необходимые для оптовой продажи средства, позволяющие выждать реализации товаров на далеких рынках; как далее этот торговый капитал порабощает себе массу производителей и организует капиталистическую мануфактуру, капиталистическую домашнюю систему крупного производства; как, наконец, расширение рынка, усиление конкуренции приводит к повышению техники, как этот торговый капитал становится индустриальным и организует крупное машинное производство. И когда этот капитал, окрепши и поработивши себе миллионы трудящихся, целые районы, — начинает прямо уже и без стеснения давить на правительство, обращая его в своего лакея, — тогда наши остроумные «друзья народа» поднимают вопли о «насаждении капитализма», об «искусственном создании» его!

Нечего сказать, вовремя спохватились!

Таким образом, г. Кривенко своими фразами о народной, настоящей, правильной и т. п. промышленности просто-напросто попытался замазать тот факт, что наши кустарные промыслы представляют из себя то же самое капитализм на разных ступенях его развития. С приемами этими мы достаточно познакомились уже у г. Южакова, который вместо изучения крестьянской реформы — говорил фразы об основной цели знаменательного манифеста и т. п., вместо изучения аренды — называл ее народной, вместо изучения того, как складывается внутренний рынок капитализма, — философствовал о неминуемой гибели его по неимению рынков, и т. д.

Чтобы показать, до какой степени извращают факты гг. «друзья народа», остановлюсь еще на одном примере^[12]. Наши субъективные философы так редко дарят нас точными указаниями на факты, что было бы несправедливо обойти одно из этих, наиболее точных у них, указаний, — именно ссылку г-на Кривенко (№ 1 за 1894 г.) на воронежские крестьянские бюджеты. Мы можем тут, на примере ими же выбранных данных, наглядно убедиться, чье представление о действительности более правильно, русских ли радикалов и «друзей народа» или русских социал-демократов.

Статистик воронежского земства, г. Щербина, дает в приложении к своему описанию крестьянского хозяйства в Острогожском уезде 24 бюджета типичных крестьянских хозяйств и в тексте разрабатывает их^[13].

Г-н Кривенко воспроизводит эту разработку, не видя, или, вернее, не желая видеть, что приемы ее совершенно не пригодны для того, чтобы составить представление об экономике наших земледельцев-крестьян. Дело в том, что эти 24 бюджета описывают совершенно различные хозяйства — и зажиточные, и средние, и бедные, на что указывает и сам г. Кривенко (стр. 159), причем, однако, он, подобно г. Щербине, оперирует просто над *средними* цифрами, соединяющими вместе различнейшие типы хозяев, и таким образом прикрывает совершенно их разложение. А разложение нашего мелкого производителя — такой всеобщий, такой крупный факт (на который давно уже обращают внимание русских социалистов социал-демократы. См. произведения Плеханова), что он совершенно ясно обрисовывается даже на таком небольшом числе данных, какое выбрал г. Кривенко. Вместо того, чтобы, говоря о *хозяйстве* крестьян, разделить их на разряды по величине их хозяйства, по типу ведения хозяйства, — он делит их так же, как и г. Щербина, на юридические разряды крестьян бывших государственных и бывших помещичьих, обращая все внимание на большую зажиточность первых сравнительно с последними, и упускает из виду, что различия между крестьянами внутри этих разрядов гораздо больше, чем различия по разрядам^[14]. Чтобы доказать это, разделяю эти 24 бюджета на три группы: а) особо выделяю 6 зажиточных крестьян, затем б) 11 среднесостоятельных (№ 7—10, 16—22 у Щербины) и в) 7 бедных (№ 11—15, 23—24 бюджетов в таблице Щербины). Г-н Кривенко говорит, например, что расход на 1 хозяйство у бывших государственных крестьян составляет 541,3 руб., а у бывших помещичьих — 417,7 руб. При этом он упускает из виду, что расход этот далеко не одинаков у разных крестьян: у бывших государственных есть, например, крестьянин с расходом в 84,7 руб. и с расходом *вдесятеро большим* — 887,4 рубля (если даже опустить немца-колониста с расходом в 1456,2 руб.). Какой смысл может иметь средняя, выведенная из сложения таких величин? Если мы возьмем приведенное мною деление по разрядам, то получим, что у зажиточного расход на 1 хозяйство в среднем дает 855,86 руб., у среднего — 471,61 руб., а у бедного — 223,78 руб.^[15]

Различие оказывается в отношении примерно 4:2:1.

Пойдем дальше. Г. Кривенко, следуя Щербине, приводит величину расхода на личные потребности в разных юридических разрядах крестьянства: у бывших государственных, например, расход на растительную пищу составляет в год на 1 едока — 13,4 руб., а у бывших помещичьих — 12,2 руб. Между тем по экономическим разрядам цифры дают: а) 17,7; б) 14,5 и в) 13,1. Расход на мясную и молочную пищу на 1 едока — у бывших помещичьих — 5,2 руб.; у бывших государственных — 7,7 руб. По разрядам: 11,7—5,8—3,6. Очевидно, что счет по юридическим разрядам только прикрывает громадные различия и ничего больше. Очевидно, поэтому, что он никуда не годится. Доход у бывших государственных крестьян больше, чем у бывших помещичьих, на 53,7 % — говорит г. Кривенко: в общем среднем — 539 руб. (из 24 бюджетов), а по этим разрядам — 600 руб. с лишним и около 400 руб. Между тем по состоятельности доход таков: а) 1053,2 руб.; б) 473,8 руб.; в) 202,4 руб., — т. е. колебания не от 3 : 2, а от 10 : 2.

«Капитальная стоимость крестьянских хозяйств у бывших государственных крестьян — 1060 руб., а у бывших помещичьих — 635 руб.», — говорит г. Кривенко. А по разрядам^[16]: а) 1737,91 руб.; б) 786,42 руб. и в) 363,38 руб. — колебания опять не от 3 : 2, а от 10 : 2. Своим разделением *крестьянства* на юридические разряды автор отнял у себя возможность составить правильное представление об экономике этого крестьянства.

Если мы посмотрим на хозяйства разных типов крестьян по состоятельности, то увидим, что зажиточные семьи имеют в среднем 1053,2 руб. дохода и 855,86 руб. расхода, т. е. имеют чистого дохода 197,34 руб. Средняя семья имеет дохода — 473,8 руб., расхода — 471,61 руб. — т. е. чистый доход 2,19 руб. на хозяйство (это еще не считая кредита и недоимки) — очевидно, она едва сводит концы с концами: из 11 хозяйств 5 имеют дефицит. Низшая, бедная группа ведет хозяйство прямо в убыток: при доходе — 202,4 руб. расход — 223,78 руб., т. е. дефицит 21,38 руб.^[17] Очевидно, что если мы соединим эти хозяйства вместе и возьмем общую среднюю (чистый доход — 44,11 руб.), мы совершенно исказим действительность. Мы обойдем тогда (как обошел г. Кривенко) тот факт, что получающие чистый доход зажиточные крестьяне все шестеро держат батраков (8 человек) — факт, поясняющий нам характер их земледельческого хозяйства (переходит в фермера), дающего им чистый доход и избавляющего почти совершенно от необходимости прибегать к «промыслам». Эти хозяева (все вместе) покрывают промыслами только 6,5 % своего бюджета (412 руб. из 6319,5), причем промыслы эти — по одному указанию г. Щербины — таковы, как «извоз» или даже «скупка овец», т. е. не только не свидетельствующие о зависимости, а, напротив, предполагающие эксплуатацию других (именно в последнем случае: скопленные «сбережения» превращаются в торговый *капитал*). У этих хозяев 4 промышленных заведения, дающие им 320 руб. (5 %) дохода^[18].

Иной тип хозяйства у средних крестьян: они, как мы видели, едва ли могут свести концы с концами. Земледелие не покрывает их нужд, и 19 % дохода дают так называемые промыслы. Какого сорта эти промыслы, — мы узнаем из статьи г. Щербины. Они указаны для 7 хозяев: только у двоих — самостоятельный промысловый труд (портняжничество и выжигание угольев), у остальных 5 — продажа рабочей силы («ходил косарем на низы», «ходит рабочим на винокурный завод», «работает поденно в страду», «ходит овчаром», «работал в местной экономии»). Это уже полукрестьяне, полурабочие. Сторонние занятия отрывают их от хозяйства и тем окончательно подрывают его.

Что касается до бедных крестьян, то у них уже земледелие прямо ведется в убыток; значение «промыслов» в бюджете еще более возрастает (они дают 24 % дохода), и промыслы эти почти всецело (за исключением одного хозяина) сводятся к продаже рабочей силы. У двоих из

числа их «промыслы» (батрачество) преобладают, давая 2/3 дохода.

Ясно отсюда, что мы имеем дело с совершенно разлагающимся мелким производителем, верхние группы которого переходят в буржуазию, низшие — в пролетариат. Понятно, что, если мы возьмем общие средние, мы ничего этого не увидим и не получим никакого представления об экономике деревни.

Только оперирование над этими фиктивными средними позволило автору такой прием. Для определения места этих типичных хозяйств в общем типе поуздного крестьянского хозяйства г. Щербина берет группировку крестьян по надельной земле, и оказывается, что взятые 24 хозяйства (в общем среднем) выше среднего хозяйства по уезду по своему благосостоянию примерно на 1/3. Расчет этот нельзя признать удовлетворительным как потому, что среди этих 24 хозяев замечаются громадные различия, так и потому, что группировка по надельной земле прикрывает разложение крестьянства: положение автора, что «надельная земля представляет коренную причину благосостояния» крестьянина, — совершенно неправильно. Всякий знает, что «уравнительное» распределение земли внутри общины нимало не мешает безлошадным членам ее забрасывать землю, сдавать ее, идти на сторону и превращаться в пролетариев, а многолошадным — приарендовывать большие количества земли и вести крупное, доходное хозяйство. Если мы возьмем, например, наши 24 бюджета, то увидим, что один богатый крестьянин, имея 6 дес. надельной земли, доходу получает всего 758,5 руб., средний — при 7,1 дес. надела — 391,5 руб. и бедный — при 6,9 дес. надела — 109,5 руб. Вообще мы видели, что отношение дохода в разных группах равняется отношению 4:2:1, тогда как отношение надельной земли будет таково: 22,1 : 9,2 : 8,5 = 2,6 : 1,08 : 1. Это совершенно понятно, потому что мы видим, например, что зажиточные крестьяне, имея по 22,1 дес. надела на двор, арендуют еще по 8,8 дес, тогда как средние, имея меньше надела (9,2 дес), арендуют меньше — 7,7 дес., а бедные, при еще меньшем наделе (8,5 дес), арендуют всего 2,8 дес.^[19] Поэтому, когда г. Кривенко говорит: «К сожалению, данные, приводимые г. Щербиною, не могут служить точным мерилем общего положения вещей не только в губернии, но даже в уезде», — то на это можно только сказать, что они не могут служить мерилем лишь в том случае, если прибегать к неправильному приему вычисления общих средних (к этому приему и не следовало г. Кривенко прибегать), а вообще говоря, данные у г. Щербины так обширны и ценны, что дают возможность сделать правильные выводы — и если г. Кривенко их не сделал, то нечего винить г. Щербину. Этот последний дает, например, на стр. 197 группировку крестьян не по надельной земле, а по рабочему скоту, т. е. группировку по признаку хозяйственному, а не юридическому, — и эта группировка дает полное право сказать, что отношения между разными разрядами 24-х взятых типических хозяйств совершенно однородны с отношениями разных экономических групп по всему уезду.

Группировка эта такова^[20]:

Острогожский уезд Воронежской губ.

Группы домохозяев по количеству рабочего скота	Число Домохозяев	%	Приходится на 1 двор			Процент дворов						
			Голов крупного скота	Земли (дес.) Надельной	Земли (дес.) арендованной	Средняя семья (душ)	С батраками	С торгово-промышлен. заведениями	Бездомных	Без работника	Не обработ. земли	Без инвентаря
I. Без рабочего скота	8 728	26,0	0,7	6,2	0,2	4,6	0,6	4,0	9,5	16,6	41,6	98,5
II. С 1 шп. раб. скота	10 510	31,3	3,0	9,4	1,3	5,7	1,4	5,4	1,4	4,9	2,9	2,5
III. С 2—3 шп. раб. скота	11 191	33,3	6,8	13,8	3,6	7,7	8,3	12,3	0,4	1,3	0,4	—
IV. С 4 и бол. шп. раб. скота	3 152	9,4	14,3	21,3	12,3	11,2	25,3	34,2	0,1	0,4	0,3	—
Всего	33 581	100,0	4,4	11,2	2,5	6,7	5,7	10,0	3,0	6,3	11,9	23,4
Из 24 типических хозяйств ^[21]	бедные		2,8	8,7	3,9	5,6						
зжиточные	средние		8,1	9,2	7,7	8,3						
зжиточные			13,5	22,1	8,8	7,8						
Всего			7,2	12,2	6,6	7,3 ^[22]						

Не подлежит никакому сомнению, что в общем и среднем 24 типические хозяйства выше поуздного типа крестьянского хозяйства. Но если мы вместо этих фиктивных средних возьмем экономические разряды, то получим возможность сравнения.

Мы видим, что батраки в типичных хозяйствах несколько ниже хозяев без рабочего скота, но очень близко подходят к ним. Бедные хозяева очень близко подходят к владельцам 1 шп. рабочего скота (если скота меньше на 0,2: — у бедных 2,8, у однолошадных 3, — то зато земли всей и надельной и арендованной несколько больше — 12,6 дес. против 10,7). Средние хозяева очень немногим выше хозяев с 2—3 шп. рабочего скота (у них скота немногим больше; земли несколько меньше), а зажиточные хозяева подходят к имеющим 4 и больше шп. рабочего скота, будучи немногим ниже их. Мы вправе, следовательно, сделать тот вывод, что всего по уезду имеется не менее 0,1 хозяев, ведущих правильное, доходное земледельческое хозяйство и не нуждающихся в сторонних заработках. (Доход этот — важно заметить — выражается в деньгах и, следовательно, предполагает торговый характер земледелия.) Ведут они хозяйство в значительной мере при помощи наемных рабочих: не менее 1/4 части дворов держат постоянных батраков, а сколько еще берут временных поденщиков — неизвестно. Затем в уезде более половины хозяев бедных (до 0,6: безлошадные и однолошадные, 26 % + 31,3 % = 57,3 %), ведущих прямо-

таки убыточное хозяйство, следовательно, разоряющихся, подвергающихся постоянной и неуклонной экспроприации. Они вынуждены продавать свою рабочую силу, причем около 1/4 части крестьян живет уже гораздо более наемным трудом, чем земледелием. Остальные крестьяне — средние, кое-как ведущие земельное хозяйство с постоянными дефицитами, с добавлением сторонних заработков, лишенные, следовательно, мало-мальской хозяйственной устойчивости.

Я нарочно с такой подробностью остановился на этих данных, чтобы показать, в каком извращенном виде представлена действительность г-ном Кривенко. Недолго думая, берет он общие средние и оперирует с ними: понятно, получается не только фикция, а прямая фальшь. Мы видели, например, что один зажиточный крестьянин (из типических бюджетов) своим чистым доходом (+ 197,34) покрывает дефициты *девяти* бедных дворов (— 21,38x9 = — 192,42), так что 10 % богатых крестьян в уезде не только покрывают дефициты 57 % бедноты, но и дадут некоторый избыток. И г. Кривенко, получая из среднего бюджета по 24 хозяйствам такой избыток в 44,14 руб. — а без кредита и недоимок 15,97 руб. — говорит поэтому просто об «упадке» хозяев средних и стоящих ниже среднего. На деле же об упадке можно говорить только разве применительно к среднему крестьянству^[23], а по отношению к массе бедноты мы видим уже прямую *экспроприацию*, сопровождающуюся притом концентрацией средств производства в руках меньшинства, владеющего сравнительно крупными и прочно стоящими хозяйствами.

Игнорирование этого последнего обстоятельства помешало автору подметить еще следующую, очень интересную черту этих бюджетов: они равным образом доказывают, что *разложение крестьянства создает внутренний рынок*. С одной стороны, от высшей группы к низшей растет значение дохода от промыслов (6,5 % — 18,8 % — 23,6 % всего бюджета у зажиточных, средних и бедных) — т. е. главным образом от продажи рабочей силы. С другой стороны, от низших групп к высшим растет товарный (даже более: *буржуазный*, как мы видели) характер земледелия, растет процент отчуждаемого хлеба: доход от земледелия по разрядам у всех хозяев: а) Знаменатель показывает денежную часть дохода^[24], составляющую 45,9 %—28,3 %—25,4 % от высшего разряда к низшему.

Мы опять-таки наглядно видим тут, как средства производства, от которых отделяются экспроприруемые крестьяне, превращаются в *капитал*.

Понятно, что г. Кривенко из использованного — или, вернее, изуродованного — таким образом материала не мог сделать правильных выводов. Описавши со слов одного новгородского крестьянина, его соседа по железнодорожному вагону, денежный характер крестьянского хозяйства тех мест, он вынужден сделать тот справедливый вывод, что именно эта обстановка, обстановка товарного хозяйства «вырабатывает» «особые способности», порождает одну заботу: «дешевле снять (сенокос)», «дороже продать» (стр. 156)^[25]. Эта обстановка служит «школой», «пробуждающей (верно!) и изоциряющей коммерческие дарования». «Открываются таланты, из которых выходят Колупаевы, Деруновы и прочих наименований живоглоты^[26], а простодушные и простоватые отстают, опускаются, разоряются и переходят в батраки» (156 стр.).

Данные по губернии, поставленной совсем в иные условия, — земледельческой (Воронежской) — приводят к таким же выводам. Казалось бы, дело довольно ясное: отчетливо обрисовывается система товарного хозяйства, как основной фон экономики страны вообще и «общинного» «крестьянства» в частности, обрисовывается и тот *факт*, что это товарное хозяйство *и именно оно* раскалывает «народ» и «крестьянство» на пролетариат (разоряются, переходят в батраки) и буржуазию (живоглоты), т. е. превращается в капиталистическое хозяйство. Но «друзья народа» никогда не решаются прямо смотреть на *действительность* и называть вещи своими именами (это слишком «сурово»)! И г. Кривенко рассуждает:

«Некоторые находят такой порядок вполне естественным (надо было добавить: вполне естественным следствием капиталистического характера производственных отношений. Тогда была бы это точная передача мнений „некоторых“, и тогда нельзя бы уже было отделяться от этих мнений пустыми фразами, а пришлось бы по существу разобрать дело. Когда автор не задавался специальной целью борьбы с „некоторыми“, он и сам должен был признать, что денежное хозяйство есть именно та „школа“, из которой выходят „талантливые“ живоглоты и „простодушные“ батраки) и усматривают в нем непреодолимую миссию капитализма. (Ну, конечно! Находить, что борьбу нужно вести именно против „школы“ и хозяйничающих в ней „живоглотов“ с их административными и интеллигентными лакеями — это значит считать капитализм непреодолимым. Зато вот оставлять в полной неприкосновенности капиталистическую „школу“ с живоглотицами и хотеть устранить либеральными полумерами ее капиталистические продукты — это значит быть истинным „другом народа“!) Мы смотрим на это несколько иначе. Капитализм несомненно играет тут значительную роль, на что мы выше и указывали (это именно вышеприведенное указание на школу живоглотов и батраков), однако нельзя сказать, чтобы роль его была такой уж всеобъемлющей и решающей, чтобы в происходящих переменах в народном хозяйстве не было других факторов, а в будущем никакого другого выхода» (стр. 160).

Вот извольте видеть! Вместо точной и прямой характеристики современного строя, вместо определенного ответа на вопрос, почему *крестьянство* раскалывается на живоглотов и батраков, — г. Кривенко отделяется ничего не говорящими фразами. «Нельзя сказать, чтобы роль капитализма была решающая». — В этом-то ведь весь и вопрос, можно это сказать или нельзя.

Чтобы защитить свое мнение, Вы должны были бы указать, какие другие причины *решают* дело, какой другой *выход* может быть, кроме того, который указывают социал-демократы, — классовой борьбы пролетариата против живоглотов^[27]. Никаких указаний, однако, не делается. Впрочем, может быть, автор именно нижеследующее принимает за указание? Как это ни забавно бы было, но от «друзей народа» всего надо ждать.

«Приходят в упадок, как мы видели, прежде всего хозяйства слабые, у которых мало земли» — именно менее 5 дес. надела. «Типичные же хозяйства государственных крестьян при 15,7 дес. надела отличаются устойчивостью... Правда, для получения такого дохода (чистого в 80 руб.) они приарендовывают еще по 5 дес, но это указывает только, что им нужно».

К чему же сводится эта «поправка», присоединяющая к капитализму пресловутое «малоземелье»? К тому, что те, кто мало имеет, и этого лишаются, а имущие (по 15,7 дес.) еще более приобретают^[28]. Да ведь это же — пустая перефразировка того положения, что одни разоряются, другие обогащаются!! Пора бы оставить эти бессодержательные фразы о малоземелье, которые ничего не объясняют (так как надельную землю крестьянам не даром дают, а продают), а только описывают процесс, да притом и описывают неточно, так как надо говорить не об одной земле, а о средствах производства вообще, и не о том, что их у крестьян «мало», а о том, что крестьяне от них *освобождаются*, что они *экспроприруются* растущим капитализмом. «Мы вовсе не хотим сказать, — заключает свою философию г.

Кривенко, — что сельское хозяйство должно и может, при всех условиях, остаться „натуральным“ и обособленным от обрабатывающей промышленности (опять фразы! да не Вы ли сейчас только вынуждены были признать наличие уже в настоящем школы денежного хозяйства, предполагающего обмен, а следовательно, обособление земледелия от обрабатывающей промышленности? К чему же опять эта размазня о возможном и должном?), а говорим только, что создавать искусственно обособленную промышленность нерационально (интересно знать, „обособлена“ ли промышленность кимряков и павловцев? и кто, как и когда „искусственно создавал“ ее?), что отделение работника от земли и орудий производства происходит под влиянием не одного только капитализма, а и других факторов, ему предшествующих и содействующих).

Тут, должно быть, опять предполагалось глубокомысленно насчет того, что если работник отделяется от земли, которая переходит к живоглоту, то это происходит оттого, что у первого земли «мало», а у второго — «много».

И подобная философия обвиняет социал-демократов в «узости», когда они решающую причину видят в капитализме!.. Я остановился еще раз с такой подробностью на разложении крестьян и кустарей именно потому, что необходимо было наглядно пояснить, каким образом представляют себе дело социал-демократы и как они объясняют его. Необходимо было показать, что те самые факты, которые для субъективного социолога представляются так, что крестьяне «обеднели», а «охотники» да «живоглоты» «лучи прибибли в свою пользу», — с точки зрения материалиста представляются буржуазным разложением товаропроизводителей, разложением, необходимо вызываемым силою самого товарного хозяйства. Необходимо было показать, на каких фактах основано то положение (которое приведено было выше, в I выпуске^[29]), что борьба имущих с неимущими идет в России везде, не только на фабриках и заводах, а и в самой глухой деревушке, и везде эта борьба есть борьба буржуазии и пролетариата, складывающихся на почве товарного хозяйства. Разложение, раскрестьянивание наших крестьян и кустарей, которое можно изобразить в точности благодаря такому превосходному материалу, как земская статистика, — дает *фактическое* доказательство верности именно социал-демократического понимания русской действительности, по которому крестьянин и кустарь представляют из себя *мелкого производителя* в «категорическом» значении этого слова, т. е. *мелкого буржуа*. Это положение можно назвать центральным пунктом теории **РАБОЧЕГО СОЦИАЛИЗМА** по отношению к старому крестьянскому социализму, который не понимал ни той обстановки товарного хозяйства, в которой живет этот мелкий производитель, ни капиталистического разложения его на этой почве. И потому, кто хотел бы серьезно критиковать социал-демократизм, — тот должен бы был сосредоточить свою аргументацию именно на этом, показать, что Россия в политико-экономическом отношении не представляет из себя системы товарного хозяйства, что не на этой почве идет разложение крестьянства, что экспроприация массы населения и эксплуатация трудящегося может быть объяснена чем-нибудь другим, а не буржуазной, капиталистической организацией нашего общественного (и крестьянского в том числе) хозяйства.

Попробуйте-ка, господа!

Затем, есть еще одно основание, по которому я предпочел для иллюстрации социал-демократической теории данные именно о крестьянском и кустарном хозяйстве. Было бы отступлением от материалистического метода, если бы я, критикуя воззрения «друзей народа», ограничился сопоставлением их идей с марксистскими идеями. Необходимо еще объяснить «народнические» идеи, показать их **МАТЕРИАЛЬНОЕ** основание в современных наших общественно-экономических отношениях. Картинки и примеры экономики наших крестьян и кустарей показывают, что такое этот «крестьянин», идеологами которого хотят быть «друзья народа». Они доказывают буржуазность экономики нашей деревни и тем подтверждают правильность отнесения «друзей народа» к идеологам мещанства.

Мало того: они показывают, что между идеями и программами наших радикалов и интересами мелкой буржуазии существует самая тесная связь. Эта связь, которая будет еще яснее после разбора программы их в деталях, и объясняет нам такое широкое распространение в нашем «обществе» этих радикальных идей; она же прекрасно объясняет и политическое лакейство «друзей народа» и их готовность идти на компромиссы.

Было, наконец, еще одно основание останавливаться так подробно на экономике именно тех сторон нашей общественной жизни, где капитализм наименее развит и откуда обыкновенно черпали народники материал для своих теорий. Изучением и изображением этой экономики легче всего было ответить по существу на одно из распространеннейших возражений против социал-демократии, циркулирующих в нашей публике. Исходя из обычной идеи о противоречии капитализма «народному строю» и видя, что социал-демократы считают крупный капитализм прогрессивным явлением, что они хотят именно на него опираться для борьбы против современного грабительского режима, — наши радикалы, без дальних рассуждений, обвиняют социал-демократов в игнорировании интересов массы крестьянского населения, в желании «выварить каждого мужика в фабричном котле» и т. д.

Основываются все эти рассуждения на том именно поразительно нелогичном и странном приеме, что о капитализме судят по тому, что он в действительности есть, а о деревне — по тому, чем она «может быть». Понятно, что нельзя лучше ответить на это, как показавши им *действительную* деревню, *действительную* ее экономику.

Всякий, кто беспристрастно, научно взглянет на эту экономику, должен будет признать, что деревенская Россия представляет из себя систему мелких, раздробленных рынков (или маленьких отделений центрального рынка), управляющих общественно-экономическою жизнью отдельных небольших районов. И в каждом таком районе мы видим все те явления, которые свойственны вообще общественно-экономической организации, регулятором которой является рынок: мы видим разложение некогда равных, патриархальных непосредственных производителей на богатеев и бедноту, мы видим возникновение *капитала*, особенно торгового, который плетет свои сети над трудящимся, высасывая из него все соки. Когда вы сравниваете описания экономики крестьянства у наших радикалов с точными данными первоисточников о хозяйственной жизни деревни, вас поражает отсутствие в критикуемой системе воззрений места для той массы мелких торгашей, которые кишмя кишат на каждом таком рынке, всех этих шибяев, ивашей и как там прозвали их еще местные крестьяне, всей той массы мелких эксплуататоров, которые хозяйничают на рынках и беспощадно гнетут трудящегося. Их обыкновенно просто отодвигают — «это-де уже не крестьяне, а торгашки». — Да, вы совершенно правы: это — «уже не крестьяне». Но попробуйте выделить в особую группу всех этих «торгашей», т. е., говоря точным политико-экономическим языком, тех, кто ведет коммерческое хозяйство и кто хотя бы отчасти присваивает себе чужой труд, попробуйте выразить в точных данных экономическую силу этой группы и ее роль во всем хозяйстве района; попробуйте затем выделить в противоположную группу всех тех, кто тоже «уже не крестьянин», потому что несет на рынок свою рабочую силу, потому что работает не на себя, а на другого, — попробуйте выполнить эти элементарные требования беспристрастного и серьезного исследования, и вы увидите такую яркую картину буржуазного разложения, что от мифа о «народном строе» останется одно воспоминание. Эта масса мелких деревенских эксплуататоров представляет страшную силу, страшную особенно тем, что они давят на трудящегося враздробь, поодиночке, что они приковывают его к себе и отнимают всякую надежду на

избавление, страшную тем, что эта эксплуатация при дикости деревни, порожаемой свойственными описываемой системе низкой производительностью труда и отсутствием сношений, представляет из себя не один грабеж труда, а еще и азиатское надругательство над личностью, которое постоянно встречается в деревне. Вот если вы станете сравнивать эту *действительную* деревню с нашим капитализмом, — вы поймете тогда, почему социал-демократы считают прогрессивной работу нашего капитализма, когда он стягивает эти мелкие раздробленные рынки в один всероссийский рынок, когда он создает на место бездн мелких благонамеренных живоглотов кучку крупных «столпов отечества», когда он обобществляет труд и повышает его производительность, когда он разрывает это подчинение трудящегося местным кровопийцам и создает подчинение крупному *капиталу*. Это подчинение является прогрессивным по сравнению с тем — несмотря на все ужасы угнетения труда, вымирания, одичания, калечения женских и детских организмов и т. д., — потому, что оно **БУДИТ МЫСЛЬ РАБОЧЕГО**, превращает глухое и неясное недовольство в сознательный протест, превращает раздробленный, мелкий, бессмысленный бунт в организованную классовую борьбу за освобождение всего трудящегося люда, борьбу, которая черпает свою силу из самых условий существования этого крупного капитализма и потому может безусловно рассчитывать на **ВЕРНЫЙ УСПЕХ**.

В ответ на обвинение в игнорировании массы крестьянства, социал-демократы с полным правом могут привести слова Карла Маркса:

«Критика сорвала с цепей украшавшие их воображаемые цветы не для того, чтобы человечество продолжало нести эти оковы в их форме, лишенной всякой фантазии и всякой радости, а для того, чтобы оно сбросило цепи и протянуло руку за живым цветком».

Русские социал-демократы срывают с нашей деревни украшающие ее воображаемые цветы, воюют против идеализации и фантазий, производят ту разрушительную работу, за которую их так смертельно ненавидят «друзья народа», — не для того, чтобы масса крестьянства оставалась в положении теперешнего угнетения, вымирания и порабощения, а для того, чтобы пролетариат понял, каковы те цепи, которые сковывают повсюду трудящегося, понял, как куются эти цепи, и сумел подняться против них, чтобы сбросить их и протянуть руку за настоящим цветком.

Когда они несут эту идею тем представителям трудящегося класса, которые по своему положению одни только способны усвоить классовое самосознание и начать классовую борьбу, — тогда их обвиняют в желании выварить мужика в котле.

И кто обвиняет? —

Люди, которые сами возлагают свои упования относительно освобождения трудящегося на «правительство» и «общество», т. е. органы той самой буржуазии, которая повсюду и сковала трудящихся!

Топыряются же подобные слизняки толковать о безыдеальности социал-демократов!

Перейдем к политической программе «друзей народа», теоретическими воззрениями которых мы занимались, кажется, уже чересчур много. Какими мерами хотят они «потушить пожар»? В чем видят они выход, неправильно, дескать, указываемый социал-демократами?

«Реорганизация крестьянского банка, — говорит г. Южаков в статье: „Министерство земледелия“ (№ 10 „Р. Б.—ва“), — учреждение колонизационного управления, упорядочение в интересах народного хозяйства аренды казенных земель,.. разработка и регулирование арендного вопроса, — такова программа восстановления народного хозяйства и ограждения его от экономического насилия (sic!) со стороны нарождающейся плутократии». А в статье: «Вопросы экономического развития» эта программа «восстановления народного хозяйства» дополняется следующими «первыми, но необходимыми шагами»: — «устранение всяких препятствий, ныне опутывающих сельскую общину; освобождение ее от опеки, переход к общественным запашкам (обобществление земледельческого промысла) и развитие общинной обработки сырья, добытого из земли». А гг. Кривенко и Карышев прибавляют: «дешевый кредит, артельная форма хозяйства, обеспеченность сбыта, возможность обходиться без предпринимательской выгоды (об этом особо ниже), изобретение более дешевых двигателей и других технических улучшений», наконец, — «музеи, склады, комиссионерские конторы».

Всмотритесь в эту программу и вы увидите, что эти господа вполне и целиком становятся на почву современного общества (т. е. на почву капиталистических порядков, чего они не признают) и хотят отделаться шпопаньем и починкой его, не понимая, что все их прогрессы — дешевый кредит, улучшения техники, банки и т. п. — в состоянии только усилить и развить буржуазию.

Ник. — он совершенно прав, конечно, — и это одно из наиболее ценных его положений, против которого не могли не протестовать «друзья народа», — что никакими реформами на почве современных порядков помочь делу нельзя, что и кредит, и переселения, и податные реформы, и переход в руки крестьян всей земли, — ничего существенно не изменят, а напротив — должны усилить и развить капиталистическое хозяйство, ныне сдерживаемое излишней «опекой», остатками крепостнических платежей, прикреплением крестьян к земле и т. д. Экономисты, желающие экстенсивного развития кредита — говорит он — вроде [кн. Васильчикова](#) (по своим идеям несомненный «друг народа»), хотят того же, что и «либеральные», т. е. буржуазные экономисты, «стремятся к развитию и упрочению капиталистических отношений». Они не понимают антагонистичности наших производственных отношений (в *крестьянстве* так же, как и в других сословиях) и вместо того, чтобы стараться вывести этот антагонизм на открытую дорогу, вместо того, чтобы прямо примкнуть к тем, кто порабощается в силу этого антагонизма, и стараться помочь ему подняться на борьбу, — они мечтают прекратить борьбу мерами, рассчитанными на всех, на примирение и объединение. Понятно, какой результат может выйти из всех этих мер: достаточно вспомнить вышеприведенные примеры разложения, чтобы убедиться, что всеми этими кредитами^[30], улучшениями, банками и т. п. «прогрессами» в состоянии будет воспользоваться только тот, кто имеет при правильном, прочном хозяйстве известные «сбережения», т. е. представитель ничтожного меньшинства, мелкой буржуазии. И как вы ни реорганизуите крестьянский банк и тому подобные учреждения, вы этим нимало не затронете того основного и коренного факта, что масса населения экспроприирована и продолжает экспроприироваться, не имея средств даже для того, чтобы прокормить себя, а не то что для заведения правильного хозяйства.

То же самое надо сказать и про «артели», «общественные запашки». Г-н Южаков называет последние «обобществлением земледельческого промысла». Конечно, это — только курьезно, потому что для обобществления нужна организация производства не в пределах одной какой-

нибудь деревушки, потому что для этого необходима экспроприация «живоглотов», монополизировавших средства производства и управляющих теперешним русским общественным хозяйством. А для этого нужна борьба, борьба и борьба, а не пустяковинная мещанская мораль.

И потому подобные мероприятия обращаются у них в крохотные либеральные полумеры, прозябающие от щедрот филантропических буржуа и приносящие гораздо больше вреда отвлечением эксплуатируемых от борьбы, чем пользы от того возможного улучшения положения отдельных личностей, которое не может не быть мизерным и шатким на общей основе капиталистических отношений. До какой безобразной степени доходит у этих господ замазывание антагонизма в русской жизни, — производимое, конечно, с самыми благими намерениями, чтобы прекратить настоящую борьбу, т. е. именно с такими намерениями, которыми вымощен ад, — это показывает следующее рассуждение г. Кривенко:

«интеллигенция руководит предприятиями фабрикантов и может руководить народной промышленностью».

Вся их философия сводится к нытью на ту тему, что есть борьба и эксплуатация, но «могло бы» ее и не быть, если бы... если бы не было эксплуатирующих. В самом деле, что хотел сказать автор своей бессмысленной фразой? Неужели можно отрицать, что российские университеты и иные учебные заведения производят ежегодно такую «интеллигенцию» (?), которая ищет только того, кто ее прокормит? Неужели можно отрицать, что средства, необходимые для содержания этой «интеллигенции», имеются в настоящее время в России только у буржуазного меньшинства? Неужели буржуазная интеллигенция в России исчезнет оттого, что «друзья народа» скажут, что она «могла бы» служить не буржуазии? Да, «могла бы», если бы не была буржуазной. «Могла бы» не быть буржуазной, «если бы» не было в России буржуазии и капитализма! И пробавляются люди весь свой век одними этими «если бы» да «кабы!» Да впрочем, эти господа не только отказываются придавать решающее значение капитализму, но и вообще не хотят видеть ничего дурного в капитализме. Если устранить некоторые «дефекты», — тогда они, может быть, очень недурно при нем устроятся. Не уютно ли такое заявление г-на Кривенко:

«Капиталистическое производство и капитализация промыслов вовсе не представляют таких ворот, через которые обрабатывающая промышленность может только уходить от народа. Разумеется, она может уйти, но может также и войти в народную жизнь и стать ближе к сельскому хозяйству и добывающей промышленности. Для этого возможно несколько комбинаций и этому могут служить как другие, так и эти же самые ворота» (161). У г. Кривенко есть некоторые очень хорошие качества, — сравнительно с г. Михайловским. Например, открытость и прямолинейность. Где г. Михайловский исписал бы целые страницы гладкими и бойкими фразами, увиваясь около предмета и не касаясь его самого, там деловитый и практичный г. Кривенко рубит с плеча и без зазрения совести выкладывает перед читателем все абсурды своих воззрений целиком. Извольте видеть: «капитализм может войти в народную жизнь». То есть капитализм возможен без отделения трудящегося от средств производства! Право, это прелестно; мы теперь, по крайней мере, с полной ясностью представляем себе, чего хотят «друзья народа». Они хотят товарного хозяйства без капитализма, — капитализма без экспроприации и без эксплуатации, с одним только мещанством, мирно прозябающим под покровом гуманных помещиков и либеральных администраторов. И они с серьезным видом департаментского чиновника, намеревающегося облагодетельствовать Россию, принимают сочинять комбинации такого устройства, когда бы и волки были сыты и овцы целы. Чтобы составить себе представление о характере этих комбинаций, мы должны обратиться к статье того же автора в № 12 («По поводу культурных одиночек»): «Артельная и государственная форма промышленности, — рассуждает г. Кривенко, вообразив, видимо, что его уже „привзвали“, решать практические экономические проблемы“, — вовсе не представляет собою всего, что в данном случае можно представить. Возможна, например, такая комбинация. И дальше повествуется, как в редакции «Р. Богатства» пришел техник с проектом технической эксплуатации Донской области в форме акционерного предприятия с мелкими акциями (не более 100 руб.). Автору проекта было предложено видоизменить его таким, примерно, образом: «чтобы акции принадлежали не частным лицам, а сельским обществам, причем часть их населения, которая станет работать в предприятиях, получала бы обыкновенную заработную плату, а сельские общества гарантировали бы ей связь с землей».

Не правда ли, какая административная гениальность! С какой умильной простотой и легкостью вводится капитализм в народную жизнь и устраняются его зловерные качества! Нужно только устроить так, чтобы через посредство общества сельские богатеи купили акции^[31] и получали доход от предприятия, на котором трудилась бы «часть населения», обеспеченная в связи с землей, — такой «связи», которая не дает возможности жить с этой земли (иначе кто бы пошел работать за «обыкновенную заработную плату?»), но достаточна, чтобы привязать человека к месту, поработить его именно местному капиталистическому предприятию и отнять возможность переменить одного хозяина на другого. Я говорю о хозяине, капиталисте — с полным правом, потому что тот, кто платит трудящемуся *заработную плату*, не может быть назван иначе.

Читатель, может быть, уже в претензии на меня за то, что я так долго останавливаюсь на таком вздоре, не заслуживающем, по-видимому, никакого внимания. Но позвольте. Хотя это и вздор, но вздор такой, который полезно и нужно изучать, потому что он отражает действительные общественно-экономические отношения России и в силу этого принадлежит к распространеннейшим у нас общественным идеям, с которыми социал-демократам долго еще придется считаться. Дело в том, что переход от крепостнического, феодального способа производства к капиталистическому в России порождал, а отчасти и теперь порождает, такое положение трудящегося, при котором крестьянин, не будучи в состоянии прокармливать себя землей и *нести с нее повинности в пользу помещика (а он их и посейчас несет)*, вынужден был прибегать к «сторонним заработкам», носившим сначала, в доброе старое время, форму либо самостоятельного промыслового труда (например, извоз), либо несамостоятельного, но оплачиваемого сравнительно сносно вследствие крайне слабого развития промыслов. Это состояние обеспечивало некоторое, сравнительно с теперешним, благосостояние крестьянства, благосостояние крепостного люда, мирно прозябавшего под сенью ста тысяч благородных полицеймейстеров и нарождающихся собирателей земли русской, — буржуа.

И вот «друзья народа» идеализируют этот строй, отбрасывая просто-напросто его темные стороны, мечтают о нем, — «мечтают» потому, что его давным-давно нет уже в действительности, он давным-давно разрушен капитализмом, породившим массовую экспроприацию земледельческого крестьянства и превратившим прежние «заработки» в самую разнузданную эксплуатацию в избытке предлагающихся рабочих «фру».

Наши рыцари мещанства хотят именно сохранения «связи» крестьянина с землей, но не хотят крепостного права, которое одно только обеспечивало эту связь и которое было сломлено только товарным хозяйством и капитализмом, сделавшим эту связь невозможной. Они хотят заработков на стороне, которые бы не отрывали крестьянина от земли, которые бы — при работе на рынок — не порождали конкуренции, не создавали *капитала* и не поработали ему массы населения. Верные субъективному методу в социологии, они хотят

«взять» хорошее и оттуда и отсюда, — но на деле, разумеется, это ребячье желание ведет только к реакционной мечтательности, игнорирующей действительность, ведет к неумению понять и утилизировать действительно прогрессивные, революционные стороны новых порядков и к сочувствию мероприятиям, увековечивающим добрые старые порядки полукрепостного полусвободного труда, — порядки, обладавшие всеми ужасами эксплуатации и угнетения и не дававшие никакой возможности выхода.

Чтобы доказать правильность этого объяснения, относящего «друзей народа» к реакционерам, сошлюсь на два примера.

В московской земской статистике мы можем прочесть описание хозяйства некоей г-жи К. (в Подольском уезде), которое (хозяйство, а не описание) восхищало и московских статистиков и [г. В. В.](#), если память мне не изменяет (он писал об этом, помнится, в какой-то журнальной статье).

Это пресловутое хозяйство г-жи К. служит для г. В. Орлова «фактом, убедительно подтверждающим на практике» его любимое положение, будто «где крестьянское земледелие находится в исправном состоянии, там и хозяйство частных землевладельцев ведется лучше». Из рассказа г. Орлова об имени этой г-жи видно, что она ведет хозяйство посредством труда местных крестьян, обрабатывающих ее землю за получаемую в ссуду зимой муку и т. п., причем владелица относится к крестьянам замечательно заботливо, помогает им, так что теперь это — самые исправные крестьяне в волости, у которых хлеба «достаёт почти до нови (прежде и до зимнего Николы не хватало)».

Спрашивается, исключает ли «такая постановка дела противоположность интересов крестьянина и землевладельца», как думают гг. [Н. Каблук](#) (т. V, с. 175) и В. Орлов (т. II, с. 55—59 и др.)? Очевидно, что нет, ибо г-жа К. живет трудом своих крестьян. Следовательно, эксплуатация совсем не устранена. Не видеть эксплуатации за добрыми отношениями к эксплуатируемым — простительно для г-жи К., но никак не для экономиста-статистика, который, восхищаясь данным случаем, вполне приравнивается к тем Menschenfreunde^[32] на Западе, которые восхищаются добрыми отношениями капиталиста к рабочему, с упоением передают случаи, когда фабрикант печется о рабочих, устраивает для них потребительные лавки, квартиры и т. п. Заключать от существования (и, следовательно, «возможности») подобных «фактов» к отсутствию противоположности интересов — значит за деревьями не видеть леса. Это во-первых.

А во-вторых, из рассказа г. Орлова мы видим, что крестьяне г-жи К. «благодаря прекрасным урожаям (помещица дала им хороших семян) завели скот» и ведут «исправное» хозяйство. Представьте себе, что эти «исправные хозяева» сделали не «почти», а вполне исправными: хлеба хватало у них не «почти» до нови и не «у большинства», а всем и вполне хватало хлеба. Представим себе, что земли у этих крестьян стало достаточно, что у них есть и «пастбище и прогон», которых у них теперь нет (хороша исправность!) и которые они арендуют у г-жи К. под работу. Неужели г. Орлов думает, что тогда — т. е. если бы крестьянское хозяйство было бы действительно исправно — эти крестьяне стали бы «исполнять все работы по имени г-жи К. тщательно, своевременно и быстро», как это они делают теперь? Или, может быть, признательность к доброй барыне, так матерински выжимающей соки из исправных крестьян, будет импульсом не менее сильным, чем безысходность настоящего положения крестьян, которые не могут же обойтись без пастбища и прогона?

Очевидно, что таковы же в сущности идеи «друзей народа»: как настоящие идеологи мещанства, они хотят не уничтожения эксплуатации, а смягчения ее, хотят не борьбы, а примирения. Их широкие идеалы, с точки зрения которых они так усердно громят узких социал-демократов, не идут далее «исправного» крестьянства, отбывающего «повинности» перед помещиками и капиталистами, лишь бы только помещики и капиталисты справедливо к ним относились.

Другой пример. Г-н Южаков в своей довольно известной статье: «Нормы народного землевладения в России» («Русская Мысль», 1885, № 9) излагал свои воззрения на то, каких размеров должно быть «народное» землевладение, т. е., по терминологии наших либералов, такое, которое исключает капитализм и эксплуатацию. Теперь — после этого превосходного разъяснения дела г-ном Кривенко — мы знаем, что он смотрел тоже с точки зрения «введения капитализма в народную жизнь». Minimum'ом «народного» землевладения он брал такие надель, которые бы покрывали «зерновое довольствие и платежи»^[33], а остальное, дескать, можно добыть «заработками»... Другими словами, он прямо-таки мирился с таким порядком, когда крестьянин, сохраняя связь с землей, подвергался двойной эксплуатации, отчасти со стороны помещика — по «наделу», отчасти со стороны капиталиста — по «заработкам». Это состояние мелких производителей, подвергающихся двойной эксплуатации и притом поставленных в такие житейские условия, которые необходимо порождают забитость и придавленность, отнимая всякие надежды не только на победу, но и на борьбу класса угнетенных, — это полусредневековое положение — *non plus ultra* кругозора и идеалов «друзей народа». И вот, когда капитализм, развиваясь с громадной быстротой в течение всей реформенной истории России, стал с корнем вырывать этот устой старой России, — патриархальное, полукрепостное крестьянство, — вырывать его из средневековой, полуфеодальной обстановки и ставить в новейшую, чисто капиталистическую, заставляя его бросать насиженные места и бродить по всей России в поисках за работой, разрывая порабощение местному «работодателю» и показывая, в чем лежат основания эксплуатации вообще, эксплуатации классовой, а не грабежа данного аспиды, — когда капитализм стал массами втягивать остальное, забитое и задавленное до скотского положения крестьянское население в водоворот все усложняющейся общественно-политической жизни, — тогда наши рыцари подняли вопли и стенания о падении и ломке устоев. И они продолжают и сейчас вопить и стнать об этом добром старом времени, хотя теперь, кажется, надо уже быть слепым, чтобы не видеть революционной стороны этого нового уклада жизни, чтобы не видеть, как капитализм создает новую общественную силу, ничем не связанную с старым режимом эксплуатации и поставленную в возможность борьбы против него.

У «друзей народа», однако, и следа не заметно пожеланий какого бы то ни было коренного изменения современных порядков. Они вполне удовлетворяются либеральными мероприятиями на данной почве, и г. Кривенко проявляет на поприще изобретения таких мероприятий настоящие административные способности отечественного помпадур.

«Вообще этот вопрос, — рассуждает он о необходимости „подробного изучения и коренного преобразования“ „нашей народной промышленности“, — требует специального рассмотрения и разделения производств на группы производств, применимых к народной жизни (sic!!), и таких, применение которых встречает какие-нибудь серьезные затруднения».

Образец одного такого деления на группы дает нам тот же г. Кривенко, разделяющий промыслы на такие, которые не капитализуются, такие, где произошла уже капитализация, и такие, которые могут «спорить с крупной промышленностью за существование».

«В первом случае, — решает администратор, — мелкое производство может свободно существовать» — и быть свободным от рынка, колебания которого разлагают мелких производителей на буржуазию и пролетариат? быть свободным от расширения местных рынков и стягивания их в крупный рынок? быть свободным от прогресса техники? Или, может быть, этот прогресс техники — при товарном

хозяйстве — может и не быть капиталистическим? — В последнем случае автор требует «организации производства также в крупной форме»: «Ясное дело, — говорит он, — что тут нужна уже организация производства также в крупной форме, нужен основной и оборотный капитал, машины и т. д. или уравновешение этих условий чем-нибудь другим: дешевым кредитом, устранением излишнего посредничества, артельной формой хозяйства и возможностью обходиться без предпринимательской выгоды, обеспеченностью сбыта, изобретением более дешевых двигателей и других технических улучшений или, наконец, некоторым понижением заработной платы, если оно будет возмещаться другими выгодами».

Прехарактерное рассуждение для характеристики «друзей народа» с их широкими идеалами на словах, с их шаблонным либерализмом на деле. Начинает наш философ, как видите, ни больше, ни меньше как с возможности обходиться без предпринимательской выгоды и с организации крупного хозяйства. Прекрасно: это именно то, **ЧЕГО** хотят и социал-демократы. Но как же хотят достигнуть этого «друзья народа»? Ведь для организации крупного производства без предпринимателей нужно, во-первых, уничтожение товарной организации общественного хозяйства и замена ее организацией общинной, коммунистической, когда бы регулятором производства был не рынок, как теперь, а сами производители, само общество рабочих, когда бы средства производства принадлежали не частным лицам, а всему обществу. Такая замена частной *формы присвоения* — общинного требует, очевидно, *предварительного* преобразования *формы производства*, требует слияния разрозненных, мелких, обособленных процессов производства мелких производителей в *один общественный производительный процесс*, требует, одним словом, тех именно материальных условий, которые и создаются капитализмом. Но ведь «друзья народа» вовсе не намерены опираться на капитализм. Как же они намерены действовать? Неизвестно. Они даже и не упоминают об уничтожении товарного хозяйства: очевидно, их широкие идеалы не могут никак выйти из рамок этой системы общественного производства. Затем, ведь для уничтожения предпринимательской выгоды придется экспроприировать предпринимателей, «выгоды» которых проистекают именно из того, что они монополизировали средства производства. Для этой экспроприации столпов нашего отечества нужно ведь народное революционное движение против буржуазного режима, движение, на которое способен только рабочий пролетариат, ничем не связанный с этим режимом. Но «друзья народа» и в мыслях не имеют никакой борьбы, и не подозревают о возможности и необходимости каких-нибудь других общественных деятелей, помимо административных органов самих этих предпринимателей. Ясное дело, что они нисколько не намерены серьезно выступать против «предпринимательской выгоды»: г. Кривенко просто сболтнул. И он немедленно поправляется: можно ведь и «уравновесить» такую вещь, как «возможность обходиться без предпринимательской прибыли», — «чем-нибудь другим», именно кредитом, организацией сбыта, улучшениями техники. Все устроилось, значит, вполне благополучно: вместо такой обидной для гг. предпринимателей вещи, как уничтожение их священных прав на «выгоду», — появились такие кроткие либеральные мероприятия, которые только дадут в руки капитализму лучшие орудия для борьбы, которые только усилят, укрепят и разовьют нашу мелкую «народную» буржуазию. А чтобы не оставить никакого сомнения в том, что «друзья народа» интересы только этой мелкой буржуазии отстаивают, г. Кривенко дает еще следующее замечательное разъяснение. Оказывается, что уничтожение предпринимательской выгоды можно «уравновесить»... «понижением заработной платы»!!! С первого взгляда может показаться, что это просто сапоги всмятку. Но нет. Это последовательное проведение идей мещанства. Автор наблюдает такой факт, как борьбу крупного капитала с мелким, и в качестве истинного «друга народа» становится, конечно, на сторону мелкого... *капитала*. Он слышал при этом, что одним из могущественнейших средств борьбы для мелких капиталистов является понижение заработной платы — факт, совершенно верно подмеченный, констатированный в массе производств и в России, наряду с удлинением рабочего дня. И вот он, желая во что бы то ни стало спасти мелких... капиталистов, предлагает «некоторое понижение заработной платы, если оно будет возмещаться иными выгодами!» Господа предприниматели, о «выгоде» которых говорились сначала как будто бы странные вещи, могут быть совершенно спокойны. Они, я думаю, охотно бы даже посадили в министры финансов этого гениального администратора, проектирующего *против* предпринимателей — понижение заработной платы.

Можно привести и еще пример того, как из гуманно-либеральных администраторов «Р. Богатства» проглядывает чистокровный буржуа, как только дело коснется каких-либо практических вопросов. В «Хронике внутренней жизни» в № 12 «Р. Богатства» идет речь о монополии.

«Монополия и синдикат, — говорит автор, — таковы идеалы развитой промышленности. И он удивляется далее, что эти учреждения появляются и у нас, хотя «сильной конкуренции капиталов» у нас нет. «Ни сахарная, ни нефтяная промышленность вовсе еще не достигли особого развития. Потребление как сахара, так и керосина у нас почти в зародыше, если обратить внимание на то ничтожное количество этих продуктов, какое приходится у нас на одного потребителя сравнительно с другими странами. Казалось бы, поле для развития этих отраслей промышленности очень еще велико и может поглотить массу еще капиталов».

Характерно, что тут как раз — на практическом вопросе — автор забыл любимую идею «Р. Богатства» о сокращении внутреннего рынка. Он вынужден признать, что рынок этот имеет перед собой еще громадное развитие, а не сокращение. Он приходит к этому выводу, сравнивая с Западом, где потребление больше. Почему? — Потому, что культура выше. — Но в чем же состоят материальные основания этой культуры, как не в развитии капиталистической техники, в росте товарного хозяйства и обмена, приводящих людей в более частые столкновения друг с другом, разрушающих средневековую обособленность отдельных местностей? Не была ли во Франции, например, культура не выше нашей перед великой революцией, когда еще не завершился раскол ее полусредневекового крестьянства на деревенскую буржуазию и пролетариат? И если бы автор повнимательнее присмотрелся к русской жизни, он не мог бы не заметить того, например, факта, что в местностях с развитым капитализмом потребности крестьянского населения стоят значительно выше, чем в чисто земледельческих местностях. Это отмечается единогласно всеми исследователями наших кустарных промыслов во всех случаях, когда эти промыслы достигают такого развития, что кладут промысловый отпечаток на всю жизнь населения^[34].

«Друзья народа» не обращают никакого внимания на подобные «мелочи», потому что для них дело тут объясняется «просто» культурой или усложняющейся жизнью вообще, причем они даже и не задаются вопросом о материальных основаниях этой культуры и этого усложнения. — А если бы они обратились хотя бы к экономике нашей деревни, то должны бы были признать, что именно разложение крестьянства на буржуазию и пролетариат создает внутренний рынок.

Они думают, должно быть, что рост рынка вовсе еще не означает роста буржуазии. «Монополия, — продолжает свое рассуждение вышецитированный хроникер внутренней жизни, — у нас при слабом развитии производства вообще, при отсутствии предприимчивости и инициативы явится новым тормозом для развития *сил страны*». Говоря о табачной монополии, автор рассчитывает, что «она из *народного* обращения возьмет 154 млн руб.». Здесь уже прямо упускается из виду, что основой-то наших хозяйственных порядков является товарное хозяйство, руководителем которого и у нас, как и везде, является буржуазия. И вместо того, чтобы говорить о стеснении буржуазии монополией, автор говорит о «стране», вместо того, чтобы говорить о товарном, буржуазном обращении, — о «народном» обращении^[35]. Буржуа никогда не в состоянии уловить разницы между этими понятиями, как она ни громадна. Чтобы показать, до какой степени,

действительно, очевидна эта разница, я сошлюсь на журнал, имеющий авторитет в глазах «друзей народа», — на «Отечественные Записки». В № 2 за 1872 г., в статье «Плутократия и ее основы» мы читаем:

«По характеристике Марло, самый существенный признак плутократии — это любовь к либеральной форме государства, или по крайней мере к принципу свободы приобретения. Если мы возьмем этот признак и сообразим, что было назад тому каких-нибудь 8—10 лет, то увидим, что по части либерализма мы сделали успехи громадные. . . Какую бы газету или журнал вы ни взяли, — Все они, по-видимому, более или менее представляют собою демократический принцип, все бьются за интересы народа. Но рядом с демократическими воззрениями и даже под покровом их (это *заметьте*) то и дело намеренно или ненамеренно проводятся плутократические стремления».

Автор приводит в пример адрес с.-петербургского и московского купечества министру финансов с благодарностью сего почтеннейшего сословия российской буржуазии за то, что «он основал финансовое положение России на возможно большем расширении единственно плодотворной частной деятельности». И автор статьи заключает: «Плутократические элементы и поползновения несомненно есть в нашем обществе и в достаточном количестве».

Видите — ваши предшественники в давнопрошедшее время, когда еще были живы и свежи впечатления великой освободительной реформы (долженствовавшей, по открытию г. Южакова, освободить спокойные и правильные пути развития «народного» производства, а на деле освободившей только пути развития плутократии), сами не могли не признать плутократического, т. е. буржуазного, характера частной предприимчивости в России.

Зачем же Вы забыли это? Почему, толкуя о «народном» обращении и развитии «сил страны» благодаря развитию «предприимчивости и инициативы», не упоминаете Вы об антагонистичности этого развития? об эксплуататорском характере этой предприимчивости и этой инициативы? Можно и должно, разумеется, высказываться против монополий и т. п. учреждений, так как они, несомненно, ухудшают положение трудящегося, — но не надо забывать, что помимо всех этих средневековых пут трудящийся скован еще более сильными, новейшими, буржуазными путями. Несомненно, отмена монополий будет полезна всему «народу», потому что, когда буржуазное хозяйство стало основой экономики страны — эти остатки средневековых порядков только прибавляют к капиталистическим бедствиям еще горшние бедствия — средневековые. Несомненно, их необходимо нужно уничтожить — и чем скорее, чем радикальнее, тем лучше, — чтобы очищением буржуазного общества от унаследованных им полукрепостнических пут развязать руки рабочему классу, облегчить ему борьбу против буржуазии.

Вот так и надо говорить, называя вещи своим именем, — что отмена монополий и всяких других стеснений средневековых (им же имя в России — легион) необходимо нужна для рабочего класса для облегчения ему борьбы против буржуазных порядков. Вот и все. Забывать за солидарностью интересов всего «народа» против средневековых, крепостнических учреждений — о глубоком и непримиримом антагонизме буржуазии и пролетариата внутри этого «народа» могут только буржуа.

Да, впрочем, нелепо было бы думать устыдить этим «друзей народа», когда они насчет того, что нужно деревне, говорят, например, такие вещи:

«Когда несколько лет тому назад, — повествует г. Кривенко, — некоторые газеты рассматривали, какие профессии и какого рода интеллигентные люди нужны деревне, то перечень выходил очень большим и разнообразным и охватывал почти всю жизнь: за докторами и женщинами-врачами шли фельдшера, за ними адвокаты, за адвокатами учителя, устроители библиотек и книжной торговли, агрономы, лесоводы и вообще люди, занимающиеся сельским хозяйством, техники самых разнообразных специальностей (область очень обширная и еще почти не тронутая), устроители и руководители кредитных учреждений, товарных складов и т. д.»

Остановимся хотя бы на тех «интеллигентах» (??), деятельность которых прямо относится к экономической области, на этих лесоводах, агрономах, техниках и т. д. Как в самом деле нужны эти люди деревне! Но только **КАКОЙ** деревне? — разумеется, деревне землевладельцев, деревне хозяйственных мужичков, имеющих «сбережения» и могущих платить за услуги всем этим ремесленникам, которых г. Кривенко изволит величать «интеллигентами». Эта деревня и в самом деле давно жаждет и техников, и кредита, и товарных складов — об этом свидетельствует вся экономическая литература. Но есть и другая деревня, гораздо более многочисленная, о которой не мешало бы почаще вспоминать «друзьям народа», — деревня разоренного и оголенного, обобранного до нитки крестьянства, не имеющего не только «сбережений» для оплаты труда «интеллигентов», но даже и хлеба в таком количестве, чтобы не умереть с голоду. И этой деревне хотите помочь вы *товарными складами*!! Что они туда положат, наши однолошадные и безлошадные крестьяне, в эти товарные склады? Свою одежду? — они уже заложили ее в 1891 г. сельским и городским кулакам, устраивавшим тогда, во исполнение вашего гуманно-либерального рецепта, настоящие «товарные склады» в своих домах, кабаках и лавках. Остаются еще разве только рабочие «руки». Но для этого товара даже российские чиновники не выдумали до сих пор еще «товарных складов»...

Трудно представить себе более наглядное доказательство крайнего опошления этих «демократов», — как это умиление техническими прогрессами в «крестьянстве» и закрывание глаз на массовую экспроприацию того же «крестьянства». Г-н Карышев, например, в № 2 «Р. Богатства» («Наброски», § XII) с упоением либерального кретина рассказывает случаи «усовершенствований и улучшений» в крестьянском хозяйстве — «распространения в крестьянском хозяйстве улучшенных сортов семян» — американского овса, ржи-вазы, клейдесдальского овса и т. п. «В иных местах крестьяне отводят для семян особые небольшие участки земли, на которых после тщательной обработки садятся руками отборные экземпляры зерен». «Многие и весьма разнообразные нововведения» отмечаются «в области улучшенных орудий и машин»^[36] — орудия, легкие плужки, молотилки, веялки, сортировки. Констатируется «увеличение разнообразия видов удобрительных средств» — фосфориты, клейный навоз, голубиный помет и пр. «Корреспонденты настаивают на необходимости устраивать по деревням местные земские склады для продажи фосфоритов», — и г. Карышев, цитируя сочинение г. В. В.: «Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве» (на него ссылается и г. Кривенко), впадает по поводу всех этих трогательных прогрессов совсем уже в пафос:

«Бодрящее и вместе грустное впечатление производят эти сообщения, которые мы могли изложить только вкратце. . . Бодрящее — потому, что этот народ, обедневший, задолжавший, в значительной части обезлошадевший, не покладает рук, не предаётся отчаянию, не меняет занятия, а остается верен земле, понимая, что в ней, в надлежащем обращении с ней его будущее, его сила, его богатство. (Ну, конечно! Само собой разумеется, что ведь это именно обедневший и обезлошадевший мужик покупает фосфориты, сортировки, молотилки, семена клейдесдальского овса! О, sancta simplicitas!^[37] Но ведь пишет это не институтка, а профессор, доктор политической экономии!! Нет, как хотите, а одной святой простотой туг дела не объяснишь.) Лихорадочно ищет он способов этого надлежащего обращения, ищет новых путей, приемов обработки, семян, орудий, удобрения, всего, что помогло бы оплодотворить его кормилицу-землю, которая воздаст ему

рано или поздно за это сторицею^[38]. . . Грустное впечатление производят приведенные сообщения потому (вы, может быть, думаете, что „друг народа“ хоть здесь-то упомянет о той массовой экспроприации крестьянства, которая сопровождает и вызывает концентрацию земли в руках хозяйственных мужичков, превращение ее в *капитал*, в основание *улучшенного* хозяйства, — той экспроприации, которая именно и выбрасывает на рынок „свободные“ и „дешевые“ „руки“, создающие успехи отечественной „предприимчивости“ на поприще всех этих молотилок, сортировок, веялок? — ничуть не бывало), потому, что. . . будить нужно именно нас самих. Где наша помощь этому стремлению мужика поднять свое хозяйство? Для нас есть наука, литература, музеи, склады, комиссионерские конторы. (Право, господа, так рядом и поставлено: „наука“ и „комиссионерские конторы“. . . „Друзья народа“ надо изучать не тогда, когда они воюют с социал-демократами, потому что они для такого случая надевают мундир, сшитый из лохмотьев „отцовских идеалов“; а в их будничной одежде, когда они обсуждают детально вопросы повседневной жизни. И тогда вы можете наблюдать этих идеологов мещанства со всем их цветом и запахом.) Есть ли что-нибудь подобное для мужика? Есть, конечно, эмбрионы, да что-то они туго развиваются. Мужик хочет примера, — где наши опытные поля, образцовые хозяйства? Мужик ищет печатного слова, — где наша популярная агрономическая литература?.. Мужик ищет удобрения, орудий, семян, — где у нас земские склады всего этого, оптовая заготовка, удобства покупки, распространения?.. Где же вы, деятели частные и земские? Идите и работайте, время давно пришло, и

Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ!»

Н. Карышев («Р. Б—во», № 2, с. 19).

Вот они, эти друзья мелких «народных» буржуев, во всем самоуслаждении своими мещанскими прогрессами!

Казалось бы, даже помимо анализа экономики нашей деревни, достаточно наблюдать этот бросающийся в глаза факт нашей новой экономической истории — констатируемые всеми прогрессы в крестьянском хозяйстве одновременно с гигантской экспроприацией *крестьянства*, — чтобы убедиться в нелепости представления о *крестьянстве*, как каком-то солидарном внутри себя и однородном целом, чтобы убедиться в буржуазности всех этих прогрессов! Но «друзья народа» остаются глухи ко всему этому. Утратив хорошие стороны старого русского социально-революционного народничества, они крепко ухватились за одну из крупных его ошибок — непонимание классового антагонизма внутри крестьянства.

«Народник 70-х годов, — очень метко говорит Гурвич, — не имел никакого представления о классовом антагонизме внутри самого крестьянства, ограничивая этот антагонизм исключительно отношениями между „эксплуататором“ — кулаком или мироедом — и его жертвой, крестьянином, пропитанным коммунистическим духом^[39]. Глеб Успенский одиноко стоял со своим скептицизмом, отвечая иронической улыбкой на общую иллюзию. Со своим превосходным знанием крестьянства и со своим громадным артистическим талантом, проникшим до самой сути явлений, он не мог не видеть, что индивидуализм сделался основой экономических отношений не только между ростовщиком и должником, но между крестьянами вообще. См. его статью „Равнение под одно“ в „Русской Мысли“ 1882 г., № 1» (назв. соч., стр. 106).

Но если позволительно и даже естественно было впасть в эту иллюзию в 60-х и 70-х годах, — когда еще так мало было сравнительно точных сведений об экономике деревни, когда еще не обнаруживалось так ярко разложение деревни, — то теперь ведь надо нарочно закрывать глаза, чтобы не видеть этого разложения. Чрезвычайно характерно, что именно в последнее время, когда разорение крестьянства достигло, кажется, своего апогея, отовсюду слышно о прогрессивных течениях в крестьянском хозяйстве. Г-н В. В. (тоже несомненный «друг народа») написал об этом предмете целую книгу. И вы не сможете упрекнуть его в фактической неверности. Напротив, факт не может подлежать сомнению, — факт технического, агрикультурного прогресса в крестьянстве, но точно так же несомненен и факт массовой экспроприации крестьянства. И вот, «друзья народа» сосредоточивают все свое внимание на том, как «мужику» лихорадочно ищет новых приемов обработки, которые помогли бы ему оплодотворить кормилицу-землю, — опуская из виду обратную сторону медали, лихорадочное отделение «мужика» же от земли. Они как страусы прячут голову, чтобы не смотреть прямо на действительность, чтобы не видеть, что они присутствуют именно при процессе обращения в капитал той земли, от которой отрывается крестьянство, при процессе создания внутреннего рынка^[40]. Попробуйте опровергнуть *наличность* в нашем общинном крестьянстве двух этих полярных процессов, попробуйте *объяснить* их иначе, как буржуазностью нашего общества! — Куда тут! Петь аллилуйя и разливать в гуманно-доброжелательных фразах — вот альфа и омега всей их «науки», всей их политической «деятельности».

И это кротко-либеральное шпопанье современных порядков возводят они даже в целую философию. «Маленькое живое дело, — глубокомысленно рассуждает г. Кривенко, — гораздо лучше большого безделья». — И ново и умно. И потом, продолжает он, — «маленькое дело вовсе не синоним маленькой цели». В пример такого «расширения деятельности», когда дело из маленького становится «правильным и хорошим», — приводится деятельность одной госпожи по устройству школ, — затем адвокатская деятельность в крестьянстве, вытесняющая клюзников, — предположение адвокатов ездить в провинцию с выездными сессиями окружных судов для защиты подсудимых, — наконец, уже знакомое нам устройство кустарных складов: расширение деятельности (до размеров большой цели) должно состоять здесь в устройстве складов «соединенными силами земств в наиболее бойких пунктах».

Все это, конечно, очень возвышенные, гуманные и либеральные дела — «либеральные» потому, что они очищают буржуазную систему хозяйства от всех ее средневековых стеснений и тем облегчат рабочему борьбу против самой этой системы, которой, разумеется, подобные меры не только не затронут, а, напротив, усилят — и все это мы давно уже читаем во всех русских либеральных изданиях. Против этого не стоило бы и выступать, если бы не принуждали к этому господа из «Р. Б—ва», которые принялись выдвигать эти «краткие начатки либерализма» **ПРОТИВ** социал-демократов и в пример им, упрекая их притом в отречении от «идеалов отцов». И тогда мы не можем не сказать, что это, по меньшей мере, забавно — возражать против социал-демократов предложением и указанием такой умеренной и аккуратной *либеральной* (сиречь служащей буржуазии) деятельности. А по поводу отцов и их идеалов надо заметить, что как ни ошибочны, ни утопичны были старые теории русских народников, но уж во всяком случае они относились **БЕЗУСЛОВНО** отрицательно к подобным «кратким начаткам либерализма». Заимствую это последнее выражение из заметки г. Н. К. Михайловского: «По поводу русского издания книги К. Маркса» («Отечественные Записки», 1872 г., № 4) — заметки, очень живо, бодро и свеженеписанной (сравнительно с

теперешними его писаниями) и бурно протестовавшей против предложения не обижать наших молодых либералов.

Но это было давно, так давно, что «друзья народа» успели основательно перезабыть все это и своей тактикой наглядно показали, что при отсутствии материалистической критики политических учреждений, при непонимании классового характера современного государства, — от политического радикализма до политического оппортунизма один только шаг.

Несколько образчиков этого оппортунизма:

«Преобразование министерства государственных имуществ в министерство земледелия, — объявляет г. Южаков, — может иметь глубокое влияние на ход нашего экономического развития, но может остаться и некоторой лишь перетасовкой чиновников» (№ 10 «Р. Б.»).

Все зависит, значит, от того, кого «призовут» — друзей ли парода или представителей интересов помещиков и капиталистов. Самые интересы можно и не трогать.

«Охранение экономически слабейшего от экономически сильного составляет первую естественную задачу государственного вмешательства», продолжает там же тот же г. Южаков, и ему вторит в тех же выражениях хроникер внутренней жизни во 2 № «Р. Б.—ва». И чтобы не оставить никакого сомнения в том, что он понимает эту филантропическую бессмыслицу^[41] так же, как и его достойные сотоварищи, западноевропейские либеральные и радикальные идеологи мещанства, он добавляет вслед за вышесказанным:

«Гладстоновские ландбилли, бисмарковское страхование рабочих, фабричная инспекция, идея нашего крестьянского банка, организация переселений, меры против кулачества, все это — попытки применения именно этого принципа государственного вмешательства с целью защиты экономически слабейшего».

Это уже тем хорошо, что откровенно. Автор прямо говорит здесь, что точно так же хочет стоять на почве данных общественных отношений, как и г. Гладстоны и Бисмарки, — точно так же хочет чинить и шпогать современное общество (буржуазное — чего он не понимает, как не понимают этого и западноевропейские сторонники Гладстонов и Бисмарков), а не бороться против него. В полнейшей гармонии с этим основным их теоретическим воззрением стоит и то обстоятельство, что они орудие реформ видят в органе, выросшем на почве этого современного общества и охраняющем интересы господствующих в нем классов, — в государстве. Они прямо считают его всемогущим и стоящим над всякими классами, ожидая от него не только «поддержки» трудящегося, но и создания настоящих, правильных порядков (как мы слышали от г. Кривенко). Понятно, впрочем, что от них, как чистейших идеологов мещанства, и ждать нельзя ничего иного. Это ведь одна из основных и характерных черт мещанства, которая, между прочим, и делает его классом реакционным, — что мелкий производитель, разобщенный и изолированный самими условиями производства, привязанный к определенному месту и к определенному эксплуататору, не в состоянии понять классового характера той эксплуатации и того угнетения, от которых он страдает иногда не меньше пролетария, не в состоянии понять, что и государство в буржуазном обществе не может не быть классовым государством^[42].

Почему же это, однако, почтеннейшие гг. «друзья народа», до сих пор, — а со времени самой этой освободительной реформы с особенной энергией, — правительство наше «поддерживало, охраняло и создавало» только буржуазию и капитализм? Почему этакая нехорошая деятельность этого абсолютного, якобы над классами стоящего правительства совпала именно с историческим периодом, характеризующимся во внутренней жизни развитием товарного хозяйства, торговли и промышленности? Почему думаете вы, что эти последние изменения во внутренней жизни являются последующим, а политика правительства — предыдущим, несмотря на то, что первые изменения происходили так глубоко, что правительство даже не замечало их и ставило им бездну препятствий, несмотря на то, что то же «абсолютное» правительство, при других условиях внутренней жизни, «поддерживало», «охраняло» и «создавало» другой класс?

О, подобными вопросами «друзья народа» никогда не задаются! Это ведь все — материализм и диалектика, «гегелевщина», «мистика и метафизика». Они просто думают, что если попросить хорошенько да поласковее у этого правительства, то оно может все хорошо устроить. И уж по части ласковости надо отдать справедливость «Р. Богатству»: право, даже среди русской либеральной печати оно выдается неумением держать себя с мало-мальской независимостью. Судите сами:

«Отмена соляного налога, отмена подушной подати и понижение выкупных платежей» именуется г. Южаковым «серьезным облегчением народного хозяйства». Ну, конечно! — А не сопровождалась ли отмена соляного налога учреждением кучи новых косвенных налогов и повышением старых? не сопровождалась ли отмена подушной подати увеличением платежей бывших государственных крестьян под видом перевода их на выкуп? не осталось ли и теперь, после пресловутого понижения выкупных платежей (которым государство не отдало крестьянам даже и того барыша, который оно нажило на выкупной операции) — несоответствие платежей с доходностью земли, т. е. прямое переживание крепостнических оброков? — Ничего! Важен тут ведь только «первый шаг», «принцип», а там... там еще попросить можно будет!

Но это все только цветочки. А вот и ягодки:

«80-е годы облегчили народное бремя (это вот указанными-то мерами) и тем спасли народ от окончательного разорения».

Тоже классическая по своему лакейскому бесстыдству фраза, которую можно поставить рядом только разве с вышеприведенным заявлением г. Михайловского, что нам надо еще создавать пролетариат. Нельзя не вспомнить по этому поводу так метко описанную Щедриным историю эволюции российского либерала. Начинает этот либерал с того, что просит у начальства реформ «по возможности»; продолжает тем, что клянчит «ну, хоть что-нибудь» и кончает вечной и незбылемой позицией «применительно к подлости». Ну, как не сказать, в самом деле, про «друзей народа», что они заняли эту вечную и незбылемую позицию, когда они под свежим впечатлением голодовки миллионов народа, к которой правительство отнеслось сначала с торгашеской прижимистостью, а потом с торгашескою же трусостью, — говорят печатно, что правительство спасло народ от окончательного разорения!! Пройдет еще несколько лет с еще более быстрой экспроприацией крестьянства, правительство к учреждению министерства земледелия добавит отмену одного-двух прямых налогов и учреждение нескольких новых косвенных; затем голодовка охватит 40 миллионов народа, — и эти господа будут точно так же писать: вот видите, голодает 40, а не 50 миллионов; это потому, что правительство облегчило народное бремя и спасло народ от окончательного разорения, это потому, что оно послушалось «друзей народа» и учредило министерство земледелия!

Другой пример:

Хроникер внутренней жизни в № 2 «Р. Б—ва», толкуя о том, что Россия «к счастью» (sic!) отсталая страна, «сохраняющая элементы для обоснования своего экономического строя на принципе солидарности»^[43], — говорит, что поэтому она в состоянии выступить «в международных отношениях проводником экономической солидарности» и что шансы на это увеличивает для России ее неоспоримое «политическое могущество»!!

Это европейский-то жандарм, постоянный и вернейший оплот всякой реакции, доведший русский народ до такого позора, что, будучи забит у себя дома, он служил орудием для забивания народов на Западе, — этот жандарм определяется в проводники экономической солидарности!

Это уже выше всякой меры! Гг. «друзья народа» за пояс заткнут всех либералов. Они не только просят правительство, не только славословят, они прямо-таки молятся на это правительство, молятся с земными поклонами, молятся с таким усердием, что вчуже жутко становится, когда слышишь, как трещат их верноподданнические лбы.

Помните ли вы немецкое определение филистера?

Was ist der Philister?
Ein hohler Damm,
Voll Furcht und Hoffnung,
Daß Gott erbarmt^[44].

К нашим делам это определение немножко не подходит. Бог... бог у нас совсем на втором месте. Зато вот начальство — это другое дело. И если мы подставим в это определение вместо слова «бог» слово «начальство», — мы получим точнейшее выражение идейного багажа, нравственного уровня и гражданского мужества российских гуманно-либеральных «друзей народа».

К такому нелепейшему воззрению на правительство «друзья народа» присоединяют и соответствующее отношение к так называемой «интеллигенции». Г-н Кривенко пишет: «Литература»... должна «оценивать явления по их общественному смыслу и ободрять каждую активную попытку к добру. Она твердила и продолжает твердить о недостатке учителей, докторов, техников, о том, что народ болеет, беднеет (техников мало!), не знает грамоты и т. д., и когда являются люди, которым надоело сидеть за зелеными столами, участвовать в любительских спектаклях и есть предводительские пироги с вязигой, люди, которые выходят на работу с редким самоотвержением (подумайте-ка: отвергли, ведь, зеленые столы, спектакли и пироги!) и, несмотря на множество препятствий, она должна приветствовать их».

Двумя страницами ниже он с деловитой серьезностью умудренного опытом служаки журит людей, которые «колебались перед вопросом, идти ли им в земские начальники, в городские головы, в председатели и члены земских управ по новому положению, или не ходить. В обществе с развитым сознанием гражданских потребностей и обязанностей (слушайте, господа: право, это стоит речей знаменитых российских помпадуров, каких-нибудь [Барановых](#) или [Косичей](#)!) ни подобные колебания, ни такое отношение к делу были бы немислимы, потому что оно всякую реформу, если только в ней есть жизненные стороны, ассимилировало бы по-своему, т. е. воспользовалось и дало бы развитие тем ее сторонам, которые целесообразны; стороны же ненужные обратило бы в мертвую букву; и если в реформе совсем нет жизненности, то она и совсем осталась бы инородным телом».

Черт знает, что такое! Какой-то грошовый оппортунизм и выступает с таким самовосхищением! Задача литературы — собирать салонные сплетни про злых марксистов, раскланиваться перед правительством за спасение народа от окончательного разорения, приветствовать людей, которым надоело сидеть за зелеными столами, учить «публику» не сторониться даже от таких должностей, как должность земского начальника... Да что я читаю? «Неделю» или «Новое Время»? — Нет, это — «Русское Богатство», орган передовых российских демократов...

И подобные господа толкуют об «идеалах отцов», претендуют на то, что они, именно они хранят традиции тех времен, когда Франция разливала по всей Европе идеи социализма — и когда восприятие этих идей давало в России теории и учения [Герцена](#), [Чернышевского](#). Это уже совсем безобразие, которое было бы глубоко возмутительно и обидно, если бы «Русское Богатство» не было слишком забавно, если бы подобные заявления на страницах такого журнала не вызывали только гомерического смеха. Да, вы пачкаете эти идеалы! В самом деле, в чем состояли эти идеалы у первых русских социалистов, социалистов той эпохи, которую так метко охарактеризовал [Каутский](#) словами:

— «когда каждый социалист был поэтом и каждый поэт — социалистом».

— *Вера в особый уклад, в общинный строй русской жизни; отсюда — вера в возможность крестьянской социалистической революции,* — вот что одушевляло их, поднимало десятки и сотни людей на геройскую борьбу с правительством. И вы не сможете упрекнуть социал-демократов в том, чтобы они не умели ценить громадной исторической заслуги этих лучших людей своего времени, не умели глубоко уважать их памяти. Но я спрашиваю вас: где же она теперь, эта вера? — Ее нет, до такой степени нет, что когда г. В. В. в прошлом году попробовал было толковать о том, что община воспитывает народ к солидарной деятельности, служит очагом альтруистических чувств и т. п., — то даже г. Михайловский усомнился и стыдливо стал выговаривать г-ну В. В., что «нет такого *исследования*, которое бы доказывало связь нашей общины с альтруизмом». И действительно, такого исследования нет. А вот подите же: — было время — и без всякого исследования люди верили и верили беззаветно.

Как? почему? на каком основании?..

— «каждый социалист был поэтом и каждый поэт — социалистом».

И потом — добавляет тот же г. Михайловский — все добросовестные исследователи согласны в том, что деревня раскалывается, выделяя, с одной стороны, массу пролетариата, с другой — кучку «кулаков», держащих под своей пятой остальное население. И опять-таки он прав: деревня действительно раскалывается. Мало того, деревня давно уже совершенно раскололась. Вместе с ней раскололся и старый русский

крестьянский социализм, уступив место, с одной стороны, рабочему социализму; с другой — выродившись в пошлый мещанский радикализм. Иначе как вырождением нельзя назвать этого превращения. Из доктрины об особом укладе крестьянской жизни, о совершенно самобытных путях нашего развития — вырос какой-то жиденький эклектизм, который не может уже отрицать, что товарное хозяйство стало основой экономического развития, что оно переросло в капитализм, и который не хочет только видеть буржуазного характера всех производственных отношений, не хочет видеть необходимости классовой борьбы при этом строе. Из политической программы, рассчитанной на то, чтобы *поднять крестьянство* на социалистическую революцию *против основ современного общества*^[45] — выросла программа, рассчитанная на то, чтобы зашпопать, «улучшить» положение крестьянства *при сохранении основ современного общества*.

Собственно говоря, все предыдущее могло уже дать представление о том, какой «критики» можно ждать от этих господ из «Русского Богатства», когда они берутся «громить» социал-демократов. Нет и попытки прямо и добросовестно изложить их понимание русской действительности (в отношении цензурного это вполне возможно бы было, если бы напирать особенно на экономическую сторону, если бы возражать таких же общих, отчасти эзоповских, выражений, в которых и велась вся их «полемика») и возражать против него по существу, высказывая против правильности практических выводов из него. Вместо этого они предпочитают отшельничать бессодержательнейшими фразами об абстрактных схемах и вере в них, об убеждении в необходимости пройти для каждой страны через фазу... и т. п. ерунде, с которой мы достаточно познакомились уже у г-на Михайловского. При этом попадают прямые искажения. Г-н Кривенко, например, заявляет, что Маркс «признавал для нас возможным при желании (?! И так, *по Марксу*, эволюция общественно-экономических отношений зависит от воли и сознания людей?? Что это такое — невежество ли безмерное, нахальство ли беспримерное?!) и соответственной деятельности избежать капиталистических перипетий и идти по другому, более целесообразному пути (sic!!!)».

Этот вздор наш рыцарь получил возможность говорить при посредстве прямой передержки. Цитируя известное «Письмо К. Маркса» («Юрид. Вест.», 1888 г., № 10) — то место, где Маркс говорит о своем высоком уважении к Чернышевскому, который считал возможным для России «не претерпевать мучений капиталистического строя», г. Кривенко, закрыв кавычки, т. е. покончив точное воспроизведение слов Маркса (кончающееся так: «он (Чернышевский) высказывается в смысле последнего решения»), — добавляет: «И я, говорит Маркс, *разделяю* (курсив г-на Кривенко) эти взгляды» (стр. 186, № 12).

А у Маркса на самом деле сказано: «И мой почтенный критик имел, по меньшей мере, столько же основания из моего уважения к этому „великому русскому ученому и критику“ вывести заключение, что я разделяю взгляды последнего на этот вопрос, как и наоборот, из моей полемической выходки против русского „беллетриста“ и панслависта сделать вывод, что я их отвергаю» («Ю. В.», 1888 г., № 10, стр. 271).

Итак, Маркс говорит, что г. Михайловский не имел права видеть в нем противника идеи об особом развитии России, потому что он с уважением относится и к тем, кто стоит за эту идею, — а г. Кривенко перетолковывает так, будто Маркс «признавал» это особое развитие. Прямое перевертывание. Цитированное заявление Маркса совершенно ясно показывает, что он уклоняется от ответа по существу: «г. Михайловский мог бы взять за основание какое угодно из двух противоречивых замечаний, т. е. не имел основания ни на том, ни на другом строить свои заключения о моем взгляде на русские дела вообще». И чтобы эти замечания не давали повода к перетолкованиям, Маркс в этом же «письме» прямо дал ответ на вопрос, какое приложение может иметь его теория к России. Ответ этот с особенной наглядностью показывает, что Маркс уклоняется от ответа по существу, от разбора русских данных, которые одни только и могут решить вопрос: «Если Россия, — отвечал он, — стремится стать нацией капиталистической по образцу западноевропейских наций, — а в течение последних лет она наделала себе в этом смысле много вреда, — она не достигнет этого, не преобразовав предварительно доброй доли своих крестьян в пролетариев».

Кажется, это уже совсем ясно: вопрос состоял именно в том, стремится ли Россия быть капиталистической нацией, есть ли разорение ее крестьянства — процесс создания капиталистических порядков, капиталистического пролетариата; а Маркс говорит, что «если» она стремится, то для этого необходимо обратить добрую долю крестьян в пролетариев. Другими словами, теория Маркса состоит в исследовании и объяснении эволюции хозяйственных порядков известных стран, и «приложение» ее к России может состоять только в том, чтобы, ПОЛЬЗУЯСЬ выработанными приемами МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО метода и ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ политической экономии, ИССЛЕДОВАТЬ русские производственные отношения и их эволюцию^[46].

Выработка новой методологической и политико-экономической теории означала такой гигантский прогресс общественной науки, такой колоссальный шаг вперед социализма, что для русских социалистов почти тотчас же после появления «Капитала» главным теоретическим вопросом сделался вопрос о «судьбах капитализма в России»; около этого вопроса сосредоточивались самые жгучие прения, в зависимости от него решались самые важные программные положения. И замечательно, что когда появилась (лет 10 тому назад) особая группа социалистов, решавшая вопрос о капиталистической эволюции России в утвердительном смысле и основывающая это решение на данных русской экономической действительности, — она не встретила прямой и определенной критики по существу, критики, которая бы принимала те же общие методологические и теоретические основоположения и иначе объясняла соответствующие данные.

«Друзья народа», предприняв целый поход против марксистов, равным образом аргументируют не разбором фактических данных. Они отшельничают, как мы видели в 1-ой статье, фразами. При этом г. Михайловский не упускает случая изощрить свое остроумие по поводу того, что среди марксистов нет единогласия, что они не сговорились между собой. И «наш известный» Н. К. Михайловский превесело смеется по поводу своей остроты насчет «настоящих» и «не настоящих» марксистов. Что среди марксистов нет полного единогласия, это правда. Но факт этот представлен г. Михайловским, во-первых, неверно, а во-вторых, он доказывает не слабость, а именно силу и жизнеспособность русской социал-демократии. Дело в том, что последнее время характеризуется особенно тем, что к социал-демократическим воззрениям приходят социалисты разными путями и потому, соглашаясь безусловно в основном и главном положении, что Россия представляет из себя буржуазное общество, выросшее из крепостного уклада, что политическая его форма есть классовое государство и что единственный путь к прекращению эксплуатации трудящегося состоит в классовой борьбе пролетариата, — они по многим частным вопросам расходятся и в приемах аргументации и в детальных объяснениях тех или иных явлений русской жизни. Я могу поэтому наперед порадовать г. Михайловского таким заявлением, что и по тем, например, вопросам, которые были затронуты в этих беглых заметках, — о крестьянской реформе, об экономике крестьянского земледелия и кустарных промыслов, об аренде и т. п. — существуют, в пределах приведенного сейчас основного и общего всем социал-демократам положения, разные мнения. Единогласие людей, успокаивающихся на единомышленном признании «высоких истин» вроде того, что крестьянская реформа *могла бы* открыть России спокойные пути правильного развития, — государство *могло бы* призывать не представителей интересов капитализма, а «друзей народа», — община *могла бы* обобществить земледелие купно с обрабатывающей промышленностью, которую *мог бы* возвести к крупному производству кустарь, — *народная* аренда поддерживала *народное* хозяйство, — это умилительное и трогательное единогласие сменилось разногласием людей,

ищущих объяснения *действительной, данной* экономической организации России, как системы известных производственных отношений, объяснения ее *действительной* экономической эволюции, ее политических и иных всяких надстроек.

И если такая работа, приводя с разных точек зрения к признанию того общего положения, которое безусловно определяет и солидарную политическую деятельность и потому дает право и обязывает всех его принимающих считать и именовать себя **«СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТАМИ»**, — оставляет еще обширное поле разногласий по массе частных вопросов, решаемых в разном смысле, то это, конечно, доказывает только силу и жизненность русской социал-демократии ^[47].

При этом условия этой работы так плохи, что хуже трудно себе что-нибудь представить: нет и быть не может органа, который объединял бы отдельные работы; частные сношения при наших полицейских условиях крайне затруднены. Понятно, что социал-демократы не могут как следует сговориться и столкнуться о деталях, что они противоречат друг другу...

Не правда ли, как это в самом деле смешно?

В «полемике» г-на Кривенко с социал-демократами может породить недоумение то обстоятельство, что он толкует о каких-то «неомарксистах». Иной читатель подумает, что среди социал-демократов произошло нечто вроде раскола, что от старых социал-демократов отделились «неомарксисты». — Ничего подобного. Никто, нигде и никогда не выступал публично во имя марксизма с критикой теорий и программ русских социал-демократов, с защитой иного марксизма. Дело в том, что г. Кривенко и Михайловский наслушались разных салонных слухов про марксистов, посмотрелись на разных либералов, прикрывающих марксизмом свое либеральное пустоутробие, и с свойственным им остроумием и тактом принялись с таким багажом за «критику» марксистов. Неудивительно, что эта «критика» представляет из себя сплошную цепь курьезов и грязных выхонок.

«Чтобы быть последовательным, — рассуждает г. Кривенко, — нужно дать на это утвердительный ответ» (на вопрос: «не следует ли стараться о развитии капиталистической промышленности») и «не стесняться ни скупкой крестьянской земли, ни открытием лавок и кабаков», нужно «радоваться успеху многочисленных трактирщиков в думе, помогать еще более многочисленным скупщикам крестьянского хлеба».

Право, это совсем забавно. Попробуйте сказать такому «другу народа», что эксплуатация трудящегося в России повсюду является по своей сущности капиталистической, что деревенские хозяйственные мужики и скупщики должны быть причислены к представителям капитализма по таким-то и таким-то политико-экономическим признакам, доказывающим буржуазный характер крестьянского разложения, — он поднимет вопли, назовет это невероятной ересью, станет кричать о слепом заимствовании западно-европейских формул и абстрактных схем (обходя притом самым заботливым образом фактическое содержание «еретической» аргументации). А когда нужно разрисовать те «ужасы», которые несут с собой злые марксисты, — тогда можно оставить и в стороне возвышенную науку и чистые идеалы, тогда можно и признать, что скупщики крестьянского хлеба и крестьянской земли действительно представители капитализма, а не только «охотники» попользоваться чужим.

Попробуйте доказывать этому «другу народа», что русская буржуазия не только уже теперь повсюду держит в руках народный труд, вследствие концентрации у нее одной средств производства, но и давит на правительство, порождая, вынуждая и определяя буржуазный характер его политики, — он впадет совсем в неистовство, станет кричать о всемогуществе нашего правительства, о том, что оно только по роковому недоразумению и несчастной случайности «призывает» всё представителей интересов капитализма, а не «друзей народа», что оно искусственно насаждает капитализм... А под шумок сами должны признать именно за представителей капитализма трактирщиков в думе, т. е. один из элементов этого самого правительства, стоящего якобы над классами. Неужели, однако, господа, интересы капитализма представлены у нас в России в одной только «думе» и одними только «трактирщиками»?..

Что касается до грязных выхонок, то мы видели их слишком достаточно у г. Михайловского и встречаем опять у г. Кривенко, который, например, желая уничтожить ненавистный социал-демократизм, повествует о том, как «некоторые идут на заводы (когда, впрочем, представляются хорошие технические и конторские места), мотивируя свое поступление исключительно идеей ускорения капиталистического процесса». Конечно, нет нужды и отвечать на такие, совсем уже неприличные, вещи. Тут можно только поставить точку.

Продолжайте, господа, в том же духе, продолжайте смело! Императорское правительство — то самое, которое, как мы сейчас от вас слышали, приняло уже меры (хотя и с дефектами) для спасения народа от окончательного разорения, — примет для спасения вас от уличения в пошлости и невежестве меры, свободные уже от всяких дефектов. «Культурное общество» по-прежнему с охотой будет, в промежутке между пирогом с вязигой и зеленым столом, толковать о меньшем брате и сочинять гуманные проекты «улучшения» его положения; представители его с удовольствием узнают от вас, что, занимая места земских начальников или каких-нибудь там других смотрителей за крестьянским карманом, они проявляют развитое сознание гражданских потребностей и обязанностей. Продолжайте! Вам обеспечено не только спокойствие, но и одобрение и похвалы... устами господ [Бурениных](#).

В заключение не лишним будет, кажется, ответить на вопрос, который, вероятно, приходил в голову не одному уже читателю. Стоило ли так долго разговаривать с подобными господами? стоило ли по существу отвечать на этот поток либеральной и защищенной цензурой грязи, который они изволили именовать полемикой?

Мне кажется — стоило, не ради них, конечно, и не ради «культурной» публики, а ради того полезного урока, который могут и должны извлечь для себя из этого похода русские социалисты. Этот поход дает самое наглядное, самое убедительное доказательство того, что та пора общественного развития России, когда демократизм и социализм сливались в одно неразрывное, неразьединимое целое (как это было, например, в эпоху Чернышевского), безвозвратно канула в вечность. Теперь нет уже решительно никакой почвы для той идеи, — которая и до сих пор продолжает еще кое-где держаться среди русских социалистов, крайне вредно отзываясь и на их теориях и на их практике, — будто в России нет глубокого, качественного различия между идеями демократов и социалистов.

Совсем напротив: между этими идеями лежит целая пропасть, и русским социалистам давно бы пора понять это, понять **НЕИЗБЕЖНОСТЬ** и **НАСТОЯТЕЛЬНУЮ НЕОБХОДИМОСТЬ ПОЛНОГО И ОКОНЧАТЕЛЬНОГО РАЗРЫВА** с идеями демократов.

Посмотрим, в самом деле, чем он был, этот русский демократ, в те времена, которые породили указанную идею, и что он стал. «Друзья народа» дают нам достаточно материала для такой параллели.

Чрезвычайно интересна в этом отношении выходка г. Кривенко против г. [Струве](#), который выступил в одном немецком издании против утопизма г. Ник — она (его заметка — «К вопросу о капиталистическом развитии России», *Zur Beurtheilung der kapitalistischen Entwicklung Rußlands* — появилась в «*Sozialpolitisches Centralblatt*», III, № 1, от 2 октября 1893 г.). Г. Кривенко обрушивается на г. Струве за то, что тот относит будто бы к «национальному социализму» (который, по его словам, «чисто утопической природы») идеи тех, кто «стоит за общину и земельный надел». Это ужасное обвинение якобы в социализме приводит почтеннейшего автора совсем в ярость:

«Неужели, — восклицает он, — никого другого и не было (кроме Герцена, Чернышевского и народников), кто стоял за общину и земельный надел. А составители положения о крестьянах, положившие общину и хозяйственную самостоятельность крестьян в основу реформы, а исследователи нашей истории и современного быта, говорящие в пользу этих начал, а почти вся наша серьезная и порядочная печать, также стоящая за эти начала, — неужто все это жертвы заблуждения, называемого «национальным социализмом»?»

Успокойтесь, почтеннейший г. «друг народа»! Вы так испугались этого ужасного обвинения в социализме, что не дали себе даже труда внимательно прочесть «маленькую статейку» г. Струве. И в самом деле, какая бы это была вопиющая несправедливость обвинять в социализме тех, кто стоит «за общину и земельный надел»? Помилуйте, чего же здесь социалистического? Ведь социализмом называется протест и борьба против эксплуатации трудящегося, борьба, направленная на совершенное уничтожение этой эксплуатации, — а «стоять за надел» значит быть сторонником выкупа крестьянами всей земли, бывшей в их распоряжении. Даже если и не за выкуп стоять, а за беззастенчивое оставление за крестьянами всей земли, находившейся до реформы в их владении, — и тогда еще ровно ничего тут нет социалистического, потому что именно эта крестьянская собственность на землю (выработавшаяся в течение феодального периода) и была повсюду на Западе, как и у нас в России^[48], — основой буржуазного общества. «Стоять за общину» — т. е. протестовать против полицейского вмешательства в обычные приемы распределения земли, — чего тут социалистического, когда всякий знает, что эксплуатация трудящегося прекрасно уживается и зарождается внутри этой общины? Ведь это значит уж невозможно растягивать слово «социализм»: придется, пожалуй, и г. [Победоносцева](#) отнести к социалистам!

Г-н Струве вовсе не совершает такой ужасной несправедливости. Он говорит об «утопичности национального социализма» *народников*, а кого он относит к народникам, — видно из того, что он называет «Наши разногласия» Плеханова полемикой с народниками. Плеханов, несомненно, полемизировал с социалистами, с людьми, не имеющими ничего общего с «серьезной и порядочной» русской печатью. И потому г. Кривенко не имел никакого права отнести на свой счет то, что относится к народникам. Если же он желал непременно узнать мнение г. Струве о том направлении, которого он сам придерживается, — тогда я удивляюсь, почему он не обратил внимания и *не перевел для «Р. Богатства»* следующее место из статьи г. Струве:

«По мере того, как идет вперед капиталистическое развитие, — говорит автор, — только что описанное мирозерцание (народническое) должно терять почву. Оно либо выродится (*wird herabsinken*) в довольно бледное направление реформ, способное на компромиссы и ищущее компромиссов^[49], к чему имеются уже давно подающие надежду задатки, либо оно признает действительное развитие неизбежным и сделает те теоретические и практические выводы, которые необходимо отсюда проистекают, — другими словами, перестанет быть утопическим».

Если г. Кривенко не догадывается, где это имеются у нас задатки такого направления, которое только и способно на компромиссы, то я посоветовал бы ему оглянуться на «Русское Богатство», на теоретические воззрения этого журнала, представляющие из себя жалкую попытку склеить обрывки народнического учения с признанием капиталистического развития России, на политическую программу его, рассчитанную на улучшения и восстановления хозяйства мелких производителей на почве данных капиталистических порядков^[50].

Это вообще одно из наиболее характерных и знаменательных явлений нашей общественной жизни в последнее время — вырождение народничества в мещанский оппортунизм.

В самом деле, если мы возьмем содержание программы «Р. Б—ва», — все эти регулирования переселений и аренды, все эти дешевые кредиты, музеи, склады, улучшения техники, артели и общественные запашки, — то увидим, что она действительно пользуется громадным распространением во всей «серьезной и порядочной печати», т. е. во всей либеральной печати, не принадлежащей к крепостническим органам или к рептилиям. Идея о необходимости, полезности, настоятельности, «безвредности» всех этих мероприятий пустила глубокие корни во всей интеллигенции и получила чрезвычайно широкое распространение: вы встретите ее и в провинциальных листках и газетах, и во всех земских исследованиях, сборниках, описаниях и т. д., и т. д. Несомненно, что, ежели бы *это* принять за народничество, — успех громадный и неоспоримый.

Но только ведь это совсем не народничество (в старом, привычном значении слова), и успех этот и это громадное распространение вширь достигнуты ценой опошления народничества, ценой превращения социально-революционного народничества, резко оппозиционного нашему либерализму, в культурнический оппортунизм, сливающийся с этим либерализмом, выражающий только интересы мелкой буржуазии.

Чтобы убедиться в последнем, стоит обратиться к вышеприведенным картинкам разложения крестьян и кустарей, — а картинки эти вовсе не рисуют каких-нибудь единичных или новых фактов, а просто представляют попытку выразить политико-экономически ту «школу» «живоглотов» и «батраков», существование которой в нашей деревне не отрицается и противниками. Понятно, что «народнические» мероприятия в состоянии только усилить мелкую буржуазию; или же (артели и общественные запашки) должны представить из себя мизерные паллиативы, остаться жалкими экспериментами, которые с такой нежностью культивирует либеральная буржуазия везде в Европе по той простой причине, что самой «школы» они нисколько не затрагивают. По этой же причине против таких прогрессов не могут ничего иметь даже гг. [Ермоловы](#) и [Витте](#). Совсем напротив. Сделайте ваше одолжение, господа! Они вам даже денег дадут («на опыты») — лишь бы отвлечь «интеллигенцию» от революционной работы (подчеркивание антагонизма, выяснение его пролетариату, попытки вывести этот антагонизм на дорогу прямой политической борьбы) на подобное зашопывание антагонизма, примирение и объединение. Сделайте одолжение!

Остановимся несколько на том процессе, который вел к такому перерождению народничества. При самом своем возникновении, в своем первоначальном виде, теория эта обладала достаточной стройностью — исходя из представления об особом укладе народной жизни, она верила в коммунистические инстинкты «общинного» крестьянина и потому видела в крестьянстве прямого борца за социализм, — но ей недоставало теоретической разработки, подтверждения на фактах русской жизни, с одной стороны, и опыта в применении такой политической программы, которая бы основывалась на этих предполагаемых качествах крестьянина, — с другой.

Развитие теории и пошло в этих двух направлениях, в теоретическом и практическом. Теоретическая работа была направлена главным образом на изучение той формы *землевладения*, в которой хотели видеть задатки коммунизма; и эта работа дала разностороннейший и богатейший фактический материал. Но этот материал, касающийся преимущественно формы *землевладения*, совершенно загромоздил от исследователей *экономику* деревни. Произошло это тем естественнее, что, во-первых, у исследователей не было твердой теории о методе в общественной науке, теории, выясняющей необходимость выделения и особого изучения производственных отношений; а во-вторых, — собранный фактический материал давал прямые и непосредственные указания на ближайшие нужды крестьянства, на ближайшие бедствия, угнетающим образом действующие на крестьянское хозяйство. И все внимание исследователей сосредоточилось на изучении этих бедствий, малоземелья, высоких платежей, бесправия, забитости и загнанности крестьян. Все это было описано, изучено и разъяснено с таким богатством материала, с такими мельчайшими деталями, что, конечно, если бы наше государство было не классовым государством, если бы политика его направлялась не интересами правящих классов, а беспристрастным обсуждением «народных нужд», — оно тысячу раз должно бы убедиться в необходимости устранения этих бедствий. Наивные исследователи, верившие в возможность «переубедить» общество и государство, совершенно потонули в деталях собранных ими фактов и упустили из виду одно — политико-экономическую структуру деревни, упустили из виду основной фон того хозяйства, которое действительно угнеталось этими непосредственными ближайшими бедствиями. Результат получился, естественно, тот, что защита интересов хозяйства, угнетенного малоземельем и т. д., оказалась защитой интересов того класса, который держал в руках это хозяйство, который один только и мог держаться и развиваться при данных общественно-экономических отношениях *внутри* общины, при данной системе хозяйства страны.

Теоретическая работа, направленная на изучение того института, который должен бы послужить основанием и оплотом для устранения эксплуатации, привела к выработке такой программы, которая выражает собой интересы мелкой буржуазии, т. е. того именно класса, на котором и покоятся эти эксплуататорские порядки!

В то же время практическая революционная работа развивалась тоже совсем в неожиданном направлении. Вера в коммунистические инстинкты мужика, естественно, требовала от социалистов, чтобы они отодвинули политику и «шли в народ». За осуществление этой программы взялась масса энергичнейших и талантливых работников, которым на практике пришлось убедиться в наивности представления о коммунистических инстинктах мужика. Решено было, впрочем, что дело не в мужике, а в правительстве, — и вся работа была направлена на борьбу с правительством, борьбу, которую вели одни уже только интеллигенты и примыкавшие иногда к ним *рабочие*. Сначала эта борьба велась во имя социализма, опираясь на теорию, что народ готов для социализма и что простым захватом власти можно будет совершить не политическую только, а и социальную революцию. В последнее время эта теория, видимо, утрачивает уже всякий кредит, и борьба с правительством народолюбцев становится борьбой радикалов за политическую свободу.

И с другой стороны, следовательно, работа привела к результатам, прямо противоположным ее исходному пункту; и с другой стороны получилась программа, выражающая только интересы радикальной буржуазной демократии. Собственно говоря, процесс этот еще не завершился, но он определенно, кажется, уже вполне. Такое развитие народничества было совершенно естественно и неизбежно, так как в основе доктрины лежало чисто мифическое представление об особом укладе (общинном) крестьянского хозяйства: от прикосновения с действительностью миф рассеялся, и из крестьянского социализма получилось радикально-демократическое представительство мелкобуржуазного крестьянства.

«Я не говорю этим, конечно, — разъясняет он, — что Шмидт лучше этих господ, а говорю, благодаря чему он при всех прочих дефектах оставил все-таки более прочный след в данной местности и в населении. (Не говорю, что лучше, а говорю, что оставил более прочный след, — что это за ерунда?) Не говорю я также, что он сделал нечто важное, а, напротив, привожу сделанное им, как образчик самого крошечного, попутного и ничего ему не стоившего дела, но дела несомненно жизненного».

Оговорка, как видите, очень двусмысленная, но суть дела не в ее двусмысленности, а в том, что автор, противопоставляя безрезультатность одной деятельности успешности другой, и не подозревает, очевидно, коренного различия в направлении этих двух родов деятельности. В этом вся соль, делающая данный рассказ столь характерным для определения физиономии современного демократа.

Ведь эта молодежь, рассказывая мужику о «европейском устройстве и рабочих ассоциациях», хотела, очевидно, поднять этого мужика на переустройство форм общественной жизни (может быть, это заключение мое в данном случае и ошибочно, но всякий согласится, я думаю, что оно законно, так как неизбежно следует из вышеприведенного рассказа г. Кривенко), хотела поднять его на социальную революцию против современного общества, порождающего такую безобразную эксплуатацию и угнетение трудящегося — наряду с всеобщим ликованием по поводу всевозможных либеральных прогрессов. А «г. Шмидт», как истый хозяин, хотел только помочь другим хозяевам устроить свои хозяйские дела — и ничего больше. Ну, как же можно сравнивать, сопоставлять эти две деятельности, направленные в диаметрально противоположные стороны? Ведь это же все равно, как если бы кто-нибудь стал сравнивать неуспех деятельности лица, старавшегося разрушить данную постройку, с успехом деятельности того, кто хотел ее укрепить! Чтобы провести сравнение, имеющее некоторый смысл, надо было посмотреть, почему так неудачна была попытка этой молодежи, которая шла в народ, поднять крестьян на революцию, — не потому ли, что она исходила из ошибочного представления, будто именно «крестьянство» является представителем трудящегося и эксплуатируемого населения, тогда как на самом деле крестьянство не представляет из себя особого класса (— иллюзия, объяснимая разве только отраженным влиянием эпохи падения крепостного права, когда крестьянство действительно выступало как класс, но только как *класс* крепостнического общества), так как внутри его самого складываются классы буржуазии и пролетариата, — одним словом, нужно было разобрать старые социалистические теории и критику их социал-демократами. А г. Кривенко из кожи лезет, вместо этого, доказывая, что дело «господина Шмидта» — «дело несомненно жизненное». Да помилуйте, почтеннейший г. «друг народа», к чему вы ломитесь в отворенную дверь? кто же сомневается в этом? Устроить виноградник и получать с него 75—100 руб. дохода — что может быть в самом деле жизненнее?^[51]

И автор принимается разъяснять, что если один хозяин устроит у себя виноградник, — то это будет разрозненная деятельность, а если несколько хозяев — то обобщенная и распространенная деятельность, превращающая маленькое дело в настоящее, правильное, как,

например, [А. Н. Энгельгардт](#) не только у себя применял фосфориты, а и у других ввел фосфоритное производство.

Не правда ли, как этот демократ великолепен!

Еще пример возьмем из области суждений о крестьянской реформе. Как относился к ней демократ вышеуказанной эпохи нераздельности демократизма и социализма, Чернышевский? Не будучи в состоянии открыто заявлять свои мнения, он *молчал*, а обиняками характеризовал подготавливающую реформу таким образом:

«Предположим, что я был заинтересован принятием средств для сохранения провизии, из запаса которой составляете ваш обед. Само собой разумеется, что если я это делал собственно из расположения к вам, то моя ревность основывалась на предположении, что провизия принадлежит вам и что приготовляемый из нее обед здоров и выгоден для вас. Представьте же себе мои чувства, когда я узнаю, что провизия вовсе не принадлежит вам и что за каждый обед, приготовленный из нее, берутся с вас деньги, которых не только не стоит самый обед (это писано до реформы. А г. Южаковы теперь уверяют, что основной принцип ее обеспечить крестьян!), но которых вы вообще не можете платить без крайнего стеснения. Какие мысли приходят мне в голову при этих столь странных открытиях?.. Как я был глуп, что хлопотал о деле, для полезности которого не обеспечены условия! Кто кроме глупца может хлопотать о сохранении собственности в известных руках, не удостоверившись предварительно, что собственность достанется в эти руки и достанется на выгодных условиях? ... Лучше пропадай вся эта провизия, которая приносит только вред любимому мною человеку! Лучше пропадай все дело, которое приносит вам только разорение!»

Я подчеркиваю те места, которые рельефнее показывают глубокое и превосходное понимание Чернышевским современной ему действительности, понимание того, что такое крестьянские платежи, понимание антагонистичности русских общественных классов. Важно отметить также, что подобные чисто революционные идеи он умел излагать в подцензурной печати. В нелегальных своих произведениях он писал то же самое, но только без обиняков. В «Прологе к прологу» Волгин (в уста которого Чернышевский вкладывает свои мысли) говорит:

«Пусть дело освобождения крестьян будет передано в руки помещичьей партии. Разница не велика»^[52], и на замечание собеседника, что, напротив, разница колоссальная, так как помещичья партия против наделения крестьян землей, он решительно отвечает:

«Нет, не колоссальная, а ничтожная. Была бы колоссальная, если бы крестьяне получили землю без выкупа. Взять у человека вещь или оставить ее человеку — разница, но взять с него плату за нее — все равно. План помещичьей партии разнится от плана прогрессистов только тем, что проще, короче. Поэтому он даже лучше. Меньше проволочек, вероятно, меньше и обременения для крестьян. У кого из крестьян есть деньги, тот купит себе землю. У кого их нет — так нечего и обязывать покупать ее. Это будет только разорять их. Выкуп — та же покупка».

Нужна была именно гениальность Чернышевского, чтобы тогда, в эпоху самого совершения крестьянской реформы (когда еще не была достаточно освещена она даже на Западе), понимать с такой ясностью ее основной буржуазный характер, — чтобы понимать, что уже тогда в русском «обществе» и «государстве» царили и правили общественные классы, бесповоротно враждебные трудящемуся и безусловно предопределявшие разорение и экспроприацию крестьянства. И при этом Чернышевский понимал, что существование правительства, прикрывающего наши антагонистические общественные отношения, является страшным злом, особенно ухудшающим положение трудящихся.

«Если сказать правду, — продолжает Волгин, — пусть лучше будут освобождены без земли». (То есть если так сильны у нас крепостники-помещики, пусть лучше выступают они открыто, прямо и договаривают до конца, чем прятать эти же крепостнические интересы под компромиссами лицемерного абсолютного правительства.)

«Вопрос поставлен так, что я не нахожу причин горячиться даже из-за того, будут или не будут освобождены крестьяне; тем меньше из-за того, кто станет освобождать их, либералы или помещики. По-моему, все равно. Помещики даже лучше».

Из «Писем без адреса»: *«Толкуют: освободить крестьян... Где силы на такое дело? Еще нет сил. Нельзя приниматься за дело, когда нет сил на него. А видите, к чему идет: станут освобождать. Что выйдет — судите сами, что выходит, когда берешься за дело, которого не можешь сделать. Испортишь дело — выйдет мерзость».*

Чернышевский понимал, что русское крепостническо-бюрократическое государство не в силах освободить крестьян, т. е. ниспровергнуть крепостников, что оно только и в состоянии произвести «мерзость», жалкий компромисс интересов либералов (выкуп — та же покупка) и помещиков, компромисс, надувающий крестьян призраком обеспечения и свободы, а на деле разоряющий их и выдающий с головой помещикам. И он протестовал, проклинал реформу, желая ей неуспеха, желая, чтобы правительство запуталось в своей эквилибристике между либералами и помещиками и получился крах, который бы вывел Россию на дорогу открытой борьбы классов.

А наши современные «демократы» *теперь* — когда гениальные провидения Чернышевского стали фактом, когда 30-летняя история беспощадно опровергла всяческие экономические и политические иллюзии — славословят по поводу реформы, усматривают в ней санкцию «народного» производства, ухитряются почерпнуть из нее доказательство возможности какого-то такого пути, который бы обошел враждебные трудящемуся общественные классы. Повторяю, отношение к крестьянской реформе — самое наглядное доказательство того, как наши демократы глубоко обуржуазились. Эти господа ничему не научились, а забыли они очень и очень многое.

Для параллели возьму «Отечественные Записки» за 1872 г. Я приводил уже выше выписки из статьи «Плутократия и ее основы» насчет тех успехов по части либерализма (прикрывавшего собой плутократические интересы), которые сделало русское общество в первое же десятилетие после «великой освободительной» реформы.

Если раньше часто попадались люди, — писал тот же автор в той же статье, — хныкавшие по поводу реформ и оплакивавшие старину, то теперь уж таких нет. «Всем понравились новые порядки, все смотрят весело и спокойно», и автор показывает далее, как и литература «сама делается органом плутократии», проводя плутократические интересы и вождения «под покровом демократизма». Всмотритесь повнимательнее в это рассуждение. Автор недоволен тем, что «все» довольны новыми порядками, созданными реформой, что «все» (представители «общества» и «интеллигенции», конечно, а не трудящиеся) веселы и спокойны, несмотря на очевидные, антагонистические, буржуазные свойства этих новых порядков: публика не замечает, что либерализм прикрывает только «свободу приобретения», и,

разумеется, приобретения на счет массы трудящихся и в ущерб ей. И он протестует. Именно этот протест, характерный для социалиста, и ценен в его рассуждении. Заметьте, что этот протест против прикрытого демократизмом плутократизма противоречит общей теории журнала: они ведь отрицают какие бы то ни было буржуазные моменты, элементы и интересы в крестьянской реформе, отрицают классовый характер русской интеллигенции и русского государства, отрицают существование почвы для капитализма в России — и тем не менее не могут не чувствовать, не осязать капитализма и буржуазности. И поскольку «Отечественные Записки», чувствуя антагонистичность русского общества, воевали с буржуазными либерализмом и демократизмом, — постольку они делали дело, общее всем нашим первым социалистам, которые хотя и не умели понять этой антагонистичности, но сознавали ее и хотели бороться против самой организации общества, порождавшей антагонистичность; — постольку «Отечественные Записки» были прогрессивны (разумеется, с точки зрения пролетариата). «Друзья народа» забыли об этой антагонистичности, утратили всякое чутье того, как «под покровом демократизма» и у нас, на святой Руси, прячутся чистокровные буржуа; и потому теперь они реакционны (по отношению к пролетариату), так как замазывают антагонизм, толкуют не о борьбе, а о примирительной культурнической деятельности.

Неужели, однако, господа, российский яснолюбый либерал, демократический представитель плутократии в 60-х годах, перестал быть идеологом буржуазии в 90-х годах только оттого, что его чело подернулось дымкой гражданской скорби?

Неужели «свобода приобретения» в крупных размерах, свобода приобретения крупного кредита, крупных капиталов, крупных технических улучшений перестает быть либеральной, т. е. буржуазной, при неизменности данных общественно-экономических отношений, только оттого, что она заменяется свободой приобретения мелкого кредита, мелких капиталов, мелких технических улучшений?

Повторяю, они не то чтобы перешли к другому мнению под влиянием радикальной перемены взглядов или радикального переворота наших порядков. Нет, они просто забыли.

Утратив эту единственную черту, которая делала некогда их предшественников прогрессивными, несмотря на всю несостоятельность их теорий, несмотря на наивно-утопическое воззрение на действительность, «друзья народа» за весь этот промежуток времени ровно ничему не научились. А между тем, даже независимо от политико-экономического анализа русской действительности, одна уже политическая история России за эти 30 лет должна бы научить их многому.

Тогда, в эпоху 60-х годов, сила крепостников была надломлена: они потерпели, правда, не окончательное, но все же такое решительное поражение, что должны были ступать со сцены. Либералы, напротив, подняли голову. Полились либеральные фразы о прогрессе, науке, добре, борьбе с неправдой, о народных интересах, народной совести, народных силах и т. д., и т. д. — те самые фразы, которыми и теперь, в минуты особого уныния, тошнит наших радикальных нытиков в их салонах, наших либеральных фразеров на их юбилейных обедах, на страницах их журналов и газет. Либералы оказались настолько сильны, что переделали «новые порядки» по-своему, — далеко не совсем, конечно, но в изрядной мере. Хотя и тогда не было на Руси «ясного света открытой классовой борьбы», но все-таки было посветлее теперешнего, так что даже те идеологи трудящегося класса, которые понятия не имели об этой классовой борьбе, которые предпочитали мечтать о лучшем будущем, чем *объяснять* мерзкое настоящее, даже они не могли не видеть, что за либерализмом прячется плутократия, что эти новые порядки — порядки буржуазные. Именно устранение со сцены крепостников, не отвлекавших внимание на еще более вопиющие злобы дня, не мешавших рассматривать новые порядки в чистом (сравнительно) виде, и позволяло рассмотреть это. Но тогдашние наши демократы, умея осуждать плутократический либерализм, не умели, однако, понять и научно объяснить его, не умели понять его необходимости при капиталистической организации нашего общественного хозяйства, не умели понять прогрессивности этого нового уклада жизни сравнительно со старым, крепостническим, не умели понять революционной роли порождаемого им пролетариата — и ограничивались «фырканием» на эти порядки «свободы» и «гуманности», считали буржуазность какой-то случайностью, ждали, что должны еще в «народном строе» открыться другие какие-то общественные отношения.

И вот, история показала им эти другие общественные отношения. Крепостники, не совсем добитые реформой, так безобразно изуродованной их интересами, ожили (на час) и показали наглядно, каковы эти другие наши общественные отношения, помимо буржуазных, показали в форме такой разнузданной, невероятно бессмысленной и зверской реакции, что наши демократы струсили, присели, вместо того, чтобы идти вперед, перерабатывая свой наивный демократизм, умевший чувствовать буржуазность, но не умевший понять ее, в социал-демократизм, — пошли назад, к либералам, и гордятся теперь тем, что их нытье.., т. е., я хотел сказать, их теории и программы разделяет «вся серьезная и порядочная печать». Казалось бы, урок был очень внушительный: становилась слишком очевидной иллюзия старых социалистов об особом укладе народной жизни, о социалистических инстинктах народа, о случайности капитализма и буржуазии, казалось бы, можно уже прямо взглянуть на действительность и открыто признать, что никаких других общественно-экономических отношений кроме буржуазных и отживающих крепостнических в России не было и нет, что поэтому не может быть и иного пути к социализму, как через рабочее движение. Но эти демократы ничему не научились, и наивные иллюзии мещанского социализма уступили место практичной трезвости мещанских прогрессов.

Теперь теории этих идеологов мещанства, когда они выступают в качестве представителей интересов трудящихся, прямо реакционны. Они замазывают антагонизм современных русских общественно-экономических отношений, рассуждая так, как будто бы делу можно помочь общими, на всех рассчитанными мероприятиями по «подъему», «улучшению» и т. д., как будто бы можно было примирить и объединить. Они — реакционны, изображая наше государство чем-то над классами стоящим и потому годным и способным оказать какую-нибудь серьезную и честную помощь эксплуатируемому населению.

Они реакционны потому, наконец, что абсолютно не понимают необходимости борьбы и борьбы отчаянной самих трудящихся для их освобождения. У «друзей народа», например, так выходит, что они и сами всё, пожалуй, устроить могут. Рабочие могут быть спокойны. Вон в редакцию «Р. Б.—ва» уж и техник пришел, и они чуть было совсем не разработали одну из «комбинаций» по «введению капитализма в народную жизнь». Социалисты должны **РЕШИТЕЛЬНО** и **ОКОНЧАТЕЛЬНО** разорвать со всеми мещанскими идеями и теориями — **ВОТ ГЛАВНЫЙ ПОЛЕЗНЫЙ УРОК**, который должен быть извлечен из этого похода.

Прошу заметить, что я говорю о разрыве с мещанскими идеями, а не с «друзьями народа» и не с их идеями — потому что не может быть разрыва с тем, с чем не было никогда связи. «Друзья народа» — только одни из представителей одного из направлений этого сорта мещанско-социалистических идей. И если я по поводу данного случая делаю вывод о необходимости разрыва с мещанско-социалистическими идеями, с идеями старого русского крестьянского социализма *вообще*, то это потому, что настоящий поход против марксистов-представителей старых идей, напуганных ростом марксизма, побудил их особенно полно и рельефно обрисовать мещанские идеи. Сопоставляя эти идеи с современным социализмом, с современными данными о русской действительности, мы с поразительной

наглядностью видим, до какой степени выдохлись эти идеи, как потеряли они всякую цельную теоретическую основу, спустившись до жалкого эклектизма, до самой джожинной культурническо-оппортунистской программы. Могут сказать, что это — вина не старых идей социализма вообще, а только данных господ, которых никто ведь и не причисляет к социалистам; но подобное возражение кажется мне совершенно несостоятельным. Я везде старался показать необходимость такого вырождения старых теорий, везде старался уделять возможно меньше места критике этих господ в частности и возможно больше — общим и основным положениям старого русского социализма. И если социалисты нашли бы, что эти положения изложены мною неверно или неточно или недоговорены, то я могу ответить только покорнейшей просьбой: пожалуйста, господа, изложите их сами, договорите их как следует!

Право, никто более социал-демократов не был бы рад возможности вести полемику с социалистами.

Неужели вы думаете, что нам приятно отвечать на «полемику» подобных господ и что мы взяли бы за это, не будь с их стороны прямого, настоятельного и резкого вызова?

Неужели вы думаете, что нам не приходится делать над собой усилий, чтобы читать, перечитывать и вчитываться в это отвратительное соединение казенно-либеральных фраз с мещанской моралью?

Но ведь не мы же виноваты в том, что за обоснование и изложение таких идей берутся теперь лишь подобные господа. Прошу заметить также, что я говорю о необходимости разрыва с мещанскими идеями *социализма*. Разобранные мелкобуржуазные теории являются **БЕЗУСЛОВНО** реакционными, **ПОСКОЛЬКУ** они выступают в качестве социалистических теорий.

Но если мы поймем, что на самом деле ровно ничего социалистического тут нет, т. е. все эти теории безусловно не объясняют эксплуатации трудящегося и потому абсолютно не способны послужить для его освобождения, что на самом деле все эти теории отражают и проводят интересы мелкой буржуазии, — тогда мы должны будем иначе отнестись к ним, должны будем поставить вопрос: *как следует отнестись рабочему классу к мелкой буржуазии и ее программам?* И на этот вопрос нельзя ответить, не приняв во внимание двойственный характер этого класса (у нас в России эта двойственность особенно сильна вследствие меньшей развитости антагонизма мелкой и крупной буржуазии). Он является прогрессивным, поскольку выставляет общедемократические требования, т. е. борется против каких бы то ни было остатков средневековой эпохи и крепостничества; он является реакционным, поскольку борется за сохранение своего положения, как мелкой буржуазии, стараясь задержать, повернуть назад общее развитие страны в буржуазном направлении. Подобные реакционные требования, вроде, например, пресловутой неотчуждаемости наделов, как и многие другие прожекты опеки над крестьянством, прячутся обыкновенно под благовидный предлог защиты трудящихся; но на деле они, разумеется, только ухудшают их положение, затрудняя в то же время борьбу их за свое освобождение. Эти две стороны мелкобуржуазной программы следует строго различать и, отрицая какой бы то ни было социалистический характер этих теорий, борясь против их реакционных сторон, не следует забывать об их демократической части. Поясно на примере, каким образом полное отрицание мещанских теорий марксистами не только не исключает демократизма в их программе, а, напротив, требует еще более настоятельного настаивания на нем. Выше указаны были три основных положения, на которых выезжали всегда представители мещанского социализма в своих теориях, — малоземелье, высокие платежи, гнет администрации.

Социалистического ровно ничего нет в требовании устранения этих зол, ибо они нимало не объясняют экспроприации и эксплуатации, и устранение их нимало не затронет гнета капитала над трудом. Но устранение их очистит этот гнет от усиливающих его средневековых ветошек, облегчит рабочему прямую борьбу против капитала и потому в качестве демократического требования встретит самую энергичную поддержку рабочих. Платежи и налоги — это, говоря вообще, такой вопрос, которому в состоянии придавать особую важность только мелкие буржуа, но у нас платежи с крестьян представляют из себя во многих отношениях простое переживание крепостничества: таковы, например, выкупные платежи, которые должны быть немедленно и безусловно отменены; таковы те налоги, которые падают только на крестьян и мещан и от которых свободны «благородные». Социал-демократы всегда поддержат требование устранения этих остатков средневековых отношений, обуславливающих экономический и политический застой. То же самое следует сказать о малоземелье. Я уже много останавливался выше на доказательстве буржуазного характера воплей о нем. Несомненно, однако, что, например, крестьянская реформа отрезками землю прямо ограбила крестьян в пользу помещиков, сослужив службу этой громадной реакционной силе и непосредственно (отхватываям крестьянской земли) и косвенно (искусным отмежеванием наделов). И социал-демократы будут самым энергичным образом настаивать на немедленном возвращении крестьянам отнятой от них земли, на полной экспроприации помещичьего землевладения — этого оплота крепостнических учреждений и традиций. Этот последний пункт, совпадающий с национализацией земли, не заключает в себе ничего социалистического, потому что складывающиеся уже у нас фермерские отношения только быстрее и пышнее расцвели бы при этом, но он крайне важен в демократическом смысле, как единственная мера, которая могла бы окончательно сломить благородных помещиков. Наконец, говорить о бесправии крестьян, как причине экспроприации и эксплуатации крестьян, могут, конечно, только гг. Южаковы и В. В., но гнет администрации над крестьянством не только несомненен, а представляет из себя не простой гнет, а прямое третирование крестьян, как «подлой черни», которой свойственно быть в подчинении у благородных помещиков, для которой пользование общими гражданскими правами дается только в виде особой милости (переселения^[53], например), которой всякий помпадур может распорядиться как людьми, запертыми в рабочий дом. И социал-демократы безусловно примыкают к требованию полного восстановления крестьянства в гражданских правах, полной отмены всяких привилегий дворянства, уничтожения бюрократической опеки над крестьянством и предоставления ему самоуправления.

Вообще, русским коммунистам, последователям марксизма, более чем каким-нибудь другим, следует именовать себя **СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТАМИ** и никогда не забывать в своей деятельности громадной важности **ДЕМОКРАТИЗМА**^[54].

В России остатки средневековых, полукрепостнических учреждений так бесконечно еще сильны (сравнительно с Западной Европой), они таким гнетущим яром лежат на пролетариате и на народе вообще, задерживая рост политической мысли во всех сословиях и классах, — что нельзя не настаивать на громадной важности для рабочих борьбы против всяких крепостнических учреждений, против абсолютизма, сословности, бюрократии. Рабочим необходимо со всей подробностью показать, какую страшную реакционную силу представляют из себя эти учреждения, как усиливают они гнет капитала над трудом, как унижающе давят на трудящихся, как задерживают капитал в его средневековых формах, не уступающих новейшим, индустриальным, по эксплуатации труда, но прибавляющих к этой эксплуатации страшные трудности борьбы за освобождение. Рабочие должны знать, что без ниспровержения этих столпов реакции^[55] им не будет никакой возможности вести успешную борьбу с буржуазией, так как при существовании их русскому сельскому пролетариату, поддержка которого — необходимое условие для победы рабочего класса, никогда не выйти из положения забитого, загнанного лода, способного

только на тупое отчаяние, а не на разумный и стойкий протест и борьбу. И потому борьба рядом с радикальной демократией против абсолютизма и реакционных сословий и учреждений — прямая обязанность рабочего класса, которую и должны внушать ему социал-демократы, не опуская ни на минуту в то же время внушать ему, что борьба против всех этих учреждений необходима лишь как средство для облегчения борьбы против буржуазии, что осуществление общедемократических требований необходимо рабочему лишь как расчистка дороги, ведущей к победе над главным врагом трудящихся — чисто демократическим по своей природе учреждениям, *капиталом*, который у нас в России особенно склонен жертвовать своим демократизмом, вступать в союз с реакционерами для того, чтобы придавить рабочих, чтобы сильнее затормозить появление рабочего движения.

Изложенное достаточно определяет, кажется, отношение социал-демократов к абсолютизму и политической свободе, а также отношение их к особенно усиливающемуся в последнее время течению, направленному к «объединению» и «союзу» всех фракций революционеров для завоевания политической свободы⁹⁰.

Это — довольно оригинальное и характерное течение.

Оригинально оно тем, что предложения «союза» исходят не от определенной группы или определенных групп с определенными программами, сходящимися в том-то и том-то. Будь это так, вопрос о союзе был бы вопросом каждого отдельного случая, вопросом конкретным, решаемым представителями объединяемых групп. Тогда не могло бы и быть особого «объединительного» течения. Но таковое имеется и исходит просто от людей, которые от старого отстали, а к новому ни к чему не пристали: та теория, на которую опирались до сих пор борцы с абсолютизмом, видимо, рушится, разрушая и те условия солидарности и организованности, которые необходимы для борьбы. И вот господа «объединители» и «союзники» думают, должно быть, что такую теорию легче всего создать, сведя всю ее к протесту против абсолютизма и требованию политической свободы, обходя все остальные социалистические и несоциалистические вопросы. Понятно, что это наивное заблуждение неминуемо опровергнет себя при первых же попытках подобного объединения.

Но характерно это «объединительное» течение потому, что выражает собой одну из последних стадий того процесса превращения боевого, революционного народничества в политически-радикальный демократизм, который (процесс) я старался наметить выше. Прочное объединение всех не социал-демократических революционных групп под указанным знаменем возможно будет только тогда, когда выработается прочная программа *демократических* требований, покончившая с предрассудками старого русского самобытничества. Создание подобной демократической партии социал-демократы считают, конечно, полезным шагом вперед, и их работа, направленная против народничества, должна содействовать этому, содействовать искоренению всяких предрассудков и мифов, группировке социалистов под знамя марксизма и образованию остальными группами демократической партии.

И с этой партией, конечно, не могло бы быть «объединения» у социал-демократов, считающих необходимой самостоятельную организацию рабочих в особую рабочую партию, — но рабочие оказали бы самую энергичную поддержку всякой борьбе демократов против реакционных учреждений.

Вырождение народничества в самую дюжинную теорию мелкобуржуазного радикализма, — о котором (вырождении) с такой наглядностью свидетельствуют «друзья народа», — показывает нам, какую громадную ошибку делают те, кто несет рабочим идею борьбы с абсолютизмом, не выясняя им в то же время антагонистического характера наших общественных отношений, в силу которого за политическую свободу стоят и идеологи буржуазии, — не выясняя им исторической роли русского рабочего, как борца за освобождение всего трудящегося населения.

Социал-демократов любят упрекать в том, что они хотят будто бы взять в свое исключительное пользование теорию Маркса, тогда как, дескать, экономическая теория его принимается всеми социалистами. Но спрашивается, какой же смысл разъяснять рабочим форму стоимости, сущность буржуазных порядков и революционную роль пролетариата, если у нас в России эксплуатация трудящегося объясняется вообще и повсюду совсем не буржуазной организацией общественного хозяйства, — а, хотя бы, малоземельем, платежами, гнетом администрации?

Какой смысл разъяснять рабочим теорию классово-борьбы, если эта теория не может объяснить даже его отношений к фабриканту (наш капитализм искусственно насажден правительством), не говоря уже о массе «народа», не принадлежащего к сложившемуся, классу фабричных рабочих?

Каким образом можно принять экономическую теорию Маркса с ее выводом — о революционной роли пролетариата, как организатора коммунизма при посредстве капитализма, когда у нас хотят искать путей к коммунизму помимо капитализма и создаваемого им пролетариата?

Очевидно, что при подобных условиях призыв рабочего к борьбе за политическую свободу будет равносильным призыву его таскать из огня кашпаны для передовой буржуазии, потому что нельзя отрицать (характерно, что даже народники и народолюбцы не отрицали этого), что политическая свобода послужит прежде всего интересам буржуазии, давая рабочим не облегчение их положения, а только... только облегчение условий борьбы... *с этой самой буржуазией*. Я говорю это против тех социалистов, которые, не принимая теории социал-демократов, обращают, однако, свою агитацию на рабочую среду, убедившись эмпирически, что только в ней можно найти революционные элементы. Эти социалисты ставят свою теорию в противоречие с практикой и делают крайне серьезную ошибку, отвлекая рабочих от их прямой задачи — **ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ**^[56].

Ошибка эта естественно возникла тогда, когда классовые антагонизмы буржуазного общества были совершенно еще не развиты, подавленные крепостничеством, когда это последнее порождало солидарный протест и борьбу всей интеллигенции, создавая иллюзию об особом демократизме нашей интеллигенции, об отсутствии глубокой розни между идеями либералов и социалистов. Теперь, — когда экономическое развитие настолько ушло вперед, что даже люди, отрицавшие прежде почву для капитализма в России, признают, что мы вступили именно на капиталистический путь развития, — теперь никакие иллюзии на этот счет уже невозможны. Состав «интеллигенции» обрисовывается так же ясно, как и состав общества, занятого производством материальных ценностей: если в последнем царит и правит капиталист, то в первой задает тон все быстрее и быстрее растущая орава карьеристов и наемников буржуазии, — «интеллигенция» довольная и спокойная, чуждая каких бы то ни было бредней и хорошо знающая, чего она хочет. Наши радикалы и либералы не только не отрицают этого факта, а, напротив, усиленно подчеркивают его, надсаживаясь над доказательствами безнравственности этого, над осуждением, усилиями разгромить, пристыдить... и уничтожить. Эти наивные претензии *устыдить* буржуазную интеллигенцию за ее

буржуазность так же смешны, как стремления мещанских экономистов напугать нашу буржуазию (ссылаясь на опыт «старших братьев») тем, что она идет к разорению народа, к нищете, безработице и голоданию масс; этот суд над буржуазией и ее идеологами напоминает тот суд над шукой, который порешил бросить ее в реку. За этими пределами начинается либеральная и радикальная «интеллигенция», которая изливает бесчисленное количество фраз о прогрессе, науке, правде, народе и т. п., которая любит плакать о 60-х годах, когда не было раздоров, упадка, уныния и апатии, и все сердца горели демократизмом.

Со свойственной им наивностью, эти господа никак не хотят понять, что тогдашняя солидарность вызывалась тогдашними материальными условиями, которые не могут вернуться: крепостное право стесняло одинаково всех — и крепостного бурмистра, накопившего деньжонок и желавшего пожить в свое удовольствие, и хозяйственного мужика, ненавидевшего барина за поборы, вмешательство и отрывание от хозяйства, и пролетария-дворового и обедневшего мужика, которого продавали в кабалу купцу; от него страдали и купец-фабрикант и рабочий, и кустарь и мастерок. Между всеми этими людьми только та связь и была, что все они были враждебны крепостничеству: за пределами этой солидарности начинался самый резкий хозяйственный антагонизм. До какой же степени надо убаюкивать себя сладкими мечтами, чтобы и по сию пору не видеть этого антагонизма, который получил такое громадное развитие; чтобы плакаться о возвращении времен солидарности, когда действительность требует борьбы, требует, чтобы всякий, кто не хочет быть **ВОЛЬНЫМ** или **НЕВОЛЬНЫМ** приспешником буржуазии, становился на сторону пролетариата.

Если вы не поверите на слово пышным фразам о «народных интересах» и попынете копнуть поглубже, — то увидите, что имеете перед собой чистейших идеологов мелкой буржуазии, мечтающей об улучшении, поддержке и восстановлении своего («народного» на их языке) хозяйства посредством разных невинных прогрессов и не способной абсолютно понять того, что на почве данных производственных отношений все эти прогрессы только глубже и глубже будут пролетаризировать массы. «Друзьям народа» нельзя не быть благодарным за то, что они много посдействовали уяснению классового характера нашей интеллигенции и тем подкрепили теорию марксистов о мелкобуржуазности наших мелких производителей; они неизбежно должны ускорить вымирание старых иллюзий и мифов, так долго смущавших русских социалистов. «Друзья народа» так захватили, истаскали и испачкали эти теории, что русским социалистам, державшимся этих теорий, неминуемо предстоит дилемма — либо пересмотреть заново эти теории, либо откинуть их совершенно, предоставив их в исключительное пользование господ, которые с самодовольным торжеством оповещают *urbi et orbi*^[57] о покупке улучшенных орудий крестьянскими богатеями, — которые с серьезным видом уверяют вас, что необходимо приветствовать людей, которым надоело сидеть за зелеными столами. И в подобном смысле толкуют они о «народном строе» и «интеллигенции» не только серьезно, а и с претенциозными колоссальными фразами о широких идеалах, об идеальной постановке вопросов жизни!..

Социалистическая интеллигенция только тогда может рассчитывать на плодотворную работу, когда покончит с иллюзиями и станет искать опоры в действительном, а не желательном развитии России, в действительных, а не возможных общественно-экономических отношениях. **ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ** работа ее должна будет при этом направиться на конкретное изучение всех форм экономического антагонизма в России, изучение их связи и последовательного развития; она должна вскрыть этот антагонизм везде, где он прикрыт политической историей, особенностями правовых порядков, установившимися теоретическими предрассудками. Она должна дать цельную картину нашей действительности, как определенной системы производственных отношений, показать необходимость эксплуатации и экспроприации трудящихся при этой системе, показать тот выход из этих порядков, на который указывает экономическое развитие.

Эта теория, основанная на детальном и подробном изучении русской истории и действительности, должна дать ответ на запросы пролетариата, — и если она будет удовлетворять научным требованиям, то всякое пробуждение протестующей мысли пролетариата неизбежно будет приводить эту мысль в русло социал-демократизма. Чем дальше будет подвигаться вперед выработка этой теории, тем быстрее будет расти социал-демократизм, так как самые хитроумные оберегатели современных порядков не в силах помешать пробуждению мысли пролетариата, не в силах потому, что самые эти порядки необходимо и неизбежно влекут за собой все сильнейшую экспроприацию производителей, все больший рост пролетариата и резервной его армии — и это наряду с прогрессом общественного богатства, с громадным ростом производительных сил и обобществлением труда капитализмом. Как ни много осталось еще сделать для выработки такой теории, но порукой за то, что социалисты исполняют эту работу, служит распространение среди них материализма, единственно научного метода, требующего, чтобы всякая программа была точной формулировкой действительного процесса, порукой служит успех социал-демократии, принимающей эти идеи, — успех, до того взбудораживший наших либералов и демократов, что их толстые журналы, по замечанию одного марксиста, перестали быть скучными.

Этим подчеркиванием необходимости, важности и громадности теоретической работы социал-демократов я вовсе не хочу сказать, чтобы эта работа ставилась на первое место перед **ПРАКТИЧЕСКОЙ**^[58], — тем менее, чтобы вторая откладывалась до окончания первой. Так могли бы заключить только поклонники «субъективного метода в социологии» или последователи утопического социализма. Конечно, если задача социалистов полагается в том, чтобы искать «иных (помимо действительных) путей развития» страны, тогда естественно, что практическая работа становится возможной лишь тогда, когда гениальные философы откроют и покажут эти «иные пути»; и наоборот, открыты и показаны эти пути — кончается теоретическая работа и начинается работа тех, кто должен направить «отечество» по «вновь открытому» «иному пути». Совсем иначе обстоит дело, когда задача социалистов сводится к тому, чтобы быть идейными руководителями пролетариата в его действительной борьбе против действительных настоящих врагов, стоящих на *действительном* пути данного общественно-экономического развития. При этом условии теоретическая и практическая работа сливаются вместе, в одну работу, которую так метко охарактеризовал ветеран германской социал-демократии [Либкнехт](#) словами:

Studieren, Propagandieren, Organisieren^[59].

Нельзя быть идейным руководителем без вышеуказанной теоретической работы, как нельзя быть им без того, чтобы направлять эту работу по запросам дела, без того, чтобы пропагандировать результаты этой теории среди рабочих и помогать их организации.

Эта постановка задачи гарантирует социал-демократию от тех недостатков, от которых так часто страдают группы социалистов, — от догматизма и сектаторства.

Не может быть догматизма там, где верховным и единственным критерием доктрины ставится — соответствие ее с действительным

процессом общественно-экономического развития; не может быть секторства, когда задача сводится к содействию организации пролетариата, когда, следовательно, роль «интеллигенции» сводится к тому, чтобы сделать ненужными особых, интеллигентных руководителей.

Поэтому, несмотря на наличие разногласий среди марксистов по разным теоретическим вопросам, приемы их политической деятельности оставались с самого возникновения группы и остаются до сих пор прежними.

Политическая деятельность социал-демократов состоит в том, чтобы содействовать развитию и организации рабочего движения в России, преобразованию его из теперешнего состояния разрозненных, лишенных руководящей идеи попыток протеста, «бунтов» и стачек в организованную борьбу **ВСЕГО** русского рабочего **КЛАССА**, направленную против буржуазного режима и стремящуюся к экспроприации экспроприаторов, к уничтожению тех общественных порядков, которые основаны на угнетении трудящегося. Основой этой деятельности служит общее убеждение марксистов в том, что русский рабочий — единственный и естественный представитель всего трудящегося и эксплуатируемого населения России^[60].

Естественный — потому, что эксплуатация трудящегося в России *повсюду является по сущности своей капиталистической*, если опустить вымирающие остатки крепостнического хозяйства; но только эксплуатация массы производителей мелка, раздроблена, неразвита, тогда как эксплуатация фабрично-заводского пролетариата крупна, обобществлена и концентрирована. В первом случае — эксплуатация эта еще опутана средневековыми формами, разными политическими, юридическими и бытовыми привесками, уловками и ухищрениями, которые мешают трудящемуся и его идеологу видеть сущность тех порядков, которые дают на трудящегося, видеть, где и как возможен выход из них. Напротив, в последнем случае эксплуатация уже совершенно развита и выступает в своем чистом виде без всяких запутывающих дело частностей. Рабочий не может не видеть уже, что гнетет его *капитал*, что вести борьбу приходится с классом буржуазии. И эта борьба его, направленная на достижение ближайших экономических нужд, на улучшение своего материального положения, — неизбежно требует от рабочих организации, неизбежно становится войной не против личности, а против класса, того самого класса, который не на одних фабриках и заводах, а везде и повсюду гнетет и давит трудящегося. Вот почему фабрично-заводский рабочий является не более как передовым представителем всего эксплуатируемого населения, и для того, чтобы он осуществил свое представительство в организованной, выдержанной борьбе, — требуется совсем не увлечение его какими-нибудь «перспективами»; для этого требуется только простое *выяснение ему его положения*, выяснение политико-экономического строя той системы, которая гнетет его, выяснение необходимости и неизбежности классового антагонизма при этой системе. Это положение фабрично-заводского рабочего в общей системе капиталистических отношений делает его единственным борцом за освобождение рабочего класса, потому что только высшая стадия развития капитализма, крупная машинная индустрия, создает материальные условия и социальные силы, необходимые для этой борьбы. Во всех остальных местах, при низших формах развития капитализма, нет этих материальных условий: производство раздроблено на тысячи мельчайших хозяйств (не переставших быть раздробленными *хозяйствами* при самых уравнильных формах общинного *землевладения*), эксплуатируемый большею частью владеет еще крошечным хозяйством и таким образом привязывается к той самой буржуазной системе, против которой должен вести борьбу: это задерживает и затрудняет развитие тех социальных сил, которые способны ниспровергнуть капитализм. Раздробленная, единичная, мелкая эксплуатация привязывает трудящихся к месту, разобщает их, не дает им возможности уразуметь своей классовой солидарности, не дает возможности объединиться, поняв, что причина угнетения — не та или другая личность, — а вся хозяйственная система. Напротив, крупный капитализм неизбежно разрывает всякую связь рабочего со старым обществом, с определенным местом и определенным эксплуататором, объединяет его, заставляет мыслить и ставит в условия, дающие возможность начать организованную борьбу. На класс рабочих и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, — тогда русский **РАБОЧИЙ**, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет **РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ** (рядом с пролетариатом **ВСЕХ СТРАН**) *прямой дорогой открытой политической борьбы к ПОБЕДОНОСНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ*.

Конец. 1894.

1. ↑ Еще можно узнать только вот что: «из нее может развиваться настоящая (sic!) народная промышленность», — говорит г. Кривенко. Обычный прием «друзей народа» — говорить праздные и бессмысленные фразы, вместо того чтобы точно и прямо охарактеризовать действительность.
2. ↑ Наиболее крупное из всех остальных, дающее изделий на 900 тыс. руб., при общей сумме павловских изделий в 2750 тыс.
3. ↑ То есть на купца, который дает кустарям материал и платит им за работу обыкновенную заработную плату.
4. ↑ Самобытные российские экономисты, измеряя русский капитализм числом фабричных рабочих (sic!), без церемоний относят этих работников и бездну подобных им к населению, занятому сельским хозяйством и страдающему не от гнета капитала, а от искусственных давлений на «народный строй»(???!).
5. ↑ Домашняя система крупного производства не только капиталистическая система, но еще и наихудшая капиталистическая система, соединяющая с наисильнейшей эксплуатацией трудящегося наименьшую возможность для рабочих вести борьбу за свое освобождение.
6. ↑ Под «семейными» рабочими, в противоположность наемным, разумеются работающие члены хозяйских семей.
7. ↑ Знаменатель означает число заведений с наемными рабочими и число наемных рабочих. — То же и в следующей таблице.
8. ↑ Один рабочий производит в год в I-ой группе на 251 руб.; во II-ой — на 249; в III-ей — на 260.
9. ↑ Процент заведений с наемниками в I-ой группе — 25 %; во II-ой — 90 % и в III-ей — 100 %; процент наемных рабочих — 19 % — 58 % — 91 %.
10. ↑ В I-ой группе на 72 % заведений — 34 % производства; во II-ой на 18 %—22 %; в III-ей на 10 %—44 %.
11. ↑ Это едва ли верно по отношению к промыслам Московской губернии, но по отношению к менее развитым промыслам остальной России, может быть, и справедливо.
12. ↑ Хотя этот пример касается разложения крестьянства, о котором уже много говорено, но я считаю необходимым разобрать *их собственные данные*, чтобы показать наглядно, какая это наглая ложь, будто социал-демократы интересуются не действительностью, а «провидениями будущего», и как шарлатански поступают «друзья народа», обходя в полемике с нами сущность наших воззрений и отделяясь вздорными фразами.
13. ↑ «Сборник статистических сведений по Воронежской губернии». Т. II, вып. II. Крестьянское хозяйство по Острогожскому уезду.

Воронеж. 1887. — Самые бюджеты в приложениях, стр. 42—49. Разработка в XVIII главе: «Состав и бюджеты крестьянских хозяйств».

14. ↑ Несомненно, хозяйство крестьянина, живущего исключительно своим сельскохозяйственным хозяйством и держащего батрака, — по типу отличается от хозяйства такого крестьянина, который живет в батраках и от батрачества получает 3/5 заработка. А среди этих 24 хозяев есть и те и другие. Судите сами, какая это выйдет «наука», если мы будем складывать батраков с хозяевами, которые держат батраков, и оперировать над общей средней!
15. ↑ Колебания в величине средней семьи гораздо меньше; а) 7,83, б) 8,36, в) 5,28 человек на 1 семью.
16. ↑ Особенно велики различия в обеспечении инвентарем; в среднем стоимость инвентаря на 1 хозяйство — 54,83 р. Но у зажиточных вдвое больше — 111,80 р., а у бедных втрое меньше — 16,04 р. У средних — 48, 44 рубля.
17. ↑ Интересно отметить, что у батраков — двое из 7 бедных хозяев — бюджет сводится без дефицита: 99 р. дохода и 93,45 р. расхода на семью. Один батрак живет на хозяйских харчах, одежде и обуви.
18. ↑ См. Приложение I. (Пед.)
19. ↑ Конечно, я не хочу сказать, чтобы данные о 24 хозяйствах *одни* могли опровергнуть положение о коренном значении наделной земли. Но выше были приведены данные по нескольким уездам, совершенно опровергающие его.
20. ↑ Сравнение 24-х типических хозяйств с разрядами хозяйств во всем уезде произведено по тем же приемам, по которым г. Щербина сравнивал среднее из 24-х хозяйств с группами по наделной земле.
21. ↑ Здесь из бедных выделены два батрака (№№ 14 и 15 бюджетов у Щербины), так что бедных остается только 5.
22. ↑

По поводу этой таблицы нельзя также не отметить, что мы видим здесь точно так же увеличение количества арендуемой земли по мере возрастания состоятельности, *несмотря* на увеличение количества наделной земли. Таким образом, на данных еще об одном уезде подтверждается неверность мысли о коренном значении наделной земли. Напротив, мы видим, что доля наделной земли во всем землевладении данной группы понижается по мере увеличения состоятельности группы. Складывая наделную и арендованную землю и вычисляя % наделной земли к этой сумме, получаем такие данные по группам: I) 96,8 %; II) 85,0 %; III) 79,3 %; IV) 63,3 %. И такое явление совершенно понятно. Мы знаем, что со времени освободительной реформы земля стала в России товаром. Кто имеет деньги, всегда может купить землю: покупать надо и наделную землю. Понятно, что зажиточные крестьяне концентрируют в своих руках землю и что концентрация эта сильнее выражается в аренде вследствие средневековых стеснений обращения наделной земли. «Друзья народа», стоящие за эти стеснения, не понимают, что это бессмысленно реакционное мероприятие только ухудшает положение бедноты: разоренные, лишенные инвентаря крестьяне во всяком случае должны сдать землю, и запрещение производить эту сдачу (или продажу) поведет либо к тому, что будут сдавать тайком и, следовательно, на худших условиях для сдающего, либо к тому, что беднота будет даром отдавать землю «обществу», т. е. тому же кулаку.

Не могу не привести здесь глубоко верного рассуждения [Гурвича](#) об этой пресловутой «неотчуждаемости»:

«Чтобы разобраться в этом вопросе, мы должны посмотреть, кто является покупателем крестьянской земли. Мы видели, что только меньшая часть участков четвертной земли была куплена купцами. Вообще говоря, мелкие участки, продаваемые дворянами, покупаются одними крестьянами. Следовательно, этот вопрос затрагивает отношения одних только крестьян и не затрагивает интересов ни дворянства, ни класса капиталистов. Очень возможно, что в подобных случаях благоугодно будет русскому правительству кинуть подачку народникам. Это странное соединение (*mésalliance*) восточной патриархальной опеки (*oriental paternalism*) с каким-то уродливым государственно-социалистическим прогибиционизмом едва ли не вызовет оппозиции именно тех, кого хотят облагодетельствовать. Так как процесс разложения деревни идет, очевидно, изнутри ее, а не извне, — то неотчуждаемость крестьянской земли будет равносильна просто-напросто безвозмездной экспроприации бедноты в пользу богатых членов общины.

Мы замечаем, что % переселенцев среди [четвертных крестьян](#), которые имели право отчуждать свою землю, был значительно выше, чем среди бывших государственных крестьян с общинным землевладением: именно, в Раненбургском уезде (Рязанской губ.) процент переселенцев среди первых — 17 %, среди вторых — 9 %. В Данковском уезде среди первых — 12 %, среди вторых — 5 %. Отчего происходит эта разница? Один конкретный пример пояснит это:

„В 1881 г. маленькая община из 5 домохозяев, бывших крепостных Григорова, переселилась из деревни Бигильдино, Данковского уезда. Свою землю, 30 дес., она продала богатому крестьянину за 1500 руб. Дома переселенцам нечем было существовать, и большинство из них были годовыми рабочими“ („Сборник стат. свед.“, ч. II, с. 115, 247). По данным г. Григорьева („Переселения крестьян Рязанской губ.“), 300 рублей — такова цена среднего крестьянского участка в 6 дес. — достаточно для того, чтобы крестьянская семья могла завести сельскохозяйственное хозяйство в южной Сибири. Таким образом, совершенно разорившийся крестьянин имел бы возможность, продав свой участок общинной земли, сделаться земледельцем в новой стране. Благоговение перед священными обычаями предков едва ли бы могло устоять перед таким искушением, не будь противодействующего вмешательства всемиловейшей бюрократии.

Меня, конечно, обвинят в пессимизме, как обвиняли недавно за мои взгляды на переселение крестьян („Северный Вестник“, 1892, № 5, ст. Богдановского). Рассуждают обыкновенно приблизительно таким образом: допустим, что дело представлено в точном соответствии с жизнью, какова она есть в действительности, но вредные последствия (переселений) обязаны своим появлением ненормальным условиям крестьянства, а при нормальных условиях возражения (против переселений) „не имели бы силы“. К несчастью, однако, эти действительно „ненормальные“ условия развиваются самопроизвольно, а создание „нормальных“ условий не во власти благожелателей крестьянства» (назв. соч., стр. 137).

23. ↑ Да и то едва ли это будет верно, потому что упадок предполагает временную и случайную потерю устойчивости, а среднее крестьянство, как мы видели, всегда находится в неустойчивом положении, на краю разорения.
24. ↑ Для вычисления денежного дохода от земледелия (Щербина его не дает) пришлось прибегнуть к довольно сложным расчетам. Надо было из всего дохода от хлебов исключить доход от соломы и половы, идущих, по словам автора, на корм скоту. Автор сам исключает их в гл. XVIII, но только для итоговых цифр по уезду, а не для данных 24-х хозяйств. Из его итоговых данных я определил процент дохода от зерна (сравнительно со всем доходом от хлеба, т. е. и от зерна и от соломы с половой) и по нему исключил в данном случае солому и полу. Процент этот для ржи — 78,98 %, для пшеницы — 72,67 %, для овса и ячменя — 73,32 %, для проса и гречихи — 77,78 %. — Затем уже количество продаваемого зерна определялось вычитанием того количества, которое расходуется в своем

хозяйстве.

25. ↑ «Нужно работника подешевле нанять, да пользу из него извлечь», — совершенно справедливо говорит там же г. Кривенко.
26. ↑ Г-н Южаков! Как же это так: ваш товарищ говорит, что в „живоглоты“ выходят „таланты“, а Вы уверяли, что таковыми делаются люди лишь потому, что обладают „некритическим умом“? Это уже, господа, нехорошо: в одном журнале побивать друг дружку!
27. ↑ Если к восприятию идеи о классовой борьбе пролетариата с буржуазией оказываются пока способны только городские фабрично-заводские рабочие, а не деревенские «простодушные и простоватые» батраки, т. е. именно люди, утратившие эти милые качества, столь тесно связанные с «вековыми устоями» и с «общинным духом», — то это только доказывает правильность теории социал-демократов о прогрессивной, революционной работе русского капитализма.
28. ↑ Я уже не говорю о нелепости того представления, будто владеющие одинаковым наделом крестьяне равны между собой, а не делятся также на «живоглотов» и «батраков».
29. ↑ См. [Выпуск I](#) (Ред.)
30. ↑ Эта идея — о поддержке при помощи кредита «народного хозяйства», т. е. хозяйства мелких производителей, при наличности капиталистических отношений (а наличность их уже не могут, как мы видели, отрицать «друзья народа»), — эта бессмысленная идея, показывающая непонимание азбучных истин теоретической политической экономии, с полной наглядностью показывает пошлость теории этих господ, пытающихся сидеть между двумя стульями.
31. ↑ Я говорю о покупке акций богатеями — несмотря на оговорку автора о принадлежности акций обществам — потому, что он все-таки говорит о покупке акций на деньги, каковые имеются только у богатеев. Поэтому через посредство обществ вестись будет дело или нет, — все равно заплатить смогут только богатеи, точно так же, как покупка или аренда земли обществом нимало не устраняет монополизации этой земли богатеями. Затем, доход (дивиденд) должен получать тоже тот, кто платил, — иначе акция не будет акцией. И я понимаю предложение автора в том смысле, что известная часть прибыли будет отчисляться на «обеспечение рабочим связи с землей». — Если же автор разумеет не это (хотя это неизбежно вытекает из сказанного им), а то, чтобы богатеи платили деньги за акции, не получая дивиденда, — тогда его проект просто сводится к тому, чтобы имущие поделились с неимущими. Это вроде того анекдотического, снадобья для истребления мух, которое требует, чтобы муху изловили и посадили в посудину, — и муха тотчас умрет.
32. ↑ «человеколюбцам», филантропам. (Ред.)
33. ↑ Чтобы показать соотношение между этим расходом и остальной частью крестьянского бюджета, сошлусь на те же 24 бюджета по Острогжскому уезду. Средний расход семьи — 495 р. 39 к. (и натуральный и денежный). Из них 109 р. 10 к. идет на содержание скота, 135 р. 80 к. — на продовольствие растительной пищей и налоги, а остальные 250 р. 49 к. — на прочие расходы — пищу нерастительную, одежду, инвентарь, аренду и проч. Содержание скота г. Южаков относит на счет сенокосов и вспомогательных угодий.
34. ↑ Для примера сошлусь хотя бы на павловских кустарей сравнительно с крестьянами окрестных деревень. См. сочинения Григорьева и Анненского. — Нарочно беру для примера опять-таки деревню, в которой имеется, будто бы, особый «народный строй».
35. ↑ Словоупотребление, которое тем более следует поставить в вину автору, что «Р. Богатство» любит употреблять слово «народный» в противоположность буржуазному.
36. ↑ Напомню читателю распределение этих улучшенных орудий в Новоузенском уезде: у 37 % (бедных) крестьян, у 10 тыс. дворов из 28 тыс. — 7 орудий из 5724, т. е. 1/8%! 4/5 орудий монополизированы богатеями, составляющими лишь 1/4 часть дворов.
37. ↑ О, святая простота! (Ред.)
38. ↑ Вы глубоко правы, почтенный г. профессор, что улучшенное хозяйство воздаст *сторичею* этому „народу“, который не „предается отчаянию“ и „остаётся верен земле“. Но не замечаете ли вы, о великий доктор политической экономии, что для приобретения всех этих фосфоритов и т. д. „мужик“ должен выделяться из массы голодающих нищих наличностью *свободных* денег, а деньги — ведь это продукт *общественного* труда, достающийся в руки частных лиц; — что присвоение „воздаяния“ за это улучшенное хозяйство будет присвоением *чужого* труда; — что видеть источник этого обильного воздаяния в личном усердии хозяина, который, „не покладая рук“, „оплодотворяет кормилицу-землю“, могут только самые жалкие прихвостни буржуазии?
39. ↑ „Внутри деревенской общины возникли антагонистические социальные классы“, — говорит Гурвич в другом месте (с. 104). Я цитирую Гурвича только в добавление к вышеприведенным фактическим данным.
40. ↑ Поиски «новых приемов обработки» потому именно и становятся «лихорадочными», что хозяйственному мужику приходится вести более крупное хозяйство, с которым при помощи старых приемов не справиться; — именно потому, что к поискам новых приемов вынуждает конкуренция, так как земледелие приобретает все более и более товарный, буржуазный характер.
41. ↑ Потому бессмыслицу — что сила «экономически сильного» в том, между прочим, и состоит, что он держит в своих руках политическую власть. Без нее он не мог бы удержать своего экономического господства.
42. ↑ Потому и «друзья народа» являются злейшими реакционерами, когда говорят, что естественная задача государства — охранять экономически слабого (так *должно быть* дело по их пошлой старушечьей морали), тогда как вся русская история и внутренняя политика свидетельствуют о том, что задача нашего государства — охранять только помещиков-крепостников и крупную буржуазию и самым зверским способом расправляться со всякой попыткой «экономически слабых» постоять за себя. И это, конечно, его *естественная* задача, потому что абсолютизм и бюрократия насковозь пропитаны крепостнически-буржуазным духом и потому, что в экономической области буржуазия царят и правит безраздельно, держа рабочего «тише воды, ниже травы».
43. ↑ Между кем? помещиком и крестьянином? хозяйственным мужичком и босяком? фабрикантом и рабочим? Чтобы уразуметь этот классический «принцип солидарности», надо припомнить, что солидарность между предпринимателем и рабочим достигается «понижением заработной платы».
44. ↑ Что такое филистер? Пустая кишка, полная трусости и надежды, что бог сжалится (Гете). (Ред.)
45. ↑ К этому сводились, в сущности, все наши старые революционные программы, — начиная хотя бы бакунистами и бунтарями, продолжая народниками и кончая [народовольцами](#), у которых, ведь, тоже уверенность в том, что крестьянство пошлет подавляющее количество социалистов в будущий Земский собор, занимала далеко не последнее место.
46. ↑ Вывод этот, повторяю, не мог не быть ясным для каждого, кто читал «Коммунистический манифест», «Нищету философии» и «Капитал», и только для одного г-на Михайловского потребовалось особое разъяснение.
47. ↑ По той простой причине, что до сих пор эти вопросы *никак не решались*. Нельзя же, в самом деле, назвать решением вопроса об аренде утверждение, что «народная аренда поддерживает народное хозяйство», или такое изображение системы обработки помещичьих земель крестьянским инвентарем: «крестьянин оказался сильнее помещика», который «пожертвовал своей независимостью в пользу самостоятельного крестьянина»; «крестьянин вырвал из рук помещика крупное производство»; «народ остается победителем в борьбе за форму земледельческой культуры». Это либеральное пустоболтунство в «Судьбах капитализма» «нашего известного» г-на В. В.

48. ↑ Доказательство — разложение крестьянства.
49. ↑ *Ziemlich blasse kompromißfähige und kompromißsüchtige Reformrichtung* — по-русски это можно, кажется, и так передать: культурнический оппортунизм.
50. ↑ Жалкое впечатление производит вообще попытка г. Кривенко воевать против г. Струве. Это — какое-то детское бессилие возразить что-нибудь по существу и детское же раздражение. Например, г. Струве говорит, что г. Ник. — он «утопист». Он совершенно ясно указывает при этом, почему он его так называет: 1) потому, что он игнорирует «действительное развитие России»; 2) потому, что он обращается к «обществу» и «государству», не понимая классового характера нашего государства. Что же может возразить против этого г. Кривенко? Отрицает ли он, что развитие наше действительно капиталистическое? говорит ли он, что оно какое-либо другое? — что наше государство — не классовое? Нет, он предпочитает совершенно обходить эти вопросы и со смешным гневом воевать против каких-то, им же сочиненных, «шаблонов». Еще пример. Г. Струве, кроме непонимания классовой борьбы, ставит г. Ник. — ону в упрек крупные ошибки в его теории, относящиеся к области «чисто экономических фактов». Он указывает, между прочим, что, говоря о незначительности нашего неземледельческого населения, г. Ник. — он «не замечает, что капиталистическое развитие России будет именно сглаживать эту разницу 80% (сельское население России) и 44% (сельск. насел. в Америке): в этом, можно сказать, состоит его историческая миссия». Г. Кривенко, во-первых, перевирает это место, говоря о «нашей» (?) миссии обезземелить крестьян, тогда как речь идет просто о тенденции капитализма сокращать сельское население, и, во-вторых, не сказав ни слова по существу (возможен ли такой капитализм, который бы не вел к уменьшению сельского населения?), принимается болтать вздор о «начетчиках» и т. п. См. [Приложение II](#). (Ред.)
51. ↑ Попробовали бы с предложением этого «жизненного» дела сунуться к *той* молодежи, которая рассказывала мужику о европейских ассоциациях! Как бы они вас встретили, какую бы дали вам прекрасную отповедь! Вы бы так же стали смертельно бояться их идей, как теперь боитесь материализма и диалектики!
52. ↑ Цитирую по статье Плеханова: «Н. Г. Чернышевский» в «Социаль-Демократе».
53. ↑ Нельзя не вспомнить тут о чисто российской наглости крепостника, с которой г. Ермолов, теперь министр земледелия, в своей книге: «Неурожай и народное бедствие» возражает против переселений. Нельзя, дескать, с государственной точки зрения считать их рациональными, когда в Европейской России помещики еще нуждаются в свободных руках. — Для чего же, в самом деле, существуют крестьяне, как не для того, чтобы своим трудом кормить тунеядцев-помещиков с их «высокопоставленными» прихвостнями?
54. ↑ Это очень важный пункт. Плеханов глубоко прав, говоря, что у наших революционеров «два врага: не совсем еще искорененные старые предрассудки, с одной стороны, и узкое понимание новой программы, с другой». См. [Приложение III](#). (Ред.)
55. ↑ Особенно внушительным реакционным учреждением, которое сравнительно мало обращало на себя внимание наших революционеров, является отечественная *бюрократия*, которая de facto (фактически, на деле. Ред.) и правит государством российским. Пополняемая, главным образом, из разночинцев, эта бюрократия является и по источнику своего происхождения, и по назначению и характеру деятельности глубоко буржуазной, но абсолютизм и громадные политические привилегии благородных помещиков придали ей особенно вредные качества. Это — постоянный флюгер, полагающий высшую свою задачу в сочетании интересов помещика и буржуа. Это — иудушка, который пользуется своими крепостническими симпатиями и связями для надувания рабочих и крестьян, проводя под видом «охраны экономически слабого» и «опеки» над ним в защиту от кулака и ростовщика такие мероприятия, которые низводят трудящихся в положение «подлой черни», отдавая их головой крепостнику-помещику и делая тем более беззащитными против буржуазии. Это — опаснейший лицемер, который умудрен опытом западноевропейских мастеров реакция и искусно прячет свои арачьевские вождения под фиговые листочки народолюбивых фраз.
56. ↑ К выводу о необходимости поднять рабочего на борьбу с абсолютизмом можно прийти двумя путями: *либо* смотреть на рабочего, как на единственного борца за социалистический строй, и тогда видеть в политической свободе одно из условий, облегчающих ему борьбу. Так смотрят социал-демократы. *Либо* обращаться к нему просто как к человеку, наиболее страдающему от современных порядков, которому уже нечего терять и который всего решительнее может выступить против абсолютизма. Но это и будет значить — заставлять его тащиться в хвосте буржуазных радикалов, не желающих видеть антагонизма буржуазии и пролетариата за солидарностью всего «народа» против абсолютизма.
57. ↑ всему миру. (Ред.)
58. ↑ Напротив. На 1-ое место непременно становится всегда практическая работа пропаганды и агитации по той причине, во-первых, что теоретическая работа дает только ответы на те запросы, которые предъявляет вторая. А во-вторых, социал-демократы слишком часто, по обстоятельствам от них не зависящим, вынуждены ограничиваться одной теоретической работой, чтобы не ценить дорого каждого момента, когда возможна работа практическая.
59. ↑ Изучать, пропагандировать, организовать. (Ред.)
60. ↑ Человек будущего в России — мужик, думали представители крестьянского социализма, народники в самом широком значении этого слова. Человек будущего в России — рабочий, думают социал-демократы. Так формулирована была в одной рукописи точка зрения марксистов.

Это произведение перешло в **общественное достояние**.

- Произведение написано автором, умершим более семидесяти лет назад, и опубликовано прижизненно, либо посмертно, но с момента публикации также прошло более семидесяти лет.

Источник — [https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=Что_такое_«друзья_народа»_и_как_они_воюют_против_социал-демократов%3F_\(Ленин\)/III&oldid=548750](https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=Что_такое_«друзья_народа»_и_как_они_воюют_против_социал-демократов%3F_(Ленин)/III&oldid=548750)

Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ленин)/III

Материал из Википедии — свободной библиотеки

< [Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? \(Ленин\)](#) | [III](#)

Перейти к [навигация](#), [поиск](#)

← [Выпуск III](#) **Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского богатства» против марксистов)** — Приложение I автор *В.И.Ленин*

[Приложение II](#) →

Дата создания: 1894 г., опубли.: в 1894 г. на гектографе. Источник: *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений в пятидесяти пяти томах. — издание пятое. — М.: Издательство политической литературы, 1967. — Т. 1. 1893 ~ 1894. — С. 313—319

Приложение I

Привожу здесь в таблице данные о тех 24 бюджетах, о которых говорится в тексте.

Свод данных о составе и бюджетах 24-х типичных крестьянских хозяйств по Острогожскому уезду.

Объяснение к таблице.

1) Первые 21 графа целиком взяты из сборника. Графа 22-ая соединяет графы сборника: от ржи, пшеницы, овса и ячменя, проса и гречи, остальных хлебов, картофеля, овощей и сена (8 граф). О том, как вычислялся доход от хлебов (23-ья графа) за исключением половины и соломы, говорено в тексте. Затем графа 24-ая соединяет графы сборника: от лошадей, рогатого скота, овец, свиней, птицы, кош и шерсти, сала и мяса, молочных продуктов, масла (9 граф). Графы 25—29 целиком взяты из сборника. Графы 30—34 соединяют графы сборника: издержки на рожь, пшеницу, пшено и гречу, картофель, овощи, соль, масло, сало и мясо, рыбу, молочные продукты, водку, чай (12 граф). Графа 35-ая соединяет графы сборника: на мыло, керосин, свечи, одежду и посуду (4 графы). Остальные графы ясны.

2) Графа 8-ая определена сложением числа десятин арендованной земли с числом десятин пахотной земли в составе надела (в сборнике есть такая графа).

3) Нижние цифры в графах: «Распределение дохода и расхода» означают *денежную часть расходов и доходов*. В графах 25—28 и 37—42 весь доход (расход) денежный. Определялась денежная часть (автор ее не выделяет) вычитанием из валового дохода того, что потреблено в своем хозяйстве.

Разряды домохозяев и число их	Число душ об. пола	Число работников муж. пола	Батраки		Надельной земли десятин	Аренда		Всего пахотной земли	Число строений	Число промышленных заведений	Скот (голов)		Всего в переводе на крупный	
			Дворов с батраками	Число их об. пола		Дворов	Десятин				Число орудий	Рабочего скота		
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	
Сумма	47	11	6	8	132,6	6	52,8	123,4	52	4	224	35	81	
6 зажиточных хозяев	Среднее на 1 хоз. ...	7,83	1,8	—	—	22,1	—	8,8	20,6	8,6	—	37,3	5,8	13,5
Сумма	92	26	2	2	101,2	10	85,5	140,2	70	—	338	40	89,1	
11 средне-состоятельных домохозяев	Среднее на 1 хоз. ...	8,36	2,4	—	—	9,2	—	7,7	12,7	6,4	—	30,7	3,6	8,1
Сумма	37	10	2	2	57,8	4	19,8	49,8	31	—	108	7	15,3	
7 бедных домохозяев	Среднее на 1 хоз. ...	5,28	1,4	—	—	8,5	—	2,8	7,1	4,4	—	15,4	1	2,2
Сумма	176	47	10	12	291,6	20	158,1	313,4	153	4	670	82	185,4	
Всего 24 домохозяина	Среднее на 1 хоз. ...	7,33	1,9	—	—	12,1	—	6,6	13	6,4	—	27,9	3,4	7,7
Сумма	9	2	—	—	14,4	—	—	6,8	6	—	11	—	1,1	
2 батрака (вошедш. в число бедных)	Среднее на 1 хоз. ...	4,5	1	—	—	7,2	—	3,4	3	—	5,5	—	0,5	

Разряды домохозяев и число их	Стоимость в рублях							Сумма кредитных недвиж. Рублей	Распределение дохода							Всего руб.
	Строений	Остальной недвиж.ности	Инвентаря	Утвари	Одежды	Скота и пчел	Всего		От земледелия	От скотоводства	От пчело- и садоводства	От промыслов	От заведений	Разных доходов		
	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	23	27	28	29
Сумма	2 696	2 237	670,8	453	1 294,2	3 076,5	10 427,5	80	61,2%	3	15,4%	4,3%	6,5%	5%	7,6%	6
6 зажиточных	2 696	2 237	670,8	453	1 294,2	3 076,5	10 427,5	80	861,7	2 598,2	972,6	271	412	320	482,2	319,5
									1	1 774,4	396,5				3	656,1
									774,4							

хозяев	Среднее на 1 хоз. ...	449,33	372,83	111,80	75,5	215,7	512,75	¹ 737,91	13,3	643,6	—	162,1	45,2	68,6	53,3	80,4	1	53,2
11 средне-состоятельных домохозяев	Сумма	2 362	318	532,9	435,9	2 094,2	2 907,7	⁸ 650,7	357	60,7%	3	2 203,8	16,1%	0,7%	18,8%	—	3,7%	5
									163,8	899,9	837,5	36,1	979,3	—	195,5	5	212,2
	Среднее на 1 хоз. ...	214,73	28,91	48,44	39,63	190,38	264,33	786,42	32,4	287,7	—	76,1	3,2	89	—	17,8	473,8	
7 бедных хозяев	Сумма	835	90	112,3	254	647,1	605,3	² 543,7	233,6	48,7%	7	502,08	22,9%	1,9%	23,8%	—	2,7%	1
									689,9	175,25	324,2	27	336,8	—	39	416,9	
	Среднее на 1 хоз. ...	119,28	12,85	16,04	36,29	92,45	86,47	363,38	33,4	98,5	—	46,3	3,9	48,1	—	5,5	202,4	
Всего 24 домохозяина	Сумма	5 893	2 645	1 316	1 142,9	4 035,5	6 589,5	²¹ 621,9	670,6	59,6%	7	5 304,8	16,5%	2,6%	13,3%	2,5%	5,5%	12
									715,4	2 849,54	2 134,3	334,1	1 728,1	320	716,7	948,6	
	Среднее на 1 хоз. ...	245,55	110,21	54,83	47,62	168,14	274,56	900,91	27,9	321,5	—	88,9	13,9	72	13,3	29,9	6	
2 батрака (всё в число бедных)	Сумма	155	25	6,4	76,8	129,3	9,1	401,6	50	59,5	—	5,7	—	128,8	—	4	198	
									3		4,8					140,6	
	Среднее на 1 хоз. ...	77,5	12,5	3,2	38,4	64,65	4,55	200,8	25	29,75	—	2,85	—	64,4	—	2	99	
																70,3	

Распределение расхода

Разряды домохозяев и число их	Пища			В том числе		Одежа и домашн. нужды	Содержание скота	Инвентарь живой и мертвый	На работников и пастухов	Аренда	Подати	Попам	Разные расходы	Всего рублей	Чистый доход + дефицит
	Всего	Расти-тельная	Остальная	Молоко, мясо и пр.	Соль, водка, чай										
	33	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44
6 зажиточных хозяев	Сумма	29,2%												5	100%
	1	823,8	676,8	561,3	115,5	8,2%	24,9%	9,4%	13,5%	6,5%	4,9%	1,1%	2,3%	5
	Среднее на 1 хоз. ...	500,6	—	—	103,2	—	423,8	24,9%	9,4%	691,7	332	253,5	56	116,5	135,2
	218,7					58,6	1 276,6	484,5					2	+1184,3
11 средне-состоятельных домохозяев	Сумма	37,6%												1	100%
	1	1 337,3	614,6	534,3	80,3	10,6%	21,2%	5%	0,9%	6,8%	4,9%	1,3%	11,7%	5
	Среднее на 1 хоз. ...	951,9	33,4	—	144	—	548,1	1 098,2	256	47,6	351,7	254,9	69,9	609,4	187,7
	257,7					49,5							1	+24,5
7 бедных хозяев	Сумма	42,1%												1	100%
	660,8	487,7	173,1	134,4	38,7	14,6%	15,6%	7,1%	1,6%	6%	6,5%	1,8%	4,7%	1
	Среднее на 1 хоз. ...	253,46	160,96	—	53,8	—	229,6	243,7	110,6	24,3	94,5	101,8	28	73,2	566,5
						26,8								712,66
Всего 24 домохозяина	Сумма	34,6%												11	100%
	4	2 648,8	1 464,5	1 230	234,5	10,1%	22,2%	7,1%	6,4%	6,5%	5,1%	1,3%	6,7%	11
	Среднее на 1 хоз. ...	171,39	110,37	61,02	51,25	9,77	1 201,5	2 618,5	851,1	763,6	778,2	610,2	153,9	799,1	889,4
	729,86					134,9							4	+1 059,2
2 батрака (всё в число бедных)	Сумма	34,6%												11	100%
	81,7	72,1	9,6	6,1	3,5	14,9	8	53,2	0,4	—	22,6	2,8	3,3	495,39
	Среднее на 1 хоз. ...	50,7	42,5	—	4,7	—	4,6	4	26,6	0,2	—	11,3	1,4	1,65	200,87
														+44,11
	Среднее на 1 хоз. ...	40,85	—	—	—	—	7,45	4	26,6	0,2	—	11,3	1,4	1,65	93,45
														68,8

Это произведение перешло в общественное достояние.

Произведение написано автором, умершим более семидесяти лет назад, и опубликовано прижизненно, либо посмертно, но с момента публикации также прошло более семидесяти лет.

Источник — [https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=Что_такое_«друзья_народа»_и_как_они_воюют_против_социал-демократов%3F_\(Ленин\)/III/I&oldid=420282](https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=Что_такое_«друзья_народа»_и_как_они_воюют_против_социал-демократов%3F_(Ленин)/III/I&oldid=420282)»

Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ленин)/Ш/П

Материал из Викитеки — свободной библиотеки

< [Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? \(Ленин\)](#) | [Ш](#)

Перейти к: [навигация](#), [поиск](#)

← **Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи**
[Приложение «Русского богатства» против марксистов](#) — Приложение II

[Приложение](#)
[Ш](#) →

I автор *В.И.Ленин*

Дата создания: 1894 г., опубл.: в 1894 г. на гектографе. Источник: *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений в пятидесяти пяти томах. — издание пятое. — М.: Издательство политической литературы, 1967. — Т. 1. 1893 ~ 1894. — С. 320—338

Приложение II

Г-н [Струве](#) совершенно справедливо ставит во главу угла критики [Ник.](#) —она то положение, что «учение [Маркса](#) о классовой борьбе и государстве совершенно чуждо русскому политико-эконому». Я не обладаю смелостью г-на [Кривенко](#), чтобы на основании одной этой небольшой заметки (в 4 столбца) г. Струве судить о системе его воззрений (другие его статьи мне неизвестны); я не могу также не сказать, что солидарен не со всеми, высказанными им, положениями, и потому могу защищать не его статью целиком, а только известные основные положения, которые он приводит. Но, во всяком случае, указанное обстоятельство оценено глубоко верно: действительно, непонимание классовой борьбы, присущей капиталистическому обществу, — *коренная ошибка* г. Ник. —она. Исправления одной этой ошибки достаточно было бы для того, чтобы даже из его теоретических положений и исследований необходимо следовали социал-демократические выводы. Действительно, упущение из виду классовой борьбы свидетельствует о грубейшем непонимании марксизма, — непонимании, которое тем более следует поставить в вину г. Ник. —ону, что он вообще желает выдавать себя за строгого поклонника принципов Маркса. Может ли кто-нибудь, хоть немного знакомый с Марксом, отрицать, что учение о классовой борьбе — центр тяжести всей системы его воззрений?

Г-н Ник. — он мог, конечно, принять теорию Маркса за исключением этого пункта, хотя бы, например, по несоответствию его, положим, с данными русской истории и действительности, — но ведь тогда, во-первых, невозможно было бы говорить, что теория Маркса объясняет наши порядки, невозможно бы говорить даже об этой теории и о капитализме, так как пришлось бы переделать теорию и выработать понятие о другом капитализме, которому не присущи антагонистические отношения и борьба классов. Во всяком случае, следовало бы со всей подробностью оговорить это, разъяснить, почему автор, говоря *А* марксизма, не хочет говорить *Б*. Ничего подобного г. Ник. — он и не пытался сделать.

И г. Струве совершенно справедливо заключил, что непонимание классовой борьбы делает г. Ник. —она *утопистом*, ибо игнорирующий классовую борьбу в капиталистическом обществе *eo ipso*^[1] игнорирует все действительное содержание общественно-политической жизни этого общества и для осуществления своих деизидерат неизбежно обрекается на витание в сфере невинных мечтаний. Это непонимание делает его *реакционером*, ибо воззвания к «обществу» и «государству», т. е. к идеологам и политикам буржуазии, в состоянии только сбить с толку социалистов, принять за союзников злейших врагов пролетариата, в состоянии только затормозить борьбу рабочих за освобождение вместо того, чтобы способствовать усилению, выяснению и большей организации этой борьбы.^[2]

Раз уже зашла речь о статье г. Струве, нельзя не коснуться здесь и ответа г. Ник. она в № 6 «Р. Богатства».

«Оказывается, — рассуждает г. Ник. —он, приводя данные о медленном нарастании числа фабрично-заводских рабочих, нарастании, отстающем от роста населения, — оказывается, что у нас капитализм не только не выполняет своей „исторической миссии“, но сам же ставит пределы своему собственному развитию. Вот почему, между прочим, тысячу раз правы те, которые ищут „для своего отечества путь развития, отличный от того, которым шла и идет Западная Европа“». (И это пишет человек, признающий, что Россия идет тем же капиталистическим путем!) Невыполнение этой «исторической миссии» усматривает г. Ник. —он в том, что «хозяйственное течение, враждебное общине (т. е. капитализм), разрушает самые основы ее существования, не принося той доли объединяющего значения, которое так характерно для Западной Европы и с особенной силой начинает проявляться в Северной Америке».

Другими словами, мы имеем перед собой тот казенный довод против социал-демократов, который изобретен знаменитым [г. В. В.](#), смотревшим на капитализм с точки зрения департаментского чиновника, решающего государственный вопрос о «введении капитализма в народную жизнь»: если исполняет «миссию» — можно пустить, если не исполняет — «не пушай». Помимо всех

других качеств этого остроумного рассуждения, самая «миссия» капитализма понималась при этом г-ном В. В. — и понимается, видимо, г. Ник. — оном — до невозможности, до безобразия неправильно и узко; и опять-таки, разумеется, узость собственного понимания эти господа сваливают без церемоний на социал-демократов: на них можно клепать, как на мертвых, благо их в легальную прессу не пускают!

Маркс видел прогрессивную, революционную работу капитализма в том, что он, обобществляя труд, в то же самое время, механизмом самого процесса «обучает, объединяет и организует рабочий класс», обучает борьбе, организует его «возмущение», объединяет для «экспроприации экспроприаторов», для захвата политической власти и отнятия средств производства из рук «немногих узурпаторов» для передачи их в руки всего общества («Капитал», 650).

Вот — формулировка Маркса.

О «числе фабр.-заводских рабочих» и речи, конечно, нет: говорится о сосредоточении средств производства и обобществлении труда. Ясное дело, что эти критерии не имеют ничего общего с «числом фабр.-заводских рабочих».

Но наши самобытные истолкователи Маркса перетолковали это именно так, что обобществление труда при капитализме сводится к работе в одном помещении фабричных и заводских рабочих и потому-де степень прогрессивной работы капитализма измеряется... числом фабрично-заводских рабочих!!! Увеличивается число фабрично-заводских рабочих — значит, капитализм хорошо работает прогрессивную работу; уменьшается — значит, он «плохо выполняет свое историческое призвание» (с. 103 статьи г. Ник. — она), и «интеллигенции» следует «искать иных путей для своего отечества».

И вот российская интеллигенция принимается за поиски «иных путей». Ищет и находит она их уже не первое десятилетие, доказывая изо всех сил, что капитализм^[3] — «неправильное» развитие, ибо ведет к безработице и кризисам. Вот в 1880 году стояли мы перед кризисом; тоже и в 1893 г.: пора сойти с пути, ибо очевидно, что нам приходится плохо.

А русская буржуазия «слушает да ест»: действительно, приходится «плохо», когда уж нельзя получать баснословные прибыли; и она хором подпевает либералам и радикалам и усиленно принимается благодаря освободившимся и более дешевым капиталам за постройку новых железных дорог. «Нам» плохо, потому что на старых местах «мы» уже дочиста обобрали народ и приходится переходить к индустриальному капиталу, не способному так обогащать, как торговый: так «мы» пойдем на восточные и северные окраины Европейской России, где еще возможно «первоначальное накопление», дающее сотни процентов прибыли, где еще буржуазное разложение крестьянства далеко не завершилось. Интеллигенция видит все это и неустанно грозит, что «мы» опять придем к краху. И действительно наступает новый крах. Масса мелких капиталистов побивается крупными, масса крестьян выгаливается из земледелия, все более и более достигающегося в руки буржуазии; увеличивается в необъятных размерах море нищеты, безработицы, голодного вымирания — и «интеллигенция» с спокойною совестью ссылается на свои пророчества и паки сетует о неправильном пути, доказывая непрочность нашего капитализма отсутствием внешних рынков.

А русская буржуазия «слушает да ест». Пока «интеллигенция» ищет новых путей, она предпринимает гигантские постройки железных дорог в свои колонии, создавая себе там рынок, неся в молодую страну прелести буржуазных порядков, выращивая с особенной быстротой и там промышленную и земледельческую буржуазию и бросая массу производителей в ряды вечно голодного безработного люда.

Неужели же социалисты все еще будут ограничиваться сетованиями о неправильных путях и доказывать непрочность капитализма... медленным нарастанием числа фабрично-заводских рабочих!?!^[4]

Прежде чем перейти к этой ребячьей идее, нельзя не упомянуть о том, что г. Ник. — он крайне неточно передал критикуемое место статьи г-на Струве. В статье его сказано буквально следующее:

Если автор (т. е. г. Ник. — он) указывает на различие в составе русского и американского населения по роду занятий — для России принимается, что 80 % всего занятого хозяйственной деятельностью (erwerbsthätigen) населения занято сельским хозяйством, а в Соединенных Штатах только 44 % — то он при этом не замечает, что капиталистическое развитие России именно и будет работать над уменьшением этой разницы 80—44: в этом, можно сказать, состоит его историческая миссия".

Можно находить, что слово «миссия» поставлено здесь очень неудачно, но мысль г-на Струве ясна: г. Ник. — он не заметил, что капиталистическое развитие России (он сам признает, что развитие это действительно капиталистическое) будет уменьшать сельское население, тогда как это — общий закон капитализма. Следовательно, г. Ник. — ону, чтобы опровергнуть это возражение, следовало показать или 1) что он не упустил из виду этой тенденции капитализма, или 2) что капитализм не имеет этой тенденции.

Вместо этого г. Ник. — он принимается за разбор данных о числе наших фабричных рабочих (1 % населения по его счету). Да разве у г. Струве говорится о фабричных рабочих? разве 20 % населения в России, 56 % в Америке, это — фабричные рабочие? разве понятия: «фабричные рабочие» и «население, занятое не сельским хозяйством» — тождественны? Можно ли оспаривать, что и в России уменьшается доля населения, занятого сельским хозяйством?

После этой поправки, которую я считаю тем более необходимой, что г. Кривенко уже раз в этом же журнале переврал это место, перейдем к самой идее г. Ник. — она о «плохом исполнении миссии нашим капитализмом».

Во-первых, нелепо отождествлять число фабрично-заводских рабочих с числом рабочих, занятых в капиталистическом

производстве, как это делает автор «Очерков». Это значит повторять (*и даже утрировать*) ошибку мещанских российских экономистов, начинающих капитализм прямо с крупной машинной индустрии. Разве миллионы русских кустарей, работающих на купцов из их материала за обыкновенную заработную плату, — заняты не в капиталистическом производстве? Разве батраки и поденщики в земледелии получают от хозяев не заработную плату и отдают им не сверхстоимость? Разве рабочие, занятые строительной промышленностью (быстро развившейся у нас после реформы), — не подвергаются капиталистической эксплуатации? и т. д. ^[5]

Во-вторых, нелепо сравнивать число фабричных рабочих (1400000) со всем населением и выражать это отношение процентом. Это значит прямо-таки сравнивать величины несоизмеримые: население трудоспособное с нетрудоспособным, занятое производством материальных ценностей с «идеологическими состояниями» и т. д. Разве фабрично-заводские рабочие не кормят каждый известное число нерабочих членов семьи? Разве фабричные рабочие не кормят — помимо их хозяев и целой стаи торговцев — кучу солдат, чиновников и т. п. господ, которых вы прикладываете к земледельческому населению и противопоставляете всю эту кашу фабрично-заводскому? Разве, затем, нет на Руси таких промыслов, как рыболовство и т. п., которые опять-таки нелепо противопоставлять фабрично-заводской промышленности, соединяя их с земледелием? Если бы вы хотели получить представление о составе населения России по его занятиям, следовало бы, во-первых, выделить особо то население, которое занято производством материальных ценностей (исключив, следовательно, нерабочее население, с одной стороны, а с другой — солдат, чиновников, попов и т. п.), и, во-вторых, попытаться распределить его по разным отраслям народного труда. Если бы не оказалось для этого данных, следовало бы и не братья за подобные расчеты, а не толковать пустяков об 1 % (?!!) населения, занятом фабрично-заводской промышленностью. ^[6]

В-третьих, — и это самое главное и самое безобразное искажение теории Маркса о прогрессивной, революционной работе капитализма, — откуда взяли вы, что «объединяющее значение» капитализма выражается в объединении только фабричных рабочих? Уж не заимствуете ли вы представление о марксизме из статей «Отечественных Записок» насчет обобществления труда? Уж не сводите ли и вы его к работе в одном помещении? Но нет. Ник. — она нельзя бы, казалось, упрекнуть в этом, потому что он точно характеризует обобществление труда капитализмом на второй странице своей статьи в № 6 «Р. Богатства», правильно отмечая оба признака этого обобществления: 1) работу на все общество и 2) объединение отдельных работников для получения продукта общего труда. Однако, если это так, то к чему же было судить о «миссии» капитализма по числу фабричных рабочих, тогда как эта «миссия» выполняется развитием капитализма и обобществления труда вообще, созданием пролетариата вообще, — по отношению к которому фабрично-заводские рабочие играют роль только передовых рядов, авангарда. Бесспорно, конечно, что революционное движение пролетариата зависит и от числа этих рабочих, и от концентрации их, и от степени их развития и т. д., но все это не дает ни малейшего права *сводить «объединяющее значение» капитализма к числу фабрично-заводских рабочих*. Это значит до невозможности суживать идею Маркса.

Приведу пример. В своей брошюре: «Zur Wohnungsfrage» ^[7] Фридрих Энгельс говорит о германской промышленности и указывает, что ни в одной другой стране, кроме Германии, — он говорит только о Западной Европе — нет такого количества наемных рабочих, владеющих садом или кусочком полевой земли. «Деревенская кустарная промышленность, соединенная с садоводством или сельским хозяйством, — говорит он, — составляет широкое основание молодой крупной промышленности Германии». Эта кустарная промышленность, по мере возрастания нужды немецкого мелкого крестьянства, все сильнее и сильнее растет (как и в России — добавим от себя), но при этом **СОЕДИНЕНИЕ** промышленности с земледелием является условием не **БЛАГОСОСТОЯНИЯ** кустаря, а напротив — еще большего **УГНЕТЕНИЯ**. Будучи привязан к месту, он вынужден брать какую угодно цену и потому отдает капиталисту не только сверхстоимость, а и крупную часть заработной платы (как и в России с ее громадным развитием домашней системы крупного производства). «*Это одна сторона дела, — продолжает Энгельс, — но оно имеет и обратную сторону... С распространением кустарной промышленности крестьянство одной местности за другой втягивается в промышленное движение современной эпохи. Это революционизирование земледельческих местностей при посредстве кустарной промышленности распространяет промышленную революцию в Германии на гораздо большее пространство, чем это было в Англии и Франции... Это объясняет, почему в Германии, в противоположность Англии и Франции, революционное рабочее движение нашло такое сильное распространение по широкому пространству страны, вместо того, чтобы ограничиваться исключительно городскими центрами. И это же объясняет спокойный, твердый, неудержимый рост этого движения. В Германии ясно само собой, что победоносное восстание в столице и других больших городах только тогда будет возможно, когда и большинство мелких городов и большая часть деревенских областей созреет для переворота*».

Вот и смотрите: не только «объединяющее значение капитализма», но и успех рабочего движения зависит, оказывается, не только от числа фабричных рабочих, а и от числа... *кустарей!* А наши самобытники, игнорируя чисто капиталистическую организацию громадного большинства русских кустарных промыслов, противопоставляют их капитализму, как какую-то «народную» промышленность, и судят о «проценте населения, находящегося в непосредственном распоряжении капитализма», по числу фабричных рабочих! Это уже напоминает такое рассуждение г-на Кривенко: марксисты хотят все внимание обратить на фабричных рабочих, но так как их всего только 1 млн на 100, то это — лишь маленький уголок жизни, и посвящать себя ему — все равно, что ограничиваться работой в сословных или благотворительных учреждениях (№ 12 «Р. Б—ва»). Фабрики и заводы — такой же маленький уголок жизни, как сословные и благотворительные учреждения!! О, гениальный г. Кривенко! Вероятно, именно сословные учреждения производят продукты на все общество? вероятно, именно порядки сословных учреждений объясняют эксплуатацию и экспроприацию трудящихся? вероятно, именно в сословных учреждениях надо искать передовых представителей пролетариата, способных поднять знамя освобождения рабочих?

Не удивительны подобные вещи в устах маленьких буржуазных философов, но когда встречаешь нечто подобное у г. Ник. — она, то становится как-то обидно.

На стр. 393-ей «Капитала» Маркс приводит данные о составе английского населения. Всего в Англии и Уэльсе было в 1861 г. — 20 млн человек. Рабочих, занятых в главных отраслях фабрично-заводской промышленности, оказывается 1 605 440 человек^[8]. При этом прислуги оказывается 1208648 человек, и в примечании ко 2-му изданию Маркс указывает на особенно быстрый рост этого последнего класса. Представьте себе теперь, что в Англии нашлись бы такие «марксисты», которые для суждения об «объединяющем значении капитализма» стали делить 1,6 млн на 20!! Получается 8 % — *менее одной двенадцатой части!!!* Как же можно говорить о «миссии» капитализма, когда он не объединил и двенадцатой части населения! и притом быстрее растет класс «домашних рабов» — мертвая потеря «народного труда», свидетельствующая, что «мы», англичане, идем по «неверному пути»! не ясно ли, что «нам» следует «искать для своего отечества иных», некапиталистических «путей развития»?!

В аргументации г. Ник. — она осталась еще один пункт: говоря, что наш капитализм не приносит того объединяющего значения, которое «так характерно для Зап. Европы и с особенной силой начинает проявляться в Сев. Америке», он имеет в виду, очевидно, рабочее движение. Итак, мы должны искать иных путей, так как наш капитализм не приносит рабочего движения. Этот довод, кажется, уже предвосхищен г. Михайловским. Маркс оперировал над готовым пролетариатом — поучал он марксистов. И в ответ на сделанное ему одним марксистом замечание, что он видит в нищете только нищету, он отозвался таким образом: это замечание, по обыкновению, взято целиком у Маркса. Но если-де мы обратимся к этому месту «Нищеты философии», то увидим, что к нашим делам оно неприменимо, что наша нищета — только нищета. — На деле, однако, из «Нищеты философии» мы еще ничего не увидим. Маркс говорит там о коммунистах старой школы, что они видят в нищете только нищету, не замечая ее революционной, разрушительной стороны, которая и ниспровергнет старое общество. Очевидно, что основанием для утверждения о неприменимости этого к нашим делам служит для г. Михайловского отсутствие «проявления» рабочего движения. По поводу этого рассуждения заметим, во-первых, что только самое поверхностное знакомство с фактами может внушить идею, что Маркс оперировал над готовым пролетариатом. Коммунистическая программа Маркса выработана была им еще до 1848 г. Какое же было тогда рабочее движение^[9] в Германии? Не было тогда даже политической свободы, и работа коммунистов ограничивалась тайными кружками (как и у нас теперь). Социал-демократическое рабочее движение, показавшее всем наглядно революционную и объединяющую роль капитализма, началось двумя десятилетиями позже, когда доктрина научного социализма окончательно сложилась, когда шире распространилась крупная индустрия и нашлись ряды талантливых и энергичных распространителей этой доктрины в рабочей среде. Представляя в неверном освещении исторические факты, забывая о массе труда, вложенного социалистами на придание сознательности и организованности рабочему движению, наши философы сверх того подсовывают Марксу бессмысленнейшие фаталистические воззрения. По его взгляду, будто бы организация и обобществление рабочих происходят сами собой и, следовательно, дескать, если мы, видя капитализм, не видим рабочего движения, так это потому, что капитализм не выполняет миссии, а не потому, что мы слабо еще работаем над этой организацией и пропагандой среди рабочих. Эту мешански трусливую увертку наших самобытных философов не стоит и опровергать: ее опровергает вся деятельность социал-демократов всех стран, ее опровергает каждая публичная речь какого угодно марксиста. Социал-демократия — совершенно справедливо говорит [Каутский](#) — это соединение рабочего движения с социализмом. И для того, чтобы прогрессивная работа капитализма «проявилась» и у нас, наши социалисты должны взяться со всей энергией за свою работу; они должны разработать подробнее марксистское понимание русской истории и действительности, прослеживая конкретнее все формы классовой борьбы и эксплуатации, которые особенно запутаны и прикрыты в России. Они должны далее популяризовать эту теорию, принести ее рабочему, должны помочь рабочему усвоить ее и выработать наиболее **ПОДХОДЯЩУЮ** для наших условий форму организации для распространения социал-демократизма и сплочения рабочих в политическую силу. И русские социал-демократы не только не говорили никогда, чтобы они закончили уже, выполнили эту работу идеологов рабочего класса (работе тут и конца не видно), а, напротив, всегда подчеркивали, что они только начинают ее, что нужны еще многие усилия многих и многих лиц, чтобы создать хотя что-нибудь прочное.

Кроме неудовлетворительного и безобразно узкого понимания теории Маркса, это ходячее возражение об отсутствии прогрессивной работы нашего капитализма основывается еще, кажется, на нелепой идее о мифическом «народном строе».

Когда «крестьянин» в пресловутой «общине» раскалывается на голяка и богатея, на представителей пролетариата и капитала (особенно торгового), — тогда тут не хотят видеть зачаточного, средневекового капитализма и, обходя политико-экономическую структуру деревни, разглагольствуют в поисках «иных путей для отечества» о видоизменениях формы землевладения крестьян, с которой непростительно смешивают форму экономической организации, как будто бы внутри самой «уравнительной общины» не процветало у нас чисто буржуазное разложение крестьянства. А когда этот капитализм, развиваясь, перерастает узкие формы средневекового, деревенского капитализма, разрывает крепостническую власть земли и заставляет давно уже дочиста обобранного и голодного крестьянина, бросив землю в общество для уравнительного распределения между торжествующими кулаками, уходить на сторону, бродить по всей России, проводя массу времени без работы, наниматься сегодня к помещику, завтра — к подрядчику по постройке жел. дор., потом — в чернорабочие в городе или в батраки к богатому крестьянину и т. д.; когда этот «крестьянин», меняя хозяев по всей России, видит, что везде, куда бы он ни пришел, он подвергается самому бесстыдному грабежу, видит, что рядом с ним грабят таких же, как он, голяков, видит, что грабит не непременно «барин», а и «свой брат-мужик», раз только есть у него деньги на покупку рабочей силы, видит, как правительство повсюду служит его хозяевам, стесняя права рабочих и подавляя под видом бунта всякую попытку защитить свои элементарнейшие права, видит, как все напряженнее и напряженнее становится труд русского рабочего, все быстрее рост богатства и роскоши, — тогда как положение рабочего все ухудшается, экспроприация усиливается и безработица становится нормой, — в это время наши критики марксизма ищут иных путей для отечества, в это время они решают глубокомысленный вопрос: можно ли признать тут прогрессивную работу капитализма, когда мы видим медленное нарастание числа фабричных

рабочих, и не следует ли отвергнуть и признать неверным путем наш капитализм за то, что он так «плохо, очень, очень плохо выполняет свою историческую миссию».

Не правда ли, какое возвышенное, широко-гуманное занятие?

И какие узкие доктринеры эти злые марксисты, когда они говорят, что отыскивать иные пути для отечества при наличии повсюду в России капиталистической эксплуатации трудящегося — значит прятаться от действительности в сферу утопий, когда они находят, что плохо исполняют свою миссию не наш капитализм, а русские социалисты, которые не хотят понять, что мечтать о замирении вековой экономической борьбы антагонистических классов русского общества — значит впадать в маниловщину, не хотят понять, что следует стараться о придании организованности и сознательности этой борьбе и для этого взяться за социал-демократическую работу.

В заключение нельзя не отметить еще одной выходки г-на Ник. — она против г. Струве, в том же № 6 «Р. Б.—ва».

«Нельзя не обратить внимания, — говорит г. Ник. — он, — на некоторую особенность полемики г. Струве. Он писал для немецкой публики, в немецком серьезном журнале, а употреблял приемы, как будто совсем неподходящие. Надо думать, что не только немецкая, но даже русская публика выросла — „в меру взрослого человека“, чтобы могла попасться на разные „жупелы“, которыми уснащена его статья. „Утопия“, „реакционная программа“ и подобные выражения попадают в каждом ее столбце. Но, увы, эти „страшные слова“ решительно не производят уже того действия, на которое, по-видимому, рассчитывает г. Струве» (с. 128).

Попробуем разобраться, есть ли в этой полемике г. Ник. — она и Струве «неподходящие приемы» и если есть, — кто их употребляет.

Г. Струве обвиняется в употреблении «неподходящих приемов» на том основании, что в серьезной статье ловит публику на «жупелы» и «страшные слова».

Употреблять «жупель» и «страшные слова» — это значит давать такую характеристику противника, которая является резко неодобрительной, не будучи в то же время ясно и отчетливо мотивирована, не вытекающая с неизбежностью из точки зрения пишущего (точки зрения, определенно изложенной), а выражая просто желание выругать, разнести.

Очевидно, что только этот последний признак и обращает резко неодобрительные эпитеты в «жупелы». Ведь г. [Слонимский](#) резко отозвался о г. Ник. — она, но так как он при этом ясно и точно формулировал свою точку зрения обыкновенного либерала, абсолютно неспособного понять буржуазность современных порядков, совершенно отчетливо формулировал свои феноменальные доводы, — то его можно обвинять в чем угодно, но не в «неподходящих приемах». Г-н Ник. — он тоже резко отозвался о г. Слонимском, приведя ему, между прочим, в назидание и поучение слова Маркса, «оправдавшиеся и у нас» (признание г-на Ник. — она), о *реакционности* и *утопичности* той защиты мелкого кустарного производства и мелкого крестьянского землевладения, которой хочет г. Слонимский, обвиняя его в «узости», «*наивности*» и т. п. Смотрите, статья г. Ник. — она «уснащена» такими же эпитетами (подчеркнутые), как и статья г. Струве, но мы не можем говорить о «неподходящих приемах», ибо все это — мотивировано, все это вытекает из определенной точки зрения и системы воззрений автора, которые могут быть неверны, но принимая которые нельзя иначе отнестись к противнику, как к наивному, узкому, реакционному утописту.

Посмотрим, как обстоит дело в статье г. Струве. Обвиняя г. Ник. — она в утопизме, из которого должна произойти реакционная программа, и в наивности, он совершенно ясно указывает те основания, по которым он пришел к такому мнению. Первое: желая «обобществления производства», г. Ник. — он «апеллирует к обществу (sic!) и государству». Это «доказывает, что учение Маркса о классовой борьбе и о государстве совершенно чуждо русскому политико-эконому». Наше государство — «представитель правящих классов». — Второе: «Если противопоставить *действительному* капитализму *воображаемый* хозяйственный строй, который *должен* появиться просто потому, что мы его *хотим*, другими словами, если хотеть обобществления производства помимо капитализма, то это свидетельствует только о наивном, не соответствующем истории, понимании». С развитием капитализма, вытеснением натурального хозяйства, уменьшением сельского населения, «современное государство выступит из тех сумерек, в которых оно еще находится в наше патриархальное время (мы говорим о России), выступит на ясный свет открытой классовой борьбы, и для обобществления производства придется поискать других сил и факторов».

Что же, разве это не достаточно ясная и отчетливая мотивировка? Можно ли оспаривать верность фактических указаний г. Струве на мысли автора? Разве г. Ник. — он в самом деле принял во внимание классовую борьбу, свойственную капиталистическому обществу? Нет. Он говорит об обществе и государстве, забывая эту борьбу, исключая ее. Он говорит, например, что государство поддерживало капитализм, вместо того, что-бы обобществлять труд через общину и т. д. Очевидно, что он считает, что государство могло и так и этак поступить, что оно, следовательно, стоит *вне классов*. Не ясно ли, что обвинение г-на Струве в употреблении «жупелов» — *вопиюще* несправедливо? Не ясно ли, что человек, который думает, что наше государство — классовое, не может не считать наивным и реакционным утопистом того, кто обращается к этому государству для обобществления труда, т. е. для устранения правящих классов? Мало этого. Когда обвиняют противника в

употреблении «жупелов», *умалчивая* о том воззрении его, из которого вытек его отзыв, несмотря на ясное формулирование им этого воззрения, когда притом обвиняют его в подцензурном журнале, куда не может проникнуть это воззрение, — не следует ли думать, что это — «вовсе неподходящий прием»?

Пойдем дальше. Второй довод г. Струве формулирован не менее ясно. Что обобществление труда помимо капитализма, через общину, — есть воображаемый строй, это несомненно, ибо его нет в действительности. Эту действительность сам г. Ник. — он рисует так до 1861 года производительными единицами были «семья» и «община» («Очерки», с. 106—107). Это «мелкое, раздробленное, самодовлеющее производство не могло развиваться значительно, поэтому оно и характерно, как крайне рутинное, мало производительное». Дальнейшее изменение состояло в том, что «общественное разделение труда шло постоянно все глубже и глубже». Следовательно, капитализм разорвал узкие границы прежних производительных единиц и обобществил труд во всем обществе. *Это обобществление труда нашим капитализмом признает и г. Ник. — он.* Поэтому, желая опираться для обобществления труда не на капитализм, который *уже обобществил труд*, а на общину, *разрушение которой и принесло впервые обобществление труда во всем обществе*, он является реакционным утопистом. Вот — мысль г-на Струве. Можно считать ее верной или неверной, но нельзя отрицать, что из этого мнения с логической неизбежностью вытек резкий отзыв о г. Ник. — оне, и что поэтому о «жупелах» говорить не приходится.

Мало этого. Когда г. Ник. — он заканчивает свою полемику с г. Струве тем, что приписывает противнику желание обезземелить крестьянство («если под прогрессивной программой разумею обезземеление крестьянства,.. то автор „Очерков“ консерватор») — вопреки прямому заявлению г-на Струве, что он хочет обобществления труда, хочет его через капитализм, хочет для этого опираться на те силы, которые видны будут при «ясном свете открытой классовой борьбы», — то это ведь нельзя не назвать передачей, диаметрально противоположной истине. А если принять во внимание, что в подцензурной печати г. Струве не мог бы говорить о силах, выступающих при ясном свете классовой борьбы, что, следовательно, противнику г. Ник. — она зажали рот, — то тогда едва ли можно оспаривать, что прием г. Ник. — она совершенно уже — «неподходящий прием».

1. ↑ [лат. eo ipso](#) — этим самым
2. ↑ Вообще своими статьями в «Р. Богатстве» г. Ник. — он усиленно старается, кажется, доказать, что он вовсе не так далек от мещанского радикализма, как можно было думать; что и он способен в росте крестьянской буржуазии (№ 6, с. 118 — распространение среди «крестьян» улучшенных орудий, фосфоритов etc.) видеть признаки того, что «само крестьянство» (то, которое массами экспроприруется?) «понимает необходимость выбраться из того положения, в каком оно находится»
3. ↑ Пропадают эти доказательства даром не потому, чтобы неверны были: разорение, обнищание и голодание народа — несомненные и неизбежные спутники капитализма, а потому, что адресуются эти доказательства в воздух. «Общество» — оно даже под покровом демократизма проводит плутократические интересы, и конечно уже не плутократия выступит против капитализма. «Правительство»... — приведу один отзыв противника, г. [Н. К. Михайловского](#): — как ни мало знаем мы программы нашего правительства, — писал он однажды, — но настолько-то мы их знаем, чтобы быть уверенными, что «обобществление труда» в их программу не входит.
4. ↑ Как же в самом деле не назвать этой идеи ребячьей, когда для определения прогрессивной работы капитализма берется не степень обобществления труда, а такой колеблющийся показатель развития *одной* только отрасли народного труда! Всякий знает, что число рабочих не может не быть чрезвычайно непостоянным при капиталистическом способе производства, что оно зависит от массы второстепенных факторов, вроде кризисов, величины резервной армии, степени эксплуатации труда, степени напряженности его и т. д., и т. д.
5. ↑ Я ограничиваюсь здесь критикой *приема* г-на Ник. — она — судить об «объединяющем значении капитализма» по числу фабричных рабочих. Не могу войти в разбор цифр, так как у меня нет под руками тех источников, которыми г. Ник. — он пользуется. Нельзя, однако, не заметить, что эти источники выбраны г. Ник. — оном едва ли удачно. Сначала он берет данные из «Военно-статистического сборника» для 1865 г. и из «Указателя фабрик и заводов» 1894 г. — для 1890 г. Получается число рабочих (кроме горнорабочих) 829573 и 875764. Увеличение на 5,5 % — гораздо меньше увеличения народонаселения (91 и 61,42 млн — на 48,1 %). На следующей странице берутся уже другие данные: и для 1865 и для 1890 гг. — из «Указателя» за 1893 г. По этим данным число рабочих — 392718 и 716792; увеличение на 82 %. Но это без промышленности, обложенной акцизом, в которой число рабочих (с. 104) было 1865: 186053 и 1890: 144332. Складывая эти последние цифры с предыдущими, получаем общее число рабочих (кроме горнозаводских) 1865: 578 771 и 1890: 861 124. Увеличение на 48,7 % — при увеличении населения на 48,1 %. Итак, на протяжении пяти страниц автор приводит данные, из которых одни показывают увеличение на 5 %, а другие — на 48 %! И на основании таких данных противоречивых он судит о непрочности нашего капитализма!!

И потом, почему автор не взял данных о числе рабочих, которые приведены им в «Очерках» (таблицы XI и XII) и по которым мы видим возрастание числа рабочих на 12—13 % за три года (1886—1889), т. е. возрастание, быстро опережающее рост населения? Автор скажет, может быть, что промежуток времени крайне мал. Но зато ведь данные эти однородны, сравнимы и отличаются большей достоверностью; это во-первых. А во-вторых, разве сам автор не пользовался этими же данными, несмотря на малый промежуток времени, для суждения о росте фабрично-заводской промышленности?

Понятно, что данные об одной только отрасли народного труда не могут не быть шаткими, когда берут такой колеблющийся показатель состояния этой отрасли, как число рабочих. Подумайте же, каким бесконечно наивным

мечтателем надо быть, чтобы на основании подобных данных надеяться на то, что наш капитализм развалится, обратится в прах сам собой, без упорной, отчаянной борьбы! — чтобы противопоставлять такие данные несомненному господству и развитию капитализма во всех отраслях народного труда!

6. ↑

Г-н Ник. —он попытался привести такой расчет в «Очерках», но крайне неудачно. На стр. 302 читаем:

«В последнее время сделана была попытка определить число всех свободных рабочих в 60 губ. Европейской России (С. А. Короленко. „Вольнонаемный труд“. СПб. 1892). Исследование сельскохозяйственного департамента определяет все число сельского населения, способного к труду, в 50 губ. Европейской России в 35712 тыс. человек, между тем как общее число рабочих, потребных на сельскохозяйственные нужды, на обрабатывающую, добывающую, перевозочную и пр. промышленность, определяется всего-навсего в 30124 тыс. чел. Таким образом, избыток рабочих совершенно излишних выразится громадным числом в 5588 тыс. чел., что с семьями по принятой норме составит никак не менее 15 млн человек». (Повторено еще раз на 341 стр.)

Если мы обратимся к этому «исследованию», то увидим, что «исследовано» там только употребление помещиками вольнонаемного труда, и к этому исследованию г. С. Короленко приложил «обзор» Европейской России «в сельскохозяйственном и промышленном отношении». В этом обзоре делается попытка (не на основании какого-нибудь «исследования»), а по старым имеющимся данным) распределить по занятиям рабочее население Европейской России. Результаты у г-на С. А. Короленко получились следующие: всего в 50 губерниях Европейской России рабочих 35 712 000. Из этого числа заняты:

в земледелии	27 435,4 тыс.	
культурой специальных растений	1466,4	» 30 124 тыс.
фаб.-зав. и горной промышл.	1222,7	»
евреи	1 400,4	»
лесными промыслами	ок. 2 000	»
скотоводством	» 1000	»
жел.-дор. движением	» 200	»
рыболовством	» 200	»
местными и сторонними промыслами, охотой, звероловством и т. п. остальные	787,2	»

Итого 35 712,1 тысячи.

Таким образом, г. Короленко распределил (худо ли, хорошо) по занятиям *всех* рабочих, а г. Ник. —он произвольно взял первые три рубрики и толкует о 5588 тыс. «совершенно излишних» (??) рабочих!

Помимо этой неудачи, нельзя не заметить, что расчет г-на Короленко крайне груб и неточен: количество сельскохозяйственных рабочих определено по одной общей норме на всю Россию, не выделено непроизводительное население (г. Короленко, подчиняясь юдофобству начальства, отнес туда... *евреев!* Непроизводительных рабочих должно быть больше 1,4 млн.: торговцы, нищие, бродяги, преступники и т. д.), безобразно мало число кустарей (последняя рубрика — отхожие и местные) и т. д. Подобных расчетов лучше бы вовсе не приводить.

7. ↑ «К жилищному вопросу». *Ред.*

8. ↑ 642607 человек занято в текстильной промышленности, в чулочном и кружевном производстве (у нас десятки тысяч женщин, занятых чулочным и кружевным промыслом, подвергаются самой невероятной эксплуатации «торговою», на которых они работают. Зарботная плата доходит иногда до 3-х (sic!) копеек в день! Неужели они, г. Ник. —он, не «находятся в непосредственном распоряжении капитализма?»), затем 565835 человек занято в угольных и металлических копях и 396998 — во всех металлических производствах и мануфактурах.

9. ↑ Насколько мала была тогда численность рабочего класса, можно судить по тому, что *27 лет спустя*, в 1875 г., Маркс писал: «трудящийся народ в Германии состоит в большинстве из крестьян, а не из пролетариев». Вот что значит — «оперировать (??) над готовым пролетариатом»!

Это произведение перешло в общественное достояние.

- Произведение написано автором, умершим более семидесяти лет назад, и опубликовано прижизненно, либо посмертно, но с момента публикации также прошло более семидесяти лет.

Источник — [https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=Что_такое_«друзья_народа»_и_как_они_воюют_против_социал-демократов%3F_\(Ленин\)/III/II&oldid=545706](https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=Что_такое_«друзья_народа»_и_как_они_воюют_против_социал-демократов%3F_(Ленин)/III/II&oldid=545706)

Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ленин)/Ш/Ш

Материал из Википедии — свободной библиотеки

< [Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? \(Ленин\)](#) | [Ш](#)

Перейти к: [навигация](#), [поиск](#)

← **Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского Приложение богатства» против марксистов)** — Приложение Ш

Ш автор *В.И.Ленин*

Дата создания: 1894 г., опубл.: в 1894 г. на гектографе. Источник: *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений в пятидесяти пяти томах. — издание пятое. — М.: Издательство политической литературы, 1967. — Т. 1. 1893 ~ 1894. — С. 339—346

Приложение Ш

Говоря об узком понимании марксизма, я разумею самих марксистов. Нельзя не заметить по этому поводу, что самому безобразному сужению и искажению подвергается марксизм, когда наши либералы и радикалы берутся за изложение его на страницах легальной печати. Что это за изложение! Подумайте только, как изуродовать нужно эту революционную доктрину, чтобы уложить ее на [прокрустово ложе](#) российской цензуры! И наши публицисты с легким сердцем проделывают подобную операцию: марксизм в их изложении сводится, почитай что, к учению о том, как при капиталистическом строе проделывает свое диалектическое развитие индивидуальная собственность, основанная на труде собственника, как она превращается в свое отрицание и затем обобществляется. И в этой «схеме» с серьезным видом полагают все содержание марксизма, минуя все особенности его социологического метода, минуя учение о классовой борьбе, минуя прямую цель исследования — вскрыть все формы антагонизма и эксплуатации, чтобы помочь пролетариату сбросить их. Не удивительно, что получается нечто до такой степени бледное и узкое, что наши радикалы принимают за оплакивание бедных русских марксистов. Еще бы! Русский абсолютизм и русская реакция не были бы абсолютизмом и реакцией, если бы при существовании их можно было целиком, точно и полно излагать марксизм, договаривая до конца его выводы! И если бы наши либералы и радикалы как следует знали марксизм (хотя бы по немецкой литературе), они бы посоветились так уродовать его на страницах подцензурной печати. Нельзя изложить теории — молчите или оговаривайтесь, что излагаете далеко не все, что опускаете самое существенное, но зачем же, излагая обрывки, кричать об узости?

Ведь этак только и можно дойти до таких курьезов, возможных лишь в России, когда к марксистам относят людей, понятия не имеющих о борьбе классов, о необходимом антагонизме, присущем капиталистическому обществу, и о развитии этого антагонизма, людей, не имеющих представления о революционной роли пролетариата; даже людей, выступающих прямо с буржуазными проектами, лишь бы у них попадались словечки «денежное хозяйство», его «необходимость» и т. п. выражения, для признания которых специально марксистскими нужна вся глубина остроумия г. [Михайловского](#).

А [Маркс](#) всю цену своей теории полагал в том, что она «по самому существу своему — теория критическая^[1] и революционная». И это последнее качество действительно присуще *марксизму* всецело и безусловно, потому что эта теория прямо ставит своей задачей *вскрыть* все формы антагонизма и эксплуатации в современном обществе, проследить их эволюцию, доказать их преходящий характер, неизбежность превращения их в другую форму *и послужить таким образом пролетариату для того, чтобы он как можно скорее и как можно легче покончил со всякой эксплуатацией*. Непреодолимая привлекательная сила, которая влечет к этой теории социалистов всех стран, в том и состоит, что она соединяет строгую и высшую научность (являясь последним словом общественной науки) с революционностью, и соединяет не случайно, не потому только, что основатель доктрины лично соединял в себе качества ученого и революционера, а соединяет в самой теории внутренне и неразрывно. В самом деле, задачей теории, целью науки — прямо ставится тут содействие классу угнетенных в его действительно происходящей экономической борьбе.

«Мы не говорим миру: перестань бороться — вся твоя борьба пустяки. Мы только даем ему истинный лозунг борьбы».

Следовательно, прямая задача науки, по Марксу, это — дать истинный лозунг борьбы, т. е. суметь объективно представить эту борьбу, как продукт определенной системы производственных отношений, суметь *понять* необходимость этой борьбы, ее содержание, ход и условия развития. «Лозунг борьбы» нельзя дать, не изучая со всей подробностью каждую отдельную форму этой борьбы, не следя за каждым шагом ее, при ее переходе из одной формы в другую, чтобы уметь в каждый данный момент определить положение, не упуская из виду общего характера борьбы, общей цели ее — полного и окончательного уничтожения всякой эксплуатации и всякого угнетения.

Попробуйте сравнить с «критической и революционной» теорией Маркса ту бесцветную дребедень, которую излагал в своей «критике» и против которой воевал «наш известный» Н. К. Михайловский, — и вы поражены будете, как это могут быть в

самом деле люди, считающие себя «идеологами трудящегося класса» и ограничивающиеся... тем «плоским кружком», в который превращают теорию Маркса наши публицисты, стирая с нее все жизненное.

Попробуйте сравнить с требованиями этой теории нашу народническую литературу, исходящую тоже ведь из желания быть идеологом трудящегося, литературу, посвященную истории и современному состоянию наших экономических порядков вообще и крестьянства в частности, — и вы поражены будете, как могли социалисты удовлетворяться подобной теорией, которая ограничивалась изучением и описанием бедствий и моралью по поводу этих бедствий. Крепостное право изображается не как определенная форма хозяйственной организации, порождавшей такую-то эксплуатацию, такие-то антагонистические классы, такие-то политические, юридические и др. порядки, — а просто как злоупотребления помещиков и несправедливость по отношению к крестьянам. Крестьянская реформа изображается не как столкновение определенных хозяйственных форм и определенных экономических классов, а как мероприятие начальства, «выбравшего» по ошибке «неверный путь», несмотря на самые благие намерения. Пореформенная Россия изображается как отклонение от истинного пути, сопровождающееся бедствиями трудящегося, а не как известная система антагонистических производственных отношений, имеющая такое-то развитие.

Теперь, впрочем, потеря кредита этой теорией несомненна, и чем скорее русские социалисты поймут, что не может быть, при настоящем уровне знаний, революционной теории вне марксизма, чем скорее направят они все свои силы на приложение этой теории к России, в теоретическом и практическом отношениях, — тем вернее и быстрее будет успех революционной работы.

Для наглядной иллюстрации того, какое растление вносят гг. «друзья народа» в современную «бедную русскую мысль» своим призывом интеллигенции к культурному воздействию на «народ» для «создания» правильной, настоящей промышленности и т. п., — приведем отзыв людей, держащихся резко отличного от нашего образа мыслей — «народоправцев», этих прямых, непосредственных потомков народолюбцев. См. брошюру: «Насущный вопрос», 1894. Изд. партии «Народного права».

Дав прекрасную отповедь тому сорту народников, которые говорят, «что ни под каким видом, даже под условием широкой свободы, не должна Россия расставаться со своей экономической организацией, обеспечивающей (!) трудящемуся самостоятельное положение в производстве», которые говорят: «нам нужны не политические, а систематические, планомерно проведенные экономические реформы», народоправцы продолжают:

«Мы не защитники буржуазии и еще менее поклонники ее идеалов, но если бы злая судьба дала народу на выбор — «планомерные экономические реформы» под защитой земских начальников, ревниво оберегающих их от посягательств буржуазии, или же эту последнюю на почве политической свободы, т. е. при условиях, *обеспечивающих* народу организованную защиту своих интересов, — мы думаем, что народ, избрав последнее, оказался бы в чистом выигрыше. У нас нет теперь «политических реформ», грозящих отнять у народа его мнимо-самостоятельную экономическую организацию, — и есть то, что всеми и везде принято считать буржуазной политикой, выражающейся в грубейшей эксплуатации народного труда. Теперь у нас нет ни широкой, ни узкой свободы, а есть покровительство сословным интересам, о котором мечтать перестали аграрии и капиталисты конституционных стран. Теперь у нас нет «буржуазного парламентаризма», общество на выстрел не допускается к управлению, — и есть гг. Найденовы, Морозовы, Кази и Беловы, выступающие с требованием китайской стены для ограждения своих интересов, наряду с представителями «нашего верного дворянства», доходящими до требования себе дарового кредита в размере 100 руб. на десятину. Их приглашают в комиссии, их выслушивают с почтением, их голос имеет решающее значение в важнейших вопросах экономической жизни страны. И в то же время кто и где выступает на защиту народа? не они ли, земские начальники? Не для него ли проектируются сельскохозяйственные рабочие роты? Не теперь ли с откровенностью, близкой к цинизму, было заявлено, что народу дан надел единственно для уплаты податей и отбывания повинностей, как выразился в своем циркуляре вологодский губернатор? Он лишь формулировал и громко высказал то, что в своей политике фатально проводит самодержавие или, правильнее сказать, бюрократический абсолютизм».

Как ни туманны все еще представления народоправцев о том «народе», интересы которого они хотят защищать, о том «обществе», в котором они продолжают видеть заслуживающий доверия орган охраны интересов труда, — но во всяком случае нельзя не признать, что образование партии «Народного права» есть шаг вперед, шаг к тому, чтобы окончательно сбросить иллюзии и мечтания об «иных путях для отечества», чтобы признать безобоязненно действительные пути и на их почве искать элементов для революционной борьбы. Тут ясно обнаруживается стремление к образованию демократической партии. Говорю о «стремлении» только, потому что народоправцы, к сожалению, не проводят последовательно своей основной точки зрения. Они все еще толкуют об объединении и союзе с социалистами, не желая понять, что втягивать рабочих в простой политический радикализм значит отрывать только рабочих интеллигентов от рабочей массы, значит осуждать на бессилие рабочее движение, потому что оно может быть сильно лишь на почве полного и всестороннего проведения интересов рабочего класса, на почве экономической борьбы с капиталом, нераздельно сливающейся с политической борьбой против слуг капитала. Они не хотят понять, что «объединение» всех революционных элементов гораздо лучше достигнется путем особой организации представителей отдельных интересов^[2] и совместного действия в известных случаях той и другой партии. Они все еще называют свою партию «социально-революционной» (см. Манифест партии «Народного права», помеченный 19 февраля 1894 г.), хотя в то же время ограничиваются исключительно политическими реформами, обходя заботливейшим образом наши «проклятые» социалистические вопросы. Партии, так горячо призывающей к борьбе с иллюзиями, не следовало бы других вводить в иллюзии первыми же словами своего «манифеста»; не следовало бы говорить о *социализме* там, где нет ничего кроме

конституционализма. Повторяю, однако, нельзя оценивать народоправцев, не приняв во внимание их происхождение от народолюбцев. Нельзя не признать поэтому, что они делают шаг вперед, обосновывая политическую исключительно борьбу, не имеющую отношения к социализму, политической же исключительно программой. Социал-демократы от всей души желают успеха народоправцам, желают роста и развития их партии, желают более тесного их сближения с теми общественными элементами, которые стоят на почве данных экономических порядков^[3] и *жизненные* интересы которых действительно теснейшим образом связаны с *демократизмом*.

Недолго сможет продержаться примирительное, трусливое, сентиментально-мечтательное народничество «друзей народа», когда на него нападут с обеих сторон: политические радикалы за то, что они способны выражать доверие к бюрократии, что они не понимают безусловной необходимости политической борьбы; — социал-демократы — за то, что они пытаются выступать чуть не социалистами, не имея никакого отношения к социализму, не имея никакого понятия о причинах угнетения трудящегося и характере происходящей классовой борьбы.

-
1. ↑ Заметьте, что Маркс говорит здесь о материалистической критике, которую только и считает научной, т. е. критике, сопоставляющей политико-юридические, социальные, бытовые и др. факты с экономикой, с системой производственных отношений, с интересами тех классов, которые неизбежно складываются на почве всех антагонистических общественных отношений. Что русские общественные отношения — антагонистические, в этом едва ли кто мог сомневаться. Но основанием для *такой* критики их еще никто не пробовал брать.
 2. ↑ Сами же они протестуют против веры в чудотворство интеллигенции, сами говорят о необходимости вовлечения в борьбу самого народа. Для этого необходимо ведь связать эту борьбу с определенными житейскими интересами, необходимо, следовательно, различать отдельные интересы и отдельно их втягивать в борьбу... А если заслонять эти отдельные интересы голыми политическими требованиями, понятными лишь интеллигенции, не значит ли это опять поворачивать назад, опять ограничиваться борьбой одной лишь интеллигенции, бессилие которой было сейчас только признано?
 3. ↑ (То есть капиталистических) — а не на почве необходимого отрицания этих порядков и беспощадной борьбы против них.

Источник — [https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=Что_такое_«друзья_народа»_и_как_они_воюют_против_социал-демократов%3F_\(Ленин\)/III/III&oldid=545707](https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=Что_такое_«друзья_народа»_и_как_они_воюют_против_социал-демократов%3F_(Ленин)/III/III&oldid=545707)»